ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРН

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА VIII.
ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.
Штаба Виленскаго Военн
1870.

ВѢСТНИК

ЗАПАДНОЙ РОССІИ

СТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ Ж

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА VII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Штаба Виленскаго Воени

1870.

Дозволено Ценсурою 27-го августа 1870 года. Вильна.

I.

ДОКУМЕНТЫ,

ОБЪЯСНЯЮЩІЕ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ КЪ КОРОЛЮ, ДРУГЪ КЪ ДРУГУ И ДРУГИМЪ СОСЛОВІЯМЪ.

17.

Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда, по дѣлу, заведенному смоленскимъ епископомъ Францемъ Долматомъ Исайковскимъ, о нападеніяхъ помѣщика Ѳедора Красницкаго на крестьянъ и на домъ его въ имѣніи Княжевичахъ *) 1651 г. окт. 10.

На рокахъ яко выше, кгды спорадку реестрового ку суженю припала справа вельможного его милости ксендза

1) Этотъ документъ замѣчателенъ какъ образчикъ страннаго производства тогдашняго времени. Епископъ Смоленскій жалуется суду на причиненное ему насиліе помѣщикомъ Красницкимъ. Судъ сначала осуждаетъ Красницкаго на заплату епископу 20 копъ грошей, а вслѣдъ затѣмъ признаетъ жалобу епископа бездоказательною и увольняетъ Красницкаго отъ всякаго взысканія, въ то время, когда въ томъ же актѣ упоминается, что осмотръ сдѣланныхъ поврежденіямъ и повѣрка убытковъ учинены были законнымъ порядкомъ и въ свое время.

Францишка Долмата Исайковского бискупа Смоленског пробоща Троцкого зъ земяниномъ тогожъ повету Городеı ского съ паномъ Теодоромъ Красницкимъ запозвы менеч о найсте кгвалтовное на фольварокъ его милости Княже вичы и почынене шкодъ, о чомъ шырей впозве описан жалоба, ино за приволанемъ черезъ енерала роковъ пиль нуючого сторонъ до права одъ его милости ксендза биску па Смоленского, слуга его милости панъ Даниелъ Хранов скій за моцы листовною правною, а позваный самъ до пра ва постановили; за тымъ умоцованый поводовою подань позву на именю Красницы въ повете Городенскомъ черезъ енерала поветового Василія Кглиндича сознанемъ его и року за нимъ припалого слушне правне доведшы, и трое во лане пильности подписаное на томъ позве оказавшы, жалобу съ него чыталъ, жаловалъ за данемъ собе справы и ведомости съ врадника своего маетности лежачое въ повете Городенскомъ названомъ Княжевиче пана Криштофа Шостака о то: ижъ дей въ году теперешнемъ тисеча шесть сотъ петьдесятъ первомъ месеца іюня семого дня, и передъ тымъ розными днями и часы не жыючи спокойне въ суседстве, але што разъ великие крывды чынечы подданымъ его милости ксендза бискупа Смоленского, биючы, мордуючу, а не переставаючы того предсевзятя своего, того дня и часу вышъ писаного самъ верность твоя пане Красницкій и съ помочниками своими и зъ челядю своею именями собе ведомыми нашодшы моцно кгвалтомъ на дворецъ его милости, тутже подле двора его милости ксендза бискупа Смоленского, лежачый, названый Княжевиче, где подданые теперь два кресценный и сеножатей пильнуютъ и въ тымъ дворцу мешкаютъ на име Апанасъ Поботинъ а другой Цимохъ Колесникъ, а тамъ въ томъ дворцу его милости ксендза бискупа Смоленского, самъ съ тыми помочниками двери во сени и до избы секерами посекли и

обухами повыбиялъ еси, и окна также посекъ и иншыхъ убытковъ немало наделалъ еси, верность твоя, пане Красницкій, што шырей на реляцыи огледаня енерала описано и доложоно есть; также верность твоя пане Красницкий умыслне моцно и гвалтовне наганяючы быдломъ, коними своими ночю и днями на пшеницу его милости ксендза бискупа Смоленского на бочку сеяна спаслъ и въ нивошто обернулъ, шкоды на золотыхъ петнадцать и болшъ; а на томъ мало маючы, одходечы съ того дворца его милости ксендза бискупа Смоленского, верность твоя пане Красницкий, похвалку учынилъ еси тыми словы: жебымъ теперъ въ тымъ дворцу позосталъ, певне бымъ оной не жывилъ, але коли колвекъ кого въ томъ дворцу знайду, на смерть забию и тотъ дворецъ огнемъ спалю, а того Апанаса Поботня и Цимоха Колесника, подданыхъ его милости где колвекъ потрафившы на смерть позабияю. По прочытаню позву, на доводъ жалобы позовное покладалъ процесъ въ реляцыею вышисомъ съ книгъ сурокгаторскихъ господарскихъ до того року тисеча шесть сотъ петдесятъ первого месеца июня чотырнадцатого дня, подавшы справе артикулъ першый и вторый розделу одинаддатого, беручы врадникови заведываючому тымъ дворцомъ Княжевичами пану Крыштофу Шостаку на прысягу кгвалту и за шкоды починеные совито и седеня вказу на пану Красницкимъ домагалъ. На то панъ Красницкій поведилъ: поневажъ его милость ксендзъ бискупъ Смоленскій самъ процесъ о то чынить, яко таковую а не инакшую ведомость одъ урядника о томъ взялъ, абы самъ кгвалту доводилъ водлугъ артикулу петьдесятъ осмого розделу одинадцатого; а што шкодъ домавясе вказу жадныхъ въ реляцыи не мянуетъ, и о пшеницу, которая не пры томъ мниманомъ кгвалте яко меннуе въ процесе розными днями въ полю где быдла николи не занято въ шкоде и неокоповано яко право арты-

кулъ вторый розделу трынадцатого науку даетъ, поневажъ того не указують, увольненя одъ седзеня и одъ тыхъ шкодъ вказу домавялъ. Мы врадъ въ той справе вельможного его милости ксендза бискупа Смоленского съ паномъ Теодоромъ Красницкимъ за позвомъ менечы на гвалтовное наисте на фольварокъ Княжевицкий о повыбиняне двери и оконицъ, о пофалку на сторожей и дворца и о испашу на бочку пшеницы въ полю, зъ очевистого мовеня обеюхъ сторонъ, пры процесе водле добровольного взятя на прысегу врадникови пану Шостаку, который таковую справу о тое его милости пану своему далъ, на томъ кгвалте вказуемъ и декретомъ тымъ выконать складаемъ, а по прысязе кгвалту копъ двадцать Литовскихъ на пану Красницкимъ вказуемъ и до одправы приходить заложывшы на спротивенство вару водле важности речи отсылаемъ, а поневажъ жадного бою шкодъ въ томъ фольварку не стало, похвалки недовожоно, пшеницы неокоповано пана Красницкого одтого увольняемъ. Одтого пункту увольненя одъ его милости ксендза бискупа до суду головного апеловано, и мы якое въ терминъ належный допустили, а кгды день третий прысязе прыпалъ панъ Шостакъ ону зроты выконалъ. Которая справа яко се одправовала до книгъ есть записана.

18.

Жалоба Даніила Храновскаго, повѣреннаго сейненскихъ доминикановъ, на помѣщиковъ Павла Стабинскаго Адама Семпковскаго за наѣзды и нападеніе на земли, принадлежащія сейненскому монастырю *). 1651 г. окт. 14.

На рокахъ земскихъ водлугъ статуту права посполитого припалыхъ на завтрее по светомъ Михале святе Римскомъ судовне отправованыхъ, передо-мною Іоаномъ Сопотькомъ судею, Адамомъ Буховецкимъ подсудкомъ, а Константымъ Александровичомъ писаромъ, врадниками судовыми земскими, повету Городенского, постановившысе передъ нами врадомъ пленипотентъ въ Бодзе велебного его милости ксендза Рейналда Тишкевича, святой теологіи бакалара и преора кляштору Сейненского закону светого Доминика и иншихъ отцовъ доминикановъ, въ томъ кляшторе Сейненскомъ мешкаючыхъ въ повете Городенскомъ панъ Даньелъ Храновскій, при бытности отца ксендза Дмуховского супъпреора того кляштору, вносилъ протестацію на его милость пана Павла Стабинского и его милость пана Адама Семпковского старосты Дресницкого и пани малжонку его милости, о то: же въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ петдесятъ первомъ месеца сентебра второго, третего и четвертого и передъ тымъ иншими днями и часы усневшыся сполную раду и намову, панъ Стабинскій съ его милостію паномъ Адамомъ Семпковскимъ и съ малжонкою его мило-

---

¹) Изъ этого документа можно вывести заключеніе, какъ въ тѣ времена поступали съ иновѣрцами и какъ щадили ихъ личность и имущество, когда, для удовлетворенія гнуснаго корыстолюбія, осмѣлились покуситься на достояніе той церкви, къ которой сами принадлежали.

сти по запозве внесенымъ на роки теперешные Михаловские, того часу вышъ писаного, наехавши моцню кгвалтовне, не заховуючысе водле права посполитого и легце оное поважаючы, подданыхъ своихъ съ рознымъ оружомъ до бою належачымъ на кгрунтехъ ихъ милости ксенжахъ вельние кривды, шкоды почынили кгреницы стародавные дерева дубы знаками повытикали, мимо кграницы и кгрунту поооравшы житомъ засели и межи стародавные попсовали кромъ ведомости ихъ милости отцовъ доминикановъ кляштору Сейненского, хотечы неналежне кгрунты привлащати изъ покойного держаня взяти; о што все протестовавшысе свою протестацыю далъ до книгъ земскихъ повету Городенского записати, што есть записана.

19.

Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда по дѣлу между митрополитомъ кіевскимъ Гавріиломъ Колендою и княземъ Богуславомъ Радзивилломъ о грабежахъ, произведенныхъ управителемъ сего послѣдняго дворяниномъ Свинарскимъ *).

На рокахъ судовыхъ земскихъ по святомъ Михале святе римскомъ водле права припалыхъ и судовне у Городне

*) Этотъ документъ свидѣтельствуетъ о томъ снисхожденіи съ какимъ земскіе суды судили дѣла, возникавшія по жалобамъ на знатныхъ и могущественныхъ въ государствѣ людей. Равнымъ образомъ показываетъ съ какою небрежностію суды эти вступались за уніятовъ, которыхъ въ одномъ только случаѣ отстаивали упорно и даже вопреки всякой справедливости,— когда они имѣли дѣло съ православными. Въ настоящемъ случаѣ, не смотря на очевидное насиліе причиненное на большой дорогѣ людямъ уніятскаго митрополита, повѣреннымъ князя

отправованыхъ, передъ нами Константымъ Александровичемъ судьею, Томашомъ Воловичомъ подсудкомъ, Петромъ Хребтовичомъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городенского, вгды съ порадку реестрового ку суженю припала справа ясне вельможного его милости въ Бозе превелебнаго ксендза Хабриеля Коленды метрополиты Кіевского, Галицкого и всей Руси, архимандрыты супраского зъ ясне освецонымъ княжатемъ его милости Богуславомъ Янушевичомъ Радивиломъ конюшимъ великаго князства литовского, старостою бранскимъ и пошырвинскимъ и ясне освецоною ксенжною ея милостию Анною Марыею Янушовною Радивиловною воиводянкою Виленскою Богуславовою Радивиловою конюшиною великаго князства литовского, малжонкою его ксенжацкой милости, за позвомъ до декрету суду головного трибунального въ речы нижей мененой вынесеномъ, до которое справы за приволанемъ черезъ енерала сторонъ до права одъ его милости ксендза метрополиты умоцованый при бытности самого его милости моцъ собе устне злеценую маючи, панъ Матей Скуратъ, а одъ освецоныхъ княжатъ ихъ милости за моцою листовною панъ Михалъ Миневскій умоцованый ихъ милости, становили, затымъ умоцованый жалобливого, по даню и положеню по позваныхъ особъ въ мастности, дворе ихъ милости, Заблудовю, въ повете городенскомъ лежачомъ, позву черезъ енерала повету Городенского Александра Сороку, сознаньемъ его передъ его милостію паномъ Петромъ Хребтовичомъ писаромъ земскимъ Городенскимъ въ дате сего року месеца сентебра двадцатъ осмого дня учиненымъ, и року за нимъ припалого правне до-

---

Радзивилла Свинарскимъ, судъ въ опредѣленіи своемъ не сказалъ ничего рѣшительнаго и безпрекословно допустилъ князя Радзивилла къ апелляціи въ Трибуналъ, тогда какъ дѣло это было уже въ Трибуналѣ, и по приказанію того же самаго Трибунала отослано по разсмотрѣніе и рѣшеніе въ земскій судъ,

ведшы и трое волане пилности на нємъ написаное и рукою писарскою назначоное оказавшы, поднесшы за позовъ читалъ зъ него жалобу стороны своей о то и таковымъ способомъ: ижъ урожоный Станиславъ Свинарскій поблизу маетности велебныхъ отцовъ базылиановъ монастыра супрасельского въ маетности Заблудовское въ повете Городевскомъ лежачыми одъ велеяспости вашихъ на враде будучи великие екземпцие и шкоды имъ жалуючимъ протестантомъ инъ диесъ (in dies) чинитъ и чинить не перестае, пущу отцомъ базылияномъ кажеть пустошить, якожъ и въ року прошломъ тисеча шестьсотъ шестьдесятъ пятомъ месеца апреля дня двадцать второго, кгды возницы превелебного ксендза метрополиты, вышъ менованого, ехали зъ фольварку названого Топлица съ коньми цуговыми, урожоный Свинарскій слуга и урядникъ вельможностей вашихъ, зъ завзятой злости, а знать зъ росказанья вашихъ милостей, пановъ своихъ, кони двохъ жмойдиновъ половыхъ зъ шорами и зъ лейцами ременными и зо всѣмъ нарадомъ до нихъ належачымъ съ цугу, заступившы на добровольной дорозе, самъ урожоный Свинарскій въ розными собе и ведомыми знаемыми, а на тотъ учинокъ субординоваными особами и хлусовниками, зе стрелбою огнистою, яко на якихъ неприятелей; которые тые кони за росказаньемъ превелебного ксендза метрополиты проважоные до монастыра супраского, который въ своихъ пильныхъ справахъ за позвами отъ себе по розные особы подаными на трыбуналъ прошлый виленскій, въ прошломъ року тисеча шестьсотъ шестьдесятъ пятымъ одправуючій мелъ ехать, где за таковой виоленцыей, а не мало и розбоемъ и первымъ взятыхъ коней тыхъ своихъ омешкать муселъ справъ, которые то кони купленые были, кождый зъ нихъ по золотыхъ польскихъ осемьдесятъ, за шоры, узды, лейца ременные французские и до нихъ нарадъ належачый, плюсъ

кингъ рахуючи залотыхъ сорокъ пять, то все чинечи на великій контемтъ превелебного ксендза метрополиты и велебныхъ отцовъ базыліановъ, въ томъ конвенте резыдуючихъ, препомнившы впередъ боязни Божой и срокгости права посполитого на таковыхъ своволныхъ людей суровѣ описаного, таковый збытокъ и ексцесъ розбойнымъ способомъ, на доброволной дорозе власне яко якихъ неприятель, а снать же вжо маючы яковые шпеги въ пущи отцовъ базыліановъ власной съ тою своею потугою кгвалтомъ взялъ и до двора заблудовского запровадилъ и возницу при тыхъ коняхъ окрутне збито и змордовано; о што все превелебный въ Богу ксендзъ метрополита хочучи правомъ чинить, симъ позвомъ нашимъ водлугъ наказу и декрету суду нашого головного трибунальского теперь у Вильни ферованого отосланья на справедливость за вельможностей вашихъ зъ обвиненого Свинарского припозываетъ. А по прочитаню того позву, читалъ декретъ суду головного трибунального въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ шестьдесятъ шостомъ месеца іюня первого дня въ звышъ мененой акціи зъ очевистое контроверсіи у Вильни ферованый, которымъ судъ головный розсудку не чинечи, тую справу зъ вольнымъ жалобливому, похочетъ ли, досуженьемъ водлугъ права зъ его милости пана Свинарского у яене освецоного княжети его милости конюшого великаго князства литовского справедливости за позвомъ водлугъ права справленымъ вынесенымъ на скуточную росправу до того вряду земского Городенского, заховавши всѣ оборовы правные сторонамъ вцале рокомъ завитымъ одослалъ; ведле которого декрету и права его милости ксендза метрополита справуючися, подавшы княжатомъ ихъ милости запозовъ по справедливости до двору ихъ милости Заблудовского намесника своего монастыра супрасльскаго отца Антонего Кашчица зъ умоцованнымъ своимъ паномъ Крищ-

тофомъ Чижевскимъ зо трома енералами зсылалъ, где за приездомъ оныхъ до помененого двора его милости панъ Криштофъ Крывецъ, староста заблудовскій, обецуючи впередъ тую справедливость чинить, а потомъ место его милости пана Свипарскаго слуга и аентъ княжати его милости панъ Станиславъ Шишка ставилъ заступцу пана Долонговскаго; гды же умоцованый жалобливого не контентуючи тымъ заступцею ставеньемъ, абы его милости пана Свинарского, съ которомъ вжо и декретъ суду Головного за позвомъ его стануль, для учиненя зъ него самою справедливости (одъ княжати его милости) становили домовлялъ, тогды его милость панъ Крывецъ и другие ихъ милости на учинене тое справедливости одъ княжати его милости высажоные, поведаючи то, же за неприбытемъ пана Свинарского не можемъ зъ него справедливости чинить, якожъ и не учинили; на доводъ того тую реляцыю тыхъ енераловъ Александра Сороки, Флорыана Цырановича и Базылего Брозовского сознанья ихъ выписомъ съ книгъ гродскихъ Городенскихъ въ дате сего року месеца сентебра петнадцатаго дня покладалъ, а то указавшы, же се позваная сторона водле права артикулу сорокъ осмого зъ розделу четвертого не справила, абы вины рубль грошей заплатила, а потомъ въ самой речи отповедала, наказу у насъ враду просилъ. На што умоцованый княжать ихъ милостей поведилъ, же княжата ихъ милость въ томъ ничего невинны, албовемъ водле декрету суду головонго черезъ приятель и слугъ своихъ на то высажоныхъ на термине, припаломъ справедливость чинили и тое кони въ неведомости ихъ милости пограбеные вернуть и отдать готовы были, яко заступцовъ въ той справе ставили, нижли его милость отецъ Кашчицъ засланый одъ его милости отца метрополиты вперодъ заступцу его милости пана Свинарского водле права артикулу петдесятъ пятого зъ

роздялу четвертого, постановленого не принявши, потомъ тыхъ кони отданыхъ взять не хотелъ; на доводъ чого показалъ и читалъ реляцию трохъ енераловъ, выписомъ зъ книгъ гродскихъ Городенскихъ и признанья оныхъ въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ шестьдесятъ шостомъ месеца сентебра осмнадцетого дня выданую, а што се ткне же на першыхъ терминахъ не становионо заступцу, бо только до зраженя позву ставано; а то указавши увольненя одъ плаченя рубля и принятя тыхъ заступцовъ наказу у насъ враду просилъ. А умоцованый стороны поводовое на то репликуючи поведилъ, же не съ паномъ Доленговскимъ, а ни съ паномъ Добрынскимъ въ Трибунале была справа, але съ паномъ Свинарскимъ однимъ самымъ на справедливость одослано, а позваная сторона уникаючи справедливости светое, мимо декретъ Трибунальскій яковыхъ си заступцовъ ставили, о которыхъ передъ тымъ въ земстве передъ вашой милостю, яко и суду головного трибунального у Вильни не чинили, зачымъ собе то вжо упустили за тое ухилене одъ стороны противное того неслушного домовяня на сторону, а наказанья платитъ за неучиненье справедливости рубель грошей и всказу заразомъ далей сторонамъ въ право поступовать у вашихъ милостей, враду, прошу. А такъ мы врадъ въ той справе ясне вельможного въ Бозе превелебного его милости ксендза Кгабриеля Коленды метрополиты кіевского зъ ясне-освецонымъ княжатемъ его милостію Богуславомъ Радивиломъ конюшимъ великого князтва литовского и освецоною княжною ей милости Анною Марыею Радивиловною Богуславовою Радивиловою конюшиною великаго князтва литовского малжонкою его княжатою милостью за позвомъ до декрету суду головного трибунального у Вильни, въ року теперешнемъ месеца іюля первого дня, зъ очевистое контроверсыи ферованой, которымъ судъ головный стороны пограбеня черезъ его

милость пана Свинарского слугу княжать ихъ милости двохъ кони цуговыхъ, ценою въ жалобе описаныхъ, о эбите возницъ съ тыми коньми едучихъ впередъ, о то на справедливость до княжати его милости, а за неучиненемъ оное, до насъ враду на скуточную росправу одослалъ; въ которой справе зъ очевистое въ обудву сторонъ контроверсыи мы врадъ, поневажъ не съ пана Доленговского, яко они заступцами въ той справе становили, а ни съ пана Добрыневского, але съ пана Свинарского, съ корорымъ справа такъ на першимъ термине роковъ прошлыхъ такъ рокъ сужоныхъ, а потомъ и у суду головного актована была, за которымъ справедливости чинить наказано; а оное яко се съ продукту умоцованаго стороны поводовое показалось, не чинено, (а место) справедливости двохъ звыше менёныхъ заступцовъ ставено, зачымъ за неучиненое тое съ пана Свинарского справедливости рубль грошей водле права артыкулу чотырдесятъ осмого зъ розделу четвертого жалобливому заплатить узнали, а по заплаченю оного заразомъ сторонамъ далей въ право поступовать наказали; за которымъ наказомъ до отказу тое справы урощоное процадованя умоцованый княжати ихъ милости до суду головного Трибунального апеловалъ, которое апеляции и мы врадъ въ терминъ суженя правъ повету Городенского допустили. Которая справа якосе передъ нами актовала есть до книгъ земскихъ Городенскихъ записана, съ которыхъ и сесь выпись подъ нашими врадовыми печатми, а подписомъ руки писарское, ясне вельможному его милости ксендзу метрополите киевскому есть выданъ. Писанъ у Городне.

20.

Определеніе гродненскаго земскаго суда по делу между наместникомъ Супрасльского монастыря Антоніемъ Кащицомъ и конюшимъ в. княжества Литовского Богуславомъ Радзивилломъ о причиненныхъ съ ведома его последняго истязаніяхъ тивуну Супрасльскаго монастыря боярами Криницкими. 1666 г. окт. 12.

На рокахъ судовыхъ земскихъ по святомъ Михале святе римскомъ водле права припалыхъ и судовне у Городне одправованыхъ, передъ нами Константымъ Александровичомъ судьею, Томашомъ Воловичомъ подсудкомъ, Петромъ Хребтовичомъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городенского, кгды съ порадку реестрового ку суженю припала справа въ Бозе велебного его милости отца Антонія Кашчица наместника монастыра супраского отцовъ базилианювъ въ ясне освецонымъ княжатемъ его милостію Богуславомъ Радивиломъ конюшимъ великого князтва литовского и ясне освецоною ксенжною ей милости Анною Марыею Радивиловною воеводянкою Виленскою, Богуславовою Радивиловою конюшиной великаго князтва литовскаго, за позвомъ въ речи нижей меной вынесенымъ, до которое справы за приволанемъ черезъ енерала сторонъ до права одъ велебного его милости отца Кашчица умоцованый при бытности самого его милости за моцою устне собе злецоною панъ Матей Скуратъ, а отъ позваныхъ княжатъ ихъ милости панъ Михалъ Миневскій, за моцью листовною правною собе до тое справы данною, становили. За тымъ умоцованый стороны по-

водовой поданья и положенья по позваныхъ особъ въ маетности и дворе ихъ милости Заблудовю, въ повете Городенскомъ лежачомъ, позву черезъ енерала того повету Городенского Александра Сороку, сознанемъ его передъ его милостью паномъ Петромъ Хребтовичемъ писаромъ земскимъ городенскимъ учиненымъ, и року за нимъ припалого правне доводечи и трое воланe пильности рукою писарскою назначоное оказавшы и позовъ по княжатъ ихъ милости одъ актора отца Кашчица вынесеный поднести, въ которомъ жалобливый за взятемъ певной ведомости и даньемъ собе справы одъ тивуна двора своего Клевинова, въ певете городенскомъ лежачого, на имя Войтка Килика на княжатъ ихъ милостей жалуетъ о то: ижъ кгды номененый тивунъ будучи зъ двора Клевинова на торгъ для купенья до спрату домового належачыхъ потребъ до места вельможностей вашихъ Заблудовя посланый, и вже купивши тые речи, кгды се до двора поворачалъ, тамъ же помененые земяне и бояре криницкие зъ воли и ведомости вельможностей вашихъ, въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ шестьдесятъ пятомъ месеца ноябра дня двадцатъ семого, заступивши ему на добровольной дорозе на урочищчу Криницахъ, посередъ села своего, безъ даня жадной, наймнейшой причины, не дбаючи на право посполитое и артикулы въ немъ выражоные немилосердне его кийми и обухами збили, а потомъ тогожъ тивуна звезавшы, топить его хотели, якожъ бы и утопили, кгды быхъ не люде едучие, яко дня торгового, съ торгу, оного не одратовали; а не досыть на то маючи еще одповедь и похвалку учинили, поведаючи, ижъ мамы такое розказанье ксенжати его милости и ксенжны ей милости, такъ васъ мужиковъ, яко тежъ и вашихъ пановъ и урядниковъ на смерть забиять и на границу класть, а до того ведайте еще, же у прудкимъ часе и кляшторъ вашъ спалимъ. Въ

томъ отцове базилиане маючи такъ великую обелгу и кривду, и найбатдзей не будучи безпечными въ спаленю монастыра: тогды о то все хотечи правне чинить, симъ позвомъ нашимъ передъ судъ нашъ припозываетъ. А по прочитаню того позву тотже умоцованый жалуючихъ на доводъ самой речи покладалъ и читалъ процесъ черезъ жалобливого о тотъ бой и похвалку черезъ бояръ княжать ихъ милости названыхъ Криницкихъ грозечихъ зъ росказаня княжать ихъ милости монастырь Супраски огнемъ палить, учиненую съ книгъ гродскихъ Городенскихъ въ прошломъ року тисеча шестьсотъ шестьдесятъ пятымъ месеца декабра второго дня, при томъ и реляция енерала Флориана Цырановича огледанье ранъ подъ тоюжъ датою выданые, съ которого процесу указовавъ, же тая похвалка черезъ бояръ княжать ихъ милости зъ розказаня ихъ милости стала, за чымъ цытуючи артыкулъ чотырыдесятый и чотырыдесять першый зъ роздѣлу одинадцатого, возле которыхъ взглядомъ учиненой похвалки позваный самъ очевисто, а не черезъ умоцеваного до тое справы ставать повиненъ; зачымъ отъ ставеня отъ той справы пана Миневского сами до права не становятъ за присегою тивуна, которому на той похвалце бояръ вказу водле помененыхъ артыкуловъ просилъ. На што умоцованый стороны позваное поведилъ, ижъ хлопъ похвалки не можетъ выигрывати пану своему, кгдышъ то неровная межы простого стану особою, а княжати ихъ милости, до тогоже тая похвалка не на особу самого жалобливого, але яко они менятъ на монастыръ якобы учинена быти мела; того никгды не было, яко того и сами жалобливые жадными документами не пробуютъ и пробовати не могутъ они тежъ и самъ жалобливый до доводу не беретъ, але только того хлопа ставитъ; зачимъ сторона моя до отводу тромъ обвиненымъ бояромъ беретъ, а по присязе ухиленя

того неслушного черезъ умоцованого стороны поводовое домовяня на сторону, а княжатъ ихъ милостей, яко ничого въ томъ невинныхъ одъ тоей не слушной жалобы увольненья у вашъмостей враду прошу. А панъ Чижевскій на то репликуючи захованя стороны при першомъ домовяню, яко слушномъ и правномъ, албовемъ процесъ на княжате его милости позовъ и вписъ также съ княжатъ ихъ милостей, зачимъ и вказу на ихъ милостяхъ у насъ афектовалъ. А по увольненю нашимъ княжатъ ихъ милостей, поневажъ ничимъ тое похвалки не пробовали, тоей жалобы и по наказе нашомъ далей въ право поступовать въ далшомъ поступку правномъ, умоцованый стороны поводовое при выжей покладаномъ процесе и реляцыи енеральской ещо на дальшый доводъ помененому тивуну на бою до присеги беру; а по присеве ведле конституцыи сеймовое навезки совитое вказаня у насъ враду просилъ и домавялъ. А такъ мы врадъ въ той справе въ Бозе велебного его милости отца Антониого Кашчица наместника монастыра Супраского зъ ясне освецонымъ княжатемъ его милостемъ Богуславомъ Радивиломъ, конюшимъ великого князства литовского и зъ освецоною княжною Анною Марнею Радивиловною, Богуславовою Радивиловою конюшиною великаго князтва литовского, малжонкою его княжацкой милости, за позвомъ о неслушное, кгвалтовное збитье тивуна жалуючого двора Клевинова пайма войтка Килика зъ Заблудовья съ торгу до дому едучого въ селѣ Криницахъ черезъ земянъ и бояръ криницкихъ зъ воли и росказаня княжатъ ихъ милостей, притомъ о учиненье черезъ тыхъ же бояръ одповеди грозечи спаленемъ монастыра Супраского зъ воли княжатъ ихъ милостей за тымъ о вины правные, въ коророй справе по увольненю княжатъ ихъ милостей одъ помененой похвалки, поневажъ жалобливый жадными документами не пробовалъ и до дово-

ду самъ се не бралъ и по наказе сторонамъ въ праве юступовать въ дальшомъ поступку правномъ номененому тивуну жалуючого на томъ, яко правдиве оного бояра княжать ихъ милостей криницкие на доброволной дорове, въ селе Криницахъ збили, и такъ веле разовъ, якъ въ реляцыи енеральской описано есть, позадавали, присегу вказуемъ, которую онъ передъ нами дня третего, то есть, чотырнадцатого сего месеца октебра выконати маетъ, а по таковой присезе водле домовеня умоцованого стороны пополовое навезки оному совитое десять копъ грошей литовскихъ на княжать ихъ милостей вказуемъ, за которую десять копъ, а при нихъ съ пересудомъ и выкладами правными чотырма копами, всего чотырнадцать копъ грошей литовскихъ на княжать ихъ милостей и на маетности ихъ милости Заблудовю, на которой ото позовъ покладано, ку отправе впередъ черезъ енерала особливымъ листомъ нашимъ приданого, а потомъ через нашъ врадъ порядкомъ правнымъ приходить велебному отцу наместнику супраскому вольность зоставуемъ въ томъ, заложивши на спротивного водле важности речи осужоное заруку отсылаемъ. А кгды за декретомъ и откладомъ нашимъ дня чотырнадцатого для выконаня тоей присеги одъ насъ враду зложоный терминъ припалъ, тотъ тивунъ чинечи досыть декретови нашому присегу ему вказаную зъ роты собе черезъ енерала читаное выконалъ въ тые слова: Ja Wojtek Kilik pszysiengam panu Bogu wszechmogocemu, w Troycy swientey iedynemu na tym, iako prawdziwie ludzie xionzencia Jego mosci Krynickie na dobrowolney drodze we wsi Krynicach zbili y tak wiele razow, iako w relatii ieneralskiey opisano iest, pozadawali, naczym iako sprawiedliwie przysiengam Panie Boze mi pomoz a iesli nie sprawidliwie, Boze mnie ubiy. Которымъ декретомъ нашимъ обедве стороны контентовали. Которая справа якося актовала, до книгъ земскихъ Городен-

оныхъ есть записана, зъ которыхъ и сесь выписъ подъ нашими урядовыми печатми а подписомъ руки писарское его милости ксендзу наместнику есть выданъ. Писанъ у Городне.

21.

Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда по дѣлу о нападеніи гродненскаго подчашаго Мартина Черницкаго на имѣніе гродненскаго архимандрита Митрофана Друцкаго-Соколинскаго. 1669 г. авг. 8.

Передъ нами судьями, по абдикацыи его королевской милости одъ ихъ милостей пановъ обывателевъ повету Городенского згодне на сеймику въ Городне на суды кантуровые въ року тисеча шестьсотъ шестьдесятъ осмомъ обранными, кгды съ порядку ку розсудку нашому припала справа въ Бозе превелебного его милости ксендза Митрофана Друцкого Соколинского, архимандриты Городенского зъ его милостію паномъ Мартиномъ Черницкимъ подчашимъ Городенскимъ за позвомъ менечы о гвалтовный наездъ способомъ въ процесе помененымъ, о побитье подданыхъ, затымъ о одповедь, похвалку и вины правные, въ которой справе по взятю одъ его милости пана подчашего Городенского на пленипотента на припаломъ термине зъ очевистое зъ обеюхъ сторонъ контроверсіи а пильными во всей той справе одезлаемъ, на которую шкрутиниумъ спосродка кола нашого двухъ колекговъ нашыхъ, его милость пана Гаврылца Руневича судью и его милость пана Александра Сопотька писара, урядниковъ кгродскихъ Городенскихъ назпачаемъ, на которую шкрутиниумъ

на день двадцать вторый месеца августа въ теперешнемъ тысеча шестьсотъ шестьдесятъ девятомъ року, зъехавши водле порядку правного на прошлой, дасть Богъ,—юрыздыще, на первой по семъ декрете нашомъ у Городне судить припадаючой скрутиниумъ своей реляцыю дать маютъ; а стороны въ той справе правр ведучое за тыми позвы скуточную росправу принять повинны будутъ, наказуемъ. Которая справа до книгъ судовыхъ каптуровыхъ повету Городенского есть записана.

22.

Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда, по дѣлу, о нападеніи помѣщика Карла Ейсимонта съ вооруженною толпою на фольварокъ ксендза пріора Гавріила Юрковскаго и о произведенномъ тамъ разбоѣ. 1679 г. іюня 12.

На рокахъ судовыхъ земскихъ по святой Тройце свяге римскомъ водлугъ права припалыхъ и судовне у Городне порадкомъ статутовымъ одправованыхъ, передомною Томашомъ Воловичомъ судьею, Петромъ Хребтовичомъ подсудкомъ, Александромъ Воловичомъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городенского, кгды съ порадку реестрового ку суженю припала справа въ Бозе превелебного его милости ксендза Кгабриеля Юрковского, преора рожаностоцкаго зъ его милостию Карломъ Ейсимонтомъ за позвомъ менечи о кгвалтовное чврезъ его милость пана Ейсимонта зъ помочниками на фольварокъ жалуючого названый Кгинюши, въ повете томъ лежачый, найсте и въ немъ дозорцу жалуючого, наймя Матея Ада-

мовича обухомъ въ зубы удырене и двохъ зубовъ выбите, а потомъ лежачого окрутне, тиранско сбите, змордоване, а другого хлопца жалуючого, на имя Остафея Долголуцкаго ключами въ томъ фольварку заведуючого, шляхтича доброго въ томъ же злапавшы до своего фольварку также Кгинкошовъ запроважене и оному презъ три дни въ приватномъ венвеню звезаного на кождый день розныхъ мукъ, биючи розгами, за даване, потомъ о учинене отповеди и похвалки не только на тыхъ побитыхъ, але и инныхъ слугъ жалуючого, обецуючи оныхъ позабиять, а тотъ фольварокъ жалуючого огнемъ спалить, за тымъ о нени правные и шкоды. Въ которой справе по заживаныхъ черезъ его милость пана Ейсимота у враду нашого делятцыяхъ, то есть, по взятю дня осмого на пленипотента, а дня девятого сегожъ месеца на копию зъ позву и во всихъ справъ, мы врадъ водле права статувого артыкуловъ и розделовъ черазъ пленипотента стороны отпорное цитованыхъ и самое жалобы, яко криминальное, форумъ передъ собою не узнавшы, оную водле артикулу сорокъ четвертого зъ розделу четвертого до належного гродскаго Городенского враду зъ винами отсылаемъ. Которая справа до книгъ земскихъ повету Городенского есть записана.

23.

Определеніе гродненскаго земскаго суда по дѣлу между помѣщиками Иваномъ Рошковскимъ и Климомъ и Станиславомъ Ланевскими, также Андреемъ и Юріемъ Кмитами, о набѣгахъ, грабежахъ и насиліяхъ, производимыхъ сими послѣдними въ имѣніи Рошковскаго. 1696 г. декаб. 10.

Передъ нами судьями каптуровыми, по смерти найясвейшого короля его милости Яна третего, пана нашого милостивого, на сеймику антеконвокацыйномъ одъ ихъ милости пановъ обывателовъ повету Городенского на суды каптуровые згодно обраными, кгды съ порадку реестрового ку суженю припала справа его милости пана Яна Рошковского и пани малжонки его милости зъ панами Климомъ и Станиславомъ Ланевскими, Андреемъ и Юримъ Сутkевичами Кмитами, яко вечными банитами и помочниками оныхъ имъ же самимъ иміонами и назвисками добре ведомыми, мяновите, Яномъ Балтромеемъ и Лукашомъ Локитями, за позвомъ въ речи нижей мененой тутъ передъ насъ судъ вынесенымъ, до которое справы за приволанемъ черезъ енерала сторонъ до права, тогды одъ акторовъ умоцованый панъ Григерій Снарскій за моцъю собе до тое справы устне злецоною очевисто становилъ, а позваные особы яко се сами до права не становили, такъ и жадное ведомости о нестаню своемъ намъ судови и стороне своей не учинили. За тымъ умоцованый стороны поводовое по даню и положеню тромъ сторонамъ позовъ на маетностяхъ оныхъ, Зубрыца и Машкиники названыхъ, въ повете Городенскомъ лежачыхъ, черезъ енерала Самуеля

Юрія Луцкевича съ сознанемъ его, днемъ передъ каденцыею судовъ нашихъ учиненымъ, слушне, правне, доведшы и трое воланe пильности стороне своей на томъ позве написаное зъ коннотацыею руки писарское оказавшы, читалъ жалобу зъ позву о то, ижъ обжалованые принципалове и помочники оныхъ въ спольной раде и намове зъ собою будучы змовившысе съ своею громадою, наступили на жалуючихъ, хотечы оныхъ о смерть приправити и маетность спалити, яко люди зухвалые и своволные, лекце собе поважаючы право посполитое статутовое и конституцыи сеймовые, не пооднакратне рожными часы имъ отповеди чинять, засадки по дорогахъ чинять, чыгаючы рожными способами жалуючыхъ позабияти; а въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ девятдесятъ шостомъ месеца октобра одинаддатого дня сеножать въ Зубрище подъ Мишкинниками, въ повете Городенскомъ лежачую кгвалтовне найшовшы, покосили и до своей сеножати прилучили, а потомъ ниву кгрунту въ тойже Зубрицы въ повете Городенскомъ лежачую, въ заставе отъ пана Казимера Снарского будучую, кгвалтовне однели и експульсыю жалуючому учинили, гусей осмеро, индыковъ десятеро, веира кормного, коштуючого золотыхъ петнадцать, то все позабирали и забравшы до домовъ своихъ запровадили; а кгды жалуючые въ тымъ же року тепережнимъ месеца ноября первого дня, при костеле одельскомъ приятельскимъ способомъ упрашали, абы таковыхъ виоленцый не чинили, обжалованые вси гуртомъ словами ущипливыми здыфамовавшы обойга жалуючихъ, а потомъ зъ добытыми шаблями скочывши позабиять усиловали были, аже ледво жалуючые до костела впасть могли, а не упоментовавшы своей завзятости, срогую отповедь и похвалку на здрове жалуючихъ самихъ на смерть позабиянемъ а маетности огнемъ спаленемъ учинили; которой то своей похвалце до-

сыть чинечы и на завтре постерегшы жалуючого самого одного до села его королевское милости Сохиничъ едучого, засадку не малою громадою зъ косами и розными оружемъ при дорозе въ хворостехъ учинившы, зъ которое засадки потаемне выпавшы зъ тылу жалуючого угоняючые косами, киями, обухами потыскомъ били, и цале болей, на животь умыслили были, аже ледво решту здоровя своего, на коню уехавшы унести моглъ, и вовторне срогую отповедь и похвалку на здрове жалуючихъ учинили. А по прочитаню тое жалобы, на дальшый доводъ самое речы протестацыю о то до книгъ кгроду Городенского донесеную и выписомъ зъ тыхъ книгъ въ дате року теперешнего тисеча шестьсотъ девятьдесятъ шостого месеца ноебра осмого дня выданою воснолъ зъ релляцыею енеральскою и баницыами двумя вечными, а третею дочесною зъ канцеляріи великое великого князства литовского, вынесеными актыкацыами и публикацыами оныхъ, датами въ нихъ инсероваными продукуючы, позваныхъ особъ, поневажъ и до права не становятъ, яко тогды права непослушныхъ и вечныхъ банитовъ, въ року завитомъ на упадъ въ самой речы веданя, и подавшы зъ права посполитого артикулъ двадцать семый зъ розделу третего о зельженю словномъ постановеный, также артикулъ семьнадцатый и сорокъ третий зъ розделу одинадцатого, за зельжене не поодинократное словы ущипливыми гонорови шляхецкому шкодячими при немаломъ зтромаженю людей, вины петдесятъ копъ и щесть недель въ вежы саженя, за удерене потыскомъ зъ засадки выпавшы навезки совитое вcase=казаня, за побите гуси, индыки и вепра коштуючого золотыхъ двадцать деветь, совито пятьдесятъ осемь золотыхъ польскихъ заплаченя, кгвалту посполитого зъ виною похвалковою вcase=казаня. за уделаную ексцусьсыю зъ ниеы викгоре (vigore) констытуцыи року тисеча шестьсотъ осемьдесятъ пятого

и тисеча шестьсотъ деватьдесятого на вечное выволане вздания и до публикованя оного ёнерала приданя и дальшое децызыи правное учиненя у насъ суду просилъ и домовлялъ се. А такъ мы судъ въ той справе его милости пана Яна Рошковского и ей милсти паней Анны Вепрынское Яновое Рошковское малжонковъ зъ панами Климомъ и Станиславомъ Ланевскими, Андреемъ и Юримъ Суткевичами Кмитами, яко вечными банитами, и помочниками оныхъ, имъ самимъ именами и назвизками добре ведомыми, мяновите Яномъ Балтромеемъ и Лукашомъ Локитями, за позвомъ менечы о неслущное черезъ обжалованыхъ особъ, яко людей зухвалыхъ, свовольныхъ, опилыхъ и вечныхъ банитовъ не пооднокротное рожными часы рожныхъ виоленцый, кгвалтовъ и на рожныхъ местцахъ засадзокъ, усилуючи жалуючихъ позабиять чинене, на домъ нахожене, а въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ девятьдесятъ шостомъ месеца октобра одинаддатого дня, сеножати въ Зубрицы подъ Машкинниками въ повете Городенскомъ лежачое кгвалтовное покошене и сена на возовъ десять забране, нивы кгрунту въ заставе у жалуючихъ одъ его милости пана Казимера Снарского будучое кгвалтовное одняте и зъ оное експульсыи учинене, гусей осмерка, коштуючихъ золотыхъ чотыры, индыковъ десятерка, коштуючихъ золотыхъ петнаддать побияне и до домовъ своихъ позабиране, въ томъ же року вышъ писанымъ месеца новембра первого дня, жалуючихъ при костеле одельскимъ при згромаженю велю людей словы ущипливыми зельжене и здыфамоване, зъ добытыми шаблями гуртомъ скочивши забить усиловане и до костела вогнане, срогое отповеди и похвалки на здрове жалуючихъ, самихъ позабиянемъ, а маетности спаленемъ уделане, на завтре зъ учиненое засадзки зъ немалою громадою людей при дорозе жалуючого такожъ забить усилуючи зъ рознымъ

оружомъ до бою прыспособленымъ догоняне и потискомъ кулькоразъ удерене, повторне срого отповеди и похвалки уделане, за тымъ о шкоды, наклады и вины правные. Въ которой справе, ижъ панове Климъ и Станиславъ Ланевсцы, Андрей и Юрій Соткевичове Кмитове, яко вечные баниты, Янъ Балтромей и Лукашъ Локитове помоцники оныхъ и иншые, имъ ведомые и знаемые; будучы о то позваными передъ нами до права не становили и жадное ведомости о нестаню своимъ намъ судови и стороне своей не учинили; про то мы судъ оныхъ, яко вечныхъ банитовъ и права непослушныхъ, въ року завитомъ на упадъ въ самой речи вздаемъ, а водле права позовное жалобы самое слушности и справедливости светое уважаючы, абы завзятого зухвальства и своволенства людзкого постыгнена быть могла, за домавянемъ се стороны поводовое пленипотента и взглядомъ цитованыхъ через онаго передъ нами судомъ съ права посполитого артыкуловъ и конституцый сеймовыхъ, также продуктованыхъ велю документовъ, за непоеднократное зельжене и здыфамоване ущипливыми словы обойга жалуючихъ, водлугъ артикулу двадцать семого зъ роздѣлу третего, вины копъ пятьдесятъ грошей литовскихъ и на шесть недѣль инъ профундо (in profundo) въ вежы замку Городенского сеженя, за удерене потыскомъ зъ засадзки учиненое догоняючи жалуючого, совитое на везки двесте золотыхъ, за покошоного и забраного десеть возъ сена, коштуючихъ золотыхъ педесятъ, совито сто золотыхъ польскихъ, за побите гуси, индыки и вепра кормного, коштуючое тожъ золотыхъ двадцать девять, такожъ совито пятьдесятъ осемъ золотыхъ, кгвалту посполитого копъ двадцать, вины за похвалку копъ пятьдесятъ, за шкоды, наклады правные въ той справе теперь ложоные золотыхъ сто, а зъ паметнымъ намъ отъ того данымъ всего сумою семьсотъ шестьдесятъ золотыхъ и грошей петнадцать польскихъ на поз-

ваныхъ особахъ и на всякихъ маетностяхъ и добрахъ оныхъ лежачихъ рухомыхъ, сумахъ пенежныхъ, гдекольвекъ будучыхъ, а мяновите на маетностяхъ Зубрица Малая и Мишкиники названыхъ, въ повете Городенскомъ лежачыхъ, на которыхъ о то позвы покладано, а самихъ пречоныхъ вигоре (vigore) аллекгованыхъ констытуцый року тисеча шесесьсотъ осемьдесятъ пятого и року тисеча шестьсотъ девятьдесятого также взглядомъ уделаныхъ частокротне на здрове жалуючихъ отповеди и похвалки на вечное зо всихъ земъ и панствъ выволане акторомъ вказуемъ, отъ сполку и обцованя зъ людьми подчтивыми выймуемъ и вылучаемъ, и абы кождый о тымъ ведаючы, зъ оными яко выволанцами, нiякого сполку и обцованя мети, рады и помочы додавати, ани оныхъ въ домахъ своихъ переховывати подъ винами въ праве посполитомъ о выволанцахъ описаными, не важился, що нжъ бы всимъ ку ведомости пришло, до публикованя выволаня того енерала судовъ нашихъ пильнуючого, Самуеля Юрія Луцкевича придаемъ и за сумму выжей мяновaную до одправы на всякихъ добрахъ позваныхъ черезъ насъ колекговъ, которыхъ себе сторона поводовая зажити похочетъ, заложивши на спротивныхъ трояки заруки водлугъ важности обсужоное речи приходитъ акторомъ вольность заховуемъ. Которая справа яко се актовала, такъ естъ до книгъ кантуровыхъ справъ судовыхъ повету Городенского записана.

II.

SERVUS SERVORUM
или
СМИРЕНІЕ ПАПЪ.

*(Окончаніе *).*

3. Паденіе папскаго деспотизма.

Многіе того мнѣнія, что разложеніе папской универсальной деспотіи началось только со времени совершенной Лютеромъ реформаціи; но это не совсѣмъ вѣрно, потому что реформація только закончила то, что было начато уже давно. Уже рѣзкіе и правдивые манифесты императора Фридриха II, въ которыхъ онъ открывалъ міру самовластіе, своеволіе, корыстолюбіе, властолюбіе и разныя притязанія папъ заставили многихъ призадуматься—что такое папство и кто такіе папы. Хотя послѣдніе и думали, что истребивъ гогенштауфенскій родъ, они на вѣки управились съ своимъ непримиримымъ врагомъ, но не теперь ли и пробужденъ былъ этою борьбою съ Гагенштауфенами настоящій непримиримый врагъ папства, именно,—просвѣщеніе.

Разсуждая о причинахъ паденія папскаго авторитета, мы должны остановить свое вниманіе на крестовыхъ походахъ. Хотя папы думали, что силами крестоносцевъ возвратятъ они себѣ потерянный востокъ и вслѣдствіе этого распространится ихъ власть и надъ Азіею; но, вмѣсто этого, отважныя предпріятія пилигримовъ принесли слѣдствія совсѣмъ другія: они распространили между людьми знаніе свѣта, а съ этимъ знаніемъ

*) См. „Вѣсти. Зап. Россіи. кн. 6.

сомнѣніе въ истинности того, чему учили и что утверждали папы. Первый поводъ къ враждебному противъ себя уваженію подали сами папы своею чрезмѣрною пышностію и безграничнымъ высокомѣріемъ. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ самой высшей точки, безъ сомнѣнія, достигъ Бонифацій VIII (1294—1303 г.) потому что онъ не только велѣлъ, по случаю своего коронованія, унизать всего себя золотомъ и бриллiантами, но и, облекшись въ латы и возложивши на себя императорскую порфиру, объявлялъ среди римскаго народа, что въ его рукѣ соединяются власть папская и власть императорская. Высокомѣрны были его пріемы, но почти еще высокомѣрнѣе были его рѣчи. Наприм., въ одной изданной имъ буллѣ читается такъ: „Гасподь Богъ поставилъ насъ выше всѣхъ королей, чтобы мы, во имя его, исторгали, истребляли, разсѣвали, созидали и насаждали. Итакъ невоображайте, чтобы былъ кто еще выше насъ, не думайте, чтобы вы не обязаны были самымъ безусловнымъ вѣрноподданствомъ высочайшему главѣ церкви; а если вамъ придетъ въ голову иное и вы станете прекословить намъ, то мы назовемъ васъ безумными и, какъ невѣрныхъ, изгонимъ изъ своего стана.“ Какъ низаносчивъ такой тонъ рѣчи, какъ ни очевидно, даже смѣшно было это самообожаніе, однакожъ Бонифацій полагалъ, что всемогущества его ничто не можетъ поколебать. Увѣренный въ этомъ, онъ грянулъ своимъ перуномъ не менѣе какъ на восьмерыхъ коронованныхъ особъ, начиная съ датскаго короля Эрика, который смиренно просилъ прощенія своей вины передъ нимъ; но не такимъ покорнымъ слугою оказался французскій король Филиппъ Красивый. Этотъ столько же сильный, сколько и просвѣщенный правитель былъ въ войнѣ съ англійскимъ королемъ Эдуардомъ изъ-за Нормандіи, и этимъ поводомъ воспользовался папа, чтобы обоимъ государямъ продиктовать миръ по своему произволу, но къ ущербу Франціи. Филиппъ объявилъ, что споръ его съ Англіею не имѣетъ отношенія къ религіи и что, поэтому, папа можетъ поберечь свои совѣты для себя. Даже онъ ничего несказалъ, когда его двоюродный братъ, графъ артуасскій вырвалъ изъ рукъ легата папскій проэктъ мирныхъ условій и бросилъ въ огонь. Разумѣется, папа страшно разгнѣвался на это, но гнѣвъ его достигъ еще высшей степени, когда король Филиппъ издалъ указъ—не вывозить золота и

серебра ни въ монетѣ, ни въ слиткахъ и вещахъ „за границу,“ потому что такое запрещеніе направлено было главнымъ образомъ противъ Рима, куда ежегодно уплывали огромныя суммы. Теперь папа и король стали обмѣниваться другъ съ другомъ перепискою самаго замѣчательнаго характера. Не можемъ не представить образчика этой переписки. Папа, напр., писалъ: „Епископъ Бонифацій королю Франціи. Бога бойся и содержи его заповѣди. Помни также, что какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ ты намъ подчиненъ. Кто думаетъ иначе, того мы считаемъ еретикомъ.“ Король отвѣчалъ въ такомъ родѣ: „Филиппъ Божіею милостію король Франціи. Ванифацію, величающему себя верховнымъ папою, посылаетъ легкій поклонъ, а, пожалуй, и вовсе не кланяется. Знай, архишутъ, что во свѣтскихъ дѣлахъ мы ни отъ кого не зависимы. Кто думаетъ иначе, того мы считаемъ простофилей и глупцемъ.“ Совершенно въ такомъ родѣ слѣдовало около девяти другихъ писемъ, которыми обмѣнивались эти великіе владыки. Разумѣется, на одной перепискѣ дѣло не остановилось: папа созвалъ своихъ кардиналовъ и вмѣстѣ съ ними рѣшилъ подвергнуть короля проклятію и отрѣшить отъ престола. Булла поэтому предмету „Ausculta, fili carissime,“ гдѣ Филиппъ, между прочимъ, названъ былъ негодяемъ (Garcio), отправлена была съ легатомъ во Францію, и папа думалъ уже, что страхъ отлученія и интердикта несомнѣнно заставятъ короля смириться; но случилось иначе: король безъ церемоніи посадилъ легата въ тюрьму, буллу приказалъ торжественно сжечь рукою палача и немедленно созвалъ (1302 г.) парламентъ, куда явилось не одно духовенство, но и депутаты отъ дворянъ и гражданскаго сословія. Парламенту предложенъ былъ нехитрый вопросъ: „Филиппъ или Бонифацій!“ Собраніе въ одинъ голосъ отвѣтило: „Ваше Величество—нашъ король и повелитель.“ Сверхъ того, во время совѣщаній высказаны были, особенно знаменитымъ Вильгельмомъ де Плесси, такія истины, которыя прежде не высказывались, а канцлеръ Ногаретъ даже утверждалъ, что папа Бонифацій есть отецъ лжи, что его нужно низвергнуть, чтобы очистить мѣсто болѣе достойному архипастырю. Такихъ рѣчей прежде не слыхали, и эти рѣчи внушали народамъ совершенно иной взглядъ на папство, чѣмъ какой имѣли доселѣ. Разумѣется, папа отвѣтилъ новою анаѳемою, про-

клялъ короля до четвертаго рода, наложилъ на Францію интердиктъ, разрѣшивъ французовъ отъ подданнической присяги, затѣмъ приглашалъ англійскаго короля и фландрскаго графа идти войною на Францію, и въ заключеніе предлагалъ французское королевство въ презентъ императору нѣмецкому Албрехту, разумѣется, подъ условіемъ завоеванія. Но всѣ эти папскія продѣлки были безполезны, потому что король былъ въ согласіи съ своимъ народомъ: дѣло, по этому, обошлось не только безъ революціи внутри, но даже и упомянутые короли не рискнули принять папское предложеніе. Папа ярился, но ничто не помогало, а вышло еще хуже. Именно, король Филиппъ послалъ своего канцлера Ногарета съ графомъ Колонною, личнымъ врагомъ папы, въ Италію, какъ будто для переговоровъ, а на самомъ дѣлѣ съ другою цѣлію. Бонифацій находился тогда въ своемъ увеселительномъ дворцѣ въ Ананьи, въ Кампаніи. Съ своею вооруженною свитой, къ которой присоединились еще различные италіанскіе дворяне, друзья Колонны, Ногоретъ отправился въ Ананью, окружилъ папскій дворецъ, проникъ въ залу, куда происшедшимъ на дворѣ шумомъ привлеченъ былъ и папа, на всякій случай облекшійся въ полный парадъ, съ зототою короною на головѣ и съ крестомъ въ правой рукѣ. Не слушая торжественныхъ проклятій, гости именемъ Франціи, овладѣли особою папы и, подвергши всякаго рода публичнымъ поруганіямъ, заключили въ смрадную тюрьму, гдѣ онъ цѣлые три дня оставался почти безъ пищи. Хотя граждане Ананьи и освободили узника, но униженіе, которому онъ подвергся, такъ потрясло его, что онъ впалъ въ помѣшательство, а чрезъ нѣсколько дней нашли ужъ его въ постелѣ: сѣдые волосы въ крови, пѣна у рта и стиснутая въ зубахъ палка. Такъ скончался Бонифацій VIII, едвали не высокомѣрнѣйшій изъ папъ!

Еще болѣе не выгодно подѣйствовало на авторитетъ папъ переселеніе ихъ въ Авиньонъ,—и не безъ основанія, поэтому, назвали это переселеніе „вавилонскимъ плѣномъ.“ Послѣ смерти Бонифація и послѣ девятимѣсячнаго правленія преемника его, Бенедикта IX, конклавъ, приступившій къ новому выбору папы, раздѣлился на двѣ партіи: французскую и итальянскую; и такъ какъ ни та, ни другая не хотѣла уступить другъ другу, то вслѣдствіе этого церкви угрожало или долговременное безпапіе,

или схизма. Чтобы предохранить церковь отъ такого зла, обѣ партіи согласились въ томъ, что итальянская должна представить кандидатами трехъ иноземныхъ прелатовъ, а французская обязалась, не позже сорока дней, одного изъ нихъ наименовать папой. Всѣ три избранные кандидаты были злѣйшими врагами короля французскаго; въ числѣ ихъ находился бордосскій архіепископъ Бертранъ-де-Ге. Его то рѣшилась избрать французская партія. Она, поспѣшно извѣстила короля Филиппа, чтобы онъ, пока еще есть время, примирился съ архіепископомъ. Когда Филиппъ объявилъ, что властенъ наименовать архіепископа папой, если онъ окажетъ ему съ своей стороны, взаимную услугу, то обрадованный и изумленный архіепископъ повергся къ ногамъ короля, благодарилъ его за расположеніе и обѣщалъ, что будетъ покоренъ всѣмъ его приказаніямъ. Филиппъ потребовалъ отъ архіепископа обѣщанья, что онъ, какъ папа, сниметъ съ него наказанья, наложенныя церковію, что приметъ отставленныхъ Колонною снова въ коллегію кардиналовъ, что память Бонифація будетъ предана проклятію, что ему будетъ на пять лѣтъ предоставлена девятина со всего государства и что онъ согласится исполнить еще одно условіе, которое король предложитъ ему въ послѣдствіи. Безъ сомнѣнія, это послѣднее условіе касалось обѣщанія перенести папскую резиденцію во Францію. Оба поклялись другъ другу на священномъ опрѣснокѣ въ томъ, что архіепископъ выполнитъ всѣ условія и что король съ своей стороны изберетъ его папой, послѣ чего 5 Іюня 1305 г. бордоскій архіепископъ, дѣйствительно, былъ назначенъ папою подъ именемъ Климента V. Въ силу уговора съ королемъ, Климентомъ даже для коронованія своего не поѣхалъ въ Римъ, а вызвалъ кардиналовъ въ Ліонъ, гдѣ и оставался нѣкоторое время, затѣмъ переѣхалъ въ Бордо, потомъ въ Поатье и наконецъ, въ 1308 г. въ Авиньонъ, принадлежавшій графству прованскому и, слѣд., анжуйскому дому. Въ этомъ городѣ и утверждена была папская резиденція, а въ послѣдствіи онъ былъ купленъ за 80,000 флорент. золотыхъ у графини прованской и составлялъ собственность папъ до самой французской революціи. Зачѣмъ, спрашивается, нужно было французскому королю, чтобы папа жилъ не въ Римѣ, а во Франціи? Отвѣтъ очень простой: „онъ хотѣлъ, чтобы папа плясалъ подъ его дудку." Мечталъ онъ, напр.,

соединить нѣмецкую императорскую корону съ короною Франціи, какъ это было во времена Карла великаго; думалъ онъ уничтожить орденъ храмовыхъ рыцарей и воспользоваться громадными его владѣніями,—всего этого можно было достигнуть только „при посредствѣ подвластнаго папы.“

Климентъ V былъ дѣйствительно покорнымъ орудіемъ въ рукахъ алчнаго и властолюбиваго Филиппа. Таковыми же были и преемники его въ отношеніи къ преемникамъ Филиппа. Но свое униженіе предъ французскимъ королемъ они старались наверстать удвоеннымъ высокомѣріемъ въ обращеніи съ остальными государями, особенно съ нѣмецкимъ императоромъ. Уже Климентъ поразилъ проклятіемъ императора Генриха VII за то, что онъ, съ оружіемъ въ рукахъ, сталъ доказывать свои права на Сицилію и настроилъ даже, какъ говорятъ нѣкоторые, доминиканскаго монаха изъ Монтепульчіано Бернарда, императорскаго духовника, чтобы этотъ во время причастія подалъ своему государю отравленную гостію 1). Еще дальше въ этомъ направленіи пошолъ его преемникъ Іоаннъ XXII, по происхожденію сынъ кагорскаго башмачника. Когда по смерти Генриха Люксембурга явилось два кандидата на нѣмецкую корону, Людовикъ баварскій и Фридрихъ австрійскій, рѣшителемъ спора выступилъ папа, побуждаемый государемъ своимъ, королемъ французскимъ, который разсчитывалъ воспользоваться этимъ случаемъ для обезпеченія нѣмецкой короны за своимъ домомъ. По этому Іоаннъ приглашалъ обоихъ кандидатовъ явиться предъ апостольскій престолъ въ Авиньонъ для рѣшенія—кому изъ нихъ остаться императоромъ, и когда они приглашенія не послушались, то онъ объявилъ императорскій престолъ упразднившимся, а себя-намѣстникомъ его—впредь до новыхъ выборовъ. Но ни Людовикъ, ни Фридрихъ и вниманія необратили на такое объявленіе. Папа, поэтому, отлучилъ ихъ обоихъ и предлагалъ нѣмецкимъ курфирстамъ кандидатуру Французскаго короля. Но все это не привело къ желаннымъ послѣдствіямъ, а, напротивъ, ускорило примиреніе между двумя соперниками и возстановило единодер-

1) Таже молва присоединяетъ, что когда великодушный императоръ замѣтилъ дѣйствіе яда, сказалъ своему убійцѣ: „въ числѣ жизни подалъ ты мнѣ смерть; бѣги, пока не пришли мои слуги.“

жаніе въ Германіи. По этому поводу папа вступилъ въ жестокій споръ съ оставшимся императоромъ и отлучилъ его въ другой и въ третій разъ. Людовикъ аппеллировалъ къ вселенскому собору и издалъ манифестъ, сочиненный Марсиліемъ падуанскимъ и Іоанномъ яндунскимъ, въ которомъ доказывалось, что св. Петръ не былъ выше остальныхъ апастоловъ, и что всѣ епископы равны между собой. Разумѣется, сочинители манифеста объявлены были папой „негодяями, сынами веліара, вѣтрогонами, чадами діавола, богохульниками и самыми вредными еретиками", а на Людовика и въ четвертой разъ грянуло проклятіе, и въ тоже время курфирсты приглашались къ выбору новаго императора. Отвѣтомъ на всѣ эти громы и молніи былъ походъ Людовика въ Италію (1327 г.), во время котораго въ Миланѣ онъ велѣлъ провозгласить себя королемъ, а въ Римѣ императоромъ. Въ тоже время онъ объявилъ самаго папу Іоанна низложеннымъ и назначилъ на его мѣсто миноритскаго монаха Петра Райналуччи, котораго римляне приняли съ восторгомъ, потому что имъ крайне не нравилось удаленіе папъ изъ ихъ города. Новый папа, принявшій имя Николая V, еще разъ короновалъ императора и велѣлъ торжественно сжечь чучело авиньонскаго собрата Іоанна, а на него самаго и на его приверженцевъ провозгласилъ анаѳему. И Іоаннъ отвѣчалъ тѣмъ же какъ папѣ, такъ и императору. Такая перестрѣлка продолжалась до самой смерти Іоанна, случившейся въ 1335 году. Новый авиньонскій папа, сынъ фоасскаго пирожника, Бенедиктъ XII сначала, за нѣкоторыя уступки, вошолъ въ мирныя отношенія къ императору, но потомъ, когда король французскій былъ этимъ недоволенъ, папа, по повелѣнію его, долженъ былъ возобновить на Людовика проклятіе своего предшественника. Теперь, когда уже ясно стало, что папа былъ слѣпымъ орудіемъ властолюбиваго короля Франціи и что папская анаѳема объявлялась для цѣлей чистомірскихъ, нѣмецкіе князья опомнились, собрались лѣтомъ 1338 г. въ Рензе на Рейнѣ, и на этомъ первомъ союзѣ курфирстовъ, подъ предсѣдательствомъ своего императора, и затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ на сеймѣ во Франкфуртѣ, положено было что „власть и достоинство императора проистекаютъ не посредственно отъ Бога, и тотъ, кто избранъ всѣми или большинствомъ курфирстовъ, немедленно долженъ быть признанъ законнымъ римскимъ коро-

лемъ или императоромъ; ему должны повиноваться всѣ члены государства и онъ нисколько не нуждается въ утвержденіи папы. Этотъ государственный законъ долженъ быть вѣченъ; всякій ослушникъ будетъ сочтенъ оскорбителемъ величества и получитъ наказаніе, положенное такого рода преступникамъ“ (1). Это былъ первый шагъ къ формальному прекращенію папской верховной деспотіи, и хотя преемникъ Бенедикта, Климентъ VI (1342-1352 г.), не уступавшій въ отвагѣ своимъ предшественникамъ, опять поразилъ Людовика проклятіемъ, однако рѣшеніе курфирстовъ о не зависимости императора устояло, и ватиканскіе перуны перестали быть страшными. Да, Климентова анаѳема была послѣдняя папская анаѳема на нѣмецкаго императора.

Частыя повторенія проклятій, а равно и проклятія изъ мірскихъ побужденій, должны были имѣть необходимымъ послѣдствіемъ то, что они перестали уже пугать смертныхъ, а по тому самому и пребываніе папъ въ Авиньонѣ, откуда по заказу французскаго короля выпускались десятками громовыя стрѣлы, можно считать одною изъ причинъ окончательнаго паденія папской власти. Къ этому же присоединилась невѣроятная испорченность нравовъ, господствовавшая при авиньонскомъ дворѣ; она засвидѣтельствовала предъ цѣлымъ свѣтомъ, что папы, по крайней мѣрѣ, такіеже (если не большіе) грѣшники, какъ и всѣ смертные. Можно ли было, въ самомъ дѣлѣ, относиться съ уваженіемъ къ такимъ людямъ, каковъ напр. Іоаннъ XXII, который съ безпримѣрнымъ и самымъ позорнымъ своеволіемъ и плутовскомъ умножалъ свои сокровища, или Климентъ VI, Урбанъ V и другіе, которые до того погрязли въ сластолюбіи и распутствѣ, что поэтъ Петрарка и исторіографы Валузій и Мецерай не находятъ словъ для изображенія мерзостей папскаго двора. Послѣ этого нисколько неудивительно, что иные стали открыто пропо-

1) Въ подлинникѣ это опредѣленіе читается: „postqnam aliquis eligitur in imperatorem sive regem ab electoribus (курфирсты) imperii concorditer vee majori parte eorumdem, statim ex sola clectione rex est verus et imperator Romanorum censendus et nominandus. Et plenariam habet potestatem, nec papae sive sedis apostolicae aut alicujus approbotione, confirmatione, auctoritate indiget vel consensu.“

вѣдывать противъ папства, открыто говорить, что церковь можетъ обойдтись и безъ папъ, особенно когда папы такъ негодны. Нисколько не удивительно, что такимъ рѣчамъ стали вѣрить и даже принимать мѣры противъ папской тиранніи!

Окончательный ударъ папству нанесенъ былъ такъ называемымъ *великимъ расколомъ*, продолжавшимся съ 1378 до 1429 г., когда въ западномъ христіанствѣ бывало по два, даже по три папы. Бывали и прежде расколы, но они проистекали обыкновенно отъ спора свѣтской власти съ духовною, а потому хотя папы и объявляли другъ друга еретиками и громили другъ друга проклятіями, все же это не очень вредило церкви, и законные папы, какими почитались защитники интересовъ церкви противъ вліянія свѣтской власти, дѣйствительно, всегда имѣли перевѣсъ надъ своими противниками. Но теперь великій расколъ возникъ въ нѣдрахъ самой церкви безъ всякаго участія свѣтской власти: та и другая, а иногда и третья партія приводила доказательства законности своего избранія, и интриги и шансы до того перепутывались, что никто не могъ сказать, кто изъ папъ, начиная съ Урбана VI до Мартина V (т. е. отъ 1378 до 1417 г.) былъ законнымъ папой. Иные утѣшали себя мыслію, что на раздѣленіе папской власти была воля Божія (1), а другіе истощали по этому поводу свое остроуміе на сатиры и пасквили, которые еще болѣе вредили папству, чѣмъ тѣ открытія, которыя обнаружились на соборахъ пизанскомъ, констанцскомъ и базельскомъ. На улицѣ Флоренціи, напр. распѣвали мальчишки.

Papa Martino

Non vale un quatrino, (т. е. за папу Мартина не далъ бы алтына). Начальныя буквы подписи папы Николая V „N. V. P.“ читали такимъ образомъ: «Nil valet papa» (т. е. папа ничего не значитъ). А пасквильныя сочиненія какихъ-нибудь Пульчи, Поціо, Валлы и Палингенія въ Италіи почти превзошли нападки и насмѣшки Робеле и Этьеня во Франціи,

1) Fortassis divina voluntas est, quod uterque electorum regnet et papatus sit divisus pro tempore vel perpetuo. Deus propter peccata presidentium immulat quandoque irrevocabiliter statum populi et regiminis modum. Scisionem regni David, quod semper ante fuit unum, in duo regna tempore Roboam factum Deus voluit perseverare.“

Брандта, Фишарта, Геммерлина и Мурлера въ Германіи—какъ ни злостны они были. Лицемъ къ лицу являлись предъ папой пасквилисты самые дерзкіе, какъ напр. Паскино и Марфоріо, которые своимъ площаднымъ остроуміемъ и злыми насмѣшками еще болѣе вредили папству, чѣмъ всѣ серьозныя научныя изысканія 1).

Конечно, нѣкоторые папы всѣми отъ нихъ зависѣвшими средствами старались поддержать падающій свой авторитетъ, напр. папа Пій II (1458—1464), который, впрочемъ пока носилъ частное имя, Энея Сильвія Пикколоминись, такъ жестоко нападалъ на папство, что въ послѣдствіи не могъ поправить этого, не смотря на свой умъ и свои познанія 2). Но что могли сдѣлать послѣднія усилія папъ спасти свое значеніе противъ всеобщаго просвѣщенія, начавшагося въ открывавшихся университетахъ и разлившагося по народной массѣ? Вспомнимъ между прочимъ о грекахъ, которые, будучи вытѣснены турками съ востока, принесли съ собой на западъ и особенно въ Италію свою ученость и множество рукописей. Вспомнимъ также и о великомъ изобрѣтеніи XV вѣка, изобрѣтеніи книгопечанія, этаго самаго опаснаго врага суевѣрія и деспотизма, почему папы почти съ самаго начала инстиктивно возненавидѣли свободу прессы.

Впрочемъ, Павелъ II (1464—1471) сдѣлалъ еще одну попытку, объявилъ анаѳему богемскому королю Подибраду за его гуситство и даже отрѣшилъ его отъ престола (Подибрадъ былъ послѣдній король отрѣшенный папой); но король легко отбился отъ высланныхъ противъ него крестоносцевъ и остался королемъ до самой своей смерти. Да, уже тогда власть папская такъ глубоко пала, что папа Александръ VI (о немъ мы будемъ говорить подробнѣе въ послѣдствіи) обращался даже къ

1) Пасквино и Марфоріо (Martis forum) назывались въ Римѣ двѣ колонны, на которыхъ почти ежедневно чередовались надписываемыми самыми пасквильными вопросами и отвѣтами относительно папы Иннокентія VIII различные Римскіе остряки и насмѣшники.

2) Сдѣлавшись папой „онъ отрекся отъ всего, что проповѣдывалъ противъ папства на базельскомъ соборѣ, и въ одной буллѣ своей отъ 1463 г. прежнія свои мнѣнія называлъ „errores—juvenilis animi.“

султану Баязету II (іюля 1494) съ просьбою о помощи противъ христіаннѣйшаго короля Франціи Карла VIII.

Такъ, еще до реформаціи не мало уже ударовъ нанесено было папству, но, конечно, самый жестокій ударъ нанесенъ былъ реформаціею, произведенною Лютеромъ, хотя правившій тогда папа Левъ X (1513—1521) сначала почти не обратилъ на нее вниманія, считая возраженіе Лютера обычнымъ споромъ нищенствующихъ монаховъ изъ-за индульгенціи. Но излагать исторію реформаціи не наше дѣло, и мы удовольствуемся указаніемъ на тотъ фактъ, что въ открывшемся спорѣ между лютеранствомъ и папствомъ окончательно подорванъ былъ папскій авторитетъ. Лютеръ уже называлъ папу «антихристомъ» или Seine Höllischkeit Seine Gauklerschaft! Страхъ проклятія и чистилищнаго огня исчезъ, когда человѣчество само дерзнуло, вопреки папскому запрещенію, заглянуть въ слово Божіе. Впрочемъ къ несчастію для папства, какъ Левъ X, такъ и его непосредственные преемники Адріанъ VI (1522—1523 г.) и Климентъ VII (1523—1534) были правители крайне слабые, не внушавшіе къ себѣ ничьего уваженія. Лучшимъ доказательствомъ того, что папы утратили уже свое значеніе, служитъ обращеніе храбраго коннетабля Франціи, Карла Бурбона, въ 1526 году, съ папскою резиденціею. Войско его, состоявшее изъ нѣмцевъ, испанцевъ и италіанцевъ, было большею частію католическаго исповѣданія; но не смотря на то, Римъ былъ ими завоеванъ и такъ страшно опустошаемъ цѣлые шесть мѣсяцевъ, что это опустошеніе превосходило вандальское, потому что къ необыкновенному варварству присоединилось еще кощунство. Такъ, папство исполинскими шагами приближалось къ своему паденію, и если императоръ Карлъ V въ 1530 г. предоставилъ папѣ Клименту короновать себя, то это коронованіе было одною только, хоть и очень торжественною формальностію, не заключавшею въ себѣ никакихъ политическихъ правъ, которыя бы принадлежали короновавшему.

Преемникомъ Клименту VII былъ Павелъ III (1534—1550); при немъ въ первый разъ обнаружилось полное безсиліе папства. Уже предшественникъ его Климентъ запрещалъ столько же сластолюбивому, сколько и грозному англійскому королю Генриху VIII разводъ съ Катериною аррагонскою, и Павелъ III

такъ же не могъ согласиться на него уже изъ уваженія къ императору Карлу V, близкому родственнику Катерины; но что сдѣлалъ теперь король Генрихъ? Онъ своею собственною властію разрѣшилъ себѣ разводъ и вслѣдъ за тѣмъ женился на прекрасной Аннѣ Боленъ. Въ отвѣтъ на это папа отлучилъ его и наложилъ на Англію интердиктъ, объявилъ его отрѣшеннымъ отъ престола и приглашалъ всѣхъ христіанъ идти противъ него войною. Но ни императоръ германскій, ни король французскій и не думали даже объ этой войнѣ, потому что прошли уже времена, когда страшны были ватиканскіе громы, и естественнымъ слѣдствіемъ отлучительной буллы было то, что Генрихъ VIII, со всѣмъ своимъ народомъ, отпалъ отъ Рима и его дотолѣ католическое государство превратилось въ протестантское. Какъ ни жалка была въ этомъ спорѣ роль папы, однакожъ власть его возобновилась, благодаря учрежденію *присно памятнаго* ордена іезуитовъ, безъ котораго папы давно бы уже не было.

Основателемъ этого ордена былъ, какъ извѣстно, Игнатій Лойола; но іезуитскій духъ вдохнули въ этотъ орденъ только папы, и такимъ образомъ іезуиты, которыхъ главный обѣтъ состоялъ въ безусловномъ повиновеніи папѣ и главною цѣлію было искорененіе всякой ереси и особенно протестантства, сдѣлались самою сильною опорою Рима. Наукѣ и просвѣщенію они противопоставили обскурантизмъ, подавлявшій всякое движеніе впередъ. Сдѣлавшись духовниками королей и владѣтельныхъ особъ, а также профессорами университетовъ и воспитателями наслѣдныхъ принцевъ, они покорили себѣ полсвѣта и пытались подавленіемъ всякаго свободнаго движенія мысли и духа возвратить средневѣковыя времена. Въ ихъ рукахъ была вся церковная власть—болѣе сильная и болѣе дѣятельная, чѣмъ когда-нибудь, потому что для своихъ цѣлей они распоряжались и ядомъ и кинжаломъ, и революціями съ инквизиціей.

Со временъ іезуитовъ-то начались «преслѣдованія и избіеніе еретиковъ повальное» [1]) и починъ этому дѣлу сдѣлалъ преемникъ Павла, Юлій III (1550—1555 г.), приказывавшій англійской королевѣ Маріи жечь на кострѣ всѣхъ подданныхъ

1) См. Вѣротерпимость въ Вѣстн. З. Р. 1868 г.

своихъ не-католиковъ. Во всемъ прочемъ, однакожъ, власть его была такъ-же не значительна, какъ и—его непосредственнаго предшественника, и онъ прославился лишь своимъ возстаніемъ противъ *чтенія библіи* (см. въ страннике 1868 г. кн. 7-я). И Павелъ IV былъ не безъ деспотическихъ замашекъ, потому что онъ призналъ англійскую королеву Елисавету недостойною трона за ея протестантство. Англійскій посланникъ посмѣялся папѣ въ глаза на такую безумную выходку и прекратилъ всякія сношенія съ Римомъ. Точно также à la Гильдебрандъ поступилъ Павелъ IV съ французскимъ королемъ Генрихомъ II. За то что этотъ король не хотѣлъ продолжать войны съ Англіею, онъ потребовалъ его къ своему престолу на судъ; но король Генрихъ незаблагоразсудилъ исполнить это требованіе, и даже велѣлъ сказать папѣ требовавшему короля, по его выраженію „къ престолу Божію", что «туда онъ надѣется явиться, но очень сомнѣвается, увидитъ ли тамъ его святѣйшество папу». Еще болѣе повредилъ папа себѣ своимъ споромъ съ нѣмецкимъ императоромъ Фердинандомъ. За то, что этотъ принялъ нѣмецкую корону, безъ его, папскаго, соизволенія, онъ не хотѣлъ признавать его императоромъ, и сверхъ того раздраженъ былъ на того же Фердинанда, что онъ склонился на миръ съ протестантами «оскорблявшими божественное право». Но этотъ порывъ раздраженія не сопровождался вожделенными для Рима послѣдствіями, потому что вся Германія крайне ожесточилась на враждебное вмѣшательство папы, а императоръ велѣлъ даже своему посланнику немедленно оставить Римъ и въ меморандумѣ, сочиненномъ канцлеромъ, докторомъ Зельдомъ, провелъ мысль, что папа не долженъ вмѣшиваться въ выборъ императора, такъ какъ это дѣло чисто свѣтское: „императоръ становится императоромъ по силѣ избранія курфирстовъ, а не по силѣ папскаго коронованія", сказано было въ этомъ меморандумѣ, и—разумѣется, папѣ оставалось уступить.

При Піѣ IV (1559—1566) былъ знаменитый триденскій соборъ, тянувшійся еще съ 1545 года и имѣвшій двоякую цѣль,—во первыхъ, преобразованіе церкви и всѣхъ церковныхъ и особенно папскихъ учрежденій, во вторыхъ, примиреніе протестантства съ католичествомъ. Въ 1566 году

онъ кончился, не достигнувъ ни одной изъ этихъ цѣлей; благодаря іезуитамъ, папство по теоріи удержало всѣ свои давнишнія права, хотя на практикѣ случилось нѣсколько иначе. Какъ ни усиливались іезуиты, но они не могли остановить духъ времени, а оттого выходило, дѣйствительно, комично, когда напр., Пій IV, получивъ отъ императора Максимиліана II обычное извѣщеніе объ избраніи въ императоры, вздумалъ безъ просьбы, „утвердить" его императоромъ еще боѣе смѣха надѣлали Пій V (1566—1572 г.), отлучившій королеву Елисавету, владычицу государства протестантскаго, и Сикстъ V (1585—1590), отлучившій французскаго короля Генриха IV; послѣдній отвѣтилъ на это пасквилемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Hotomani, „brutum fulment".

Преемникъ Сикста V, Григорій XIV рѣшился повторить анаѳему на Генриха, но послѣдній велѣлъ папскую по этому случаю буллу публично сжечь и готовъ былъ установить во Франціи не зависимый отъ Рима патріархатъ. Напротивъ преемникъ Григорія, Климетъ VIII (1592—1605) дошелъ до отраднаго событія, до обращенія Генриха къ католичеству, хотя искренность такого обращенія подлежитъ великому сомнѣнію, потому что Генрихъ сказалъ поэтому поводу, что «la France vaut bien uue messe», т. е. французская корона стоитъ того, чтобы изъ—за ней принять католичество.

Преемникъ Климента VIII, Павелъ V (1605—1621 г.) замѣчателенъ тѣмъ, что издалъ послѣдній интердиктъ, которымъ поражена была имъ венеціанская республика. Государство это, своими либеральными законами, давно уже составляло камень протыканія для папы. Теперь венеціянцы зашли далеко, что постановили правиломъ 1, безъ предварительнаго соизволенія сената не открывать новыхъ монастырей; 2, духовныхъ судить однимъ судомъ на равнѣ съ мірянами, если первые уличены будутъ въ важныхъ преступленіяхъ. За это папа метнулъ свой перунъ на республику, сопровождаемый обычнымъ его спутникомъ интердиктомъ. Но сенатъ сжегъ папскую буллу и приказалъ духовенству, подъ страхомъ отрѣшенія, по прежнему продолжать церковныя службы. Клирики повиновались, за исключеніемъ іезуитовъ и

капуциновъ, за что послѣдніе поплатились изгнаніемъ и конфискаціею ихъ имуществъ. Такимъ образомъ интердиктъ оказался бездѣйственнымъ, и даже надъ нимъ стали явно глумиться, когда знаменитый Павелъ Сарпи въ своихъ сочиненіяхъ сталъ доказывать—какъ противозаконны несостоятельны и не христіански такія церковныя наказанія. Чрезъ годъ послѣ этого, при посредничествѣ Франціи, папа снялъ проклятіе съ Венеціи, хотя и больно для него было, что венеціяне ни разу непоклонились ему. Въ критическомъ положеніи былъ Александръ VII (1655—1667 г.) при слѣдующемъ случаѣ; французскій посланникъ въ Римѣ, герцогъ Эреквей, человѣкъ гордый и характерный, былъ какъ то оскорбленъ папскою корсиканскою гвардіею; когда онъ потребовалъ и невдругъ получилъ удовлетвореніе за оскорбленіе, французскій король Людовикъ XIV выгналъ папскаго нунція изъ Парижа, осадилъ Авиньонъ и готовился отправить войско къ Риму, чтобы захватить папу. Послѣдній палъ духомъ и со смиреніемъ просилъ извиненія. Съ этимъ же королемъ вздумалъ заспорить и папа Иннокентій XI (1676—1689 г.), но вышелъ далеко не побѣдителемъ. Папа не принялъ французскаго посланника Лавардена и сверхъ того объявилъ, что регалія французскаго короля, по которой онъ пользуется доходами незанятаго архіепископства,—злоупотребленіе, которое слѣдуетъ отмѣнить. Раздраженный такими рѣчами Людовикъ заключилъ папскаго нунція въ тюрьму и въ 1681 г. созвалъ все французское духовенство для точнѣйшаго изслѣдованія и опредѣленія границъ папской власти. Это было жестокимъ ударомъ для папы, потому что на этомъ соборѣ были постановлены знаменитыя четыре статьи, на которыхъ основывается независимость или самостоятельность галликанской церкви, именно: 1) власть папы ограничивается дѣлами духовными, 2) онъ самъ зависитъ отъ соборовъ, 3) не имѣетъ права разрѣшать подданныхъ отъ присяги государю и 4) наконецъ онъ не непогрѣшимъ, но его опредѣленія могутъ быть отмѣняемы постановленіями церкви. Папа вышелъ изъ себя когда прочиталъ эти статьи и велѣлъ сжечь ихъ рукою палача на городской площади; однакожь статьи остались въ своей силѣ, и если впослѣдствіи, по вліянію іезуитовъ, чрезъ посредство Ментенонъ, были отчасти отмѣнены са-

нымъ Людовикомъ, всеже зависимость французскаго духовенства отъ папы становилась все слабѣе и слабѣе.

Такъ папство болѣе и болѣе утрачивало свое прежнее вліяніе, не смотря на всѣ усилія іезуитовъ возстановить его. Эти то чрезмѣрныя усилія ихъ, вмѣсто того чтобы принести пользу, обратились во вредъ папамъ; потому что черные пролазы съ теченіемъ времени до того стали дерзки и прибѣгали для своихъ цѣлей къ такимъ позорнымъ и безбожнымъ средствамъ, что возбудили противъ себя, наконецъ, всеобщее негодованіе и правительство поставлено было въ необходимость разсѣять это опасное общество и тѣмъ самымъ нанести папству смертный ударъ. Начало этому дѣлу положила Потугалія, при могущественномъ ея министрѣ Помбалѣ; по ея слѣдамъ пошли Неаполь, Венеція, Генуя, Парма и Мальта. Изъ Франціи они изгнаны были еще ранѣе, а въ 1765 году и изъ Эльзаса и французскихъ Нидерландовъ. Даже Испанія накинулась на черную банду и въ 1767 году на вѣки—вѣчные изгнала ее изъ всѣхъ своихъ владѣній. Нигдѣ уже не находили себѣ покоя іезуиты, кромѣ церковной области, гдѣ теперь они забрали въ свои руки всѣ пружины правленія, такъ что управлявшій тогда (1758—1769 г.) папа Климентъ XIII не зналъ куда и дѣваться отъ іезуитовъ. Сначала онъ, въ ярости, металъ съ высотъ Ватикана молніи за молніями, а потомъ сталъ слезно упрашивать и заклинать королей прекратить преслѣдованія іезуитовъ; но ни громы, ни слезы не принесли пользы, а даже сопровождались слѣдствіями противоположными: всѣ католическія государства единогласно потребовали уничтоженія ордена іезуитовъ. Франція даже грозила, что, въ случаѣ отказа въ требованіи, завладѣетъ особою папы и, вѣроятно, сдѣлала бы это, если бы Климентъ не поторопился умереть. Преемнику его, знаменитому кардиналу Ганганелли, взошедшему на престолъ подъ именемъ Климента XIV, предъявлены были тѣже требованія, и этотъ 21 іюля 1773 г. уничтожилъ орденъ іезуитовъ, какъ общевредный. Этимъ добрымъ дѣломъ онъ положилъ руку на самаго себя, потому что съ паденіемъ іезуитовъ пало и самое папство. Во всѣхъ странахъ начались различныя преобразованія въ церкви, въ чемъ примѣръ подалъ нѣмецкій императоръ Іосифъ II, необращавшій никакого вниманія на папу и его притязанія, а наложила не-

чать французская революція, когда республиканцы завладѣли всѣми церковными имуществами, у несчастнаго преемника Ганганелли, Пія VI (1775—1799) отняли церковную область и тѣмъ положили конецъ какъ мірскому, такъ и духовному его владычеству. Самого его переводили они изъ города въ городъ, сначала въ Сіену, потомъ во Францію, за тѣмъ, по альпійскимъ снѣгамъ и ледникамъ, въ Валенсію, гдѣ онъ 29 авг. 1799 года и скончался. Все его достояніе состояло изъ 50 франковъ, которые мэръ въ Валенсіи объявилъ собственностію государства.

Казалось, такимъ образомъ, что папство прекратило свое существованіе на вѣки; но—оно снова возстало и старается не только оправиться отъ пораженія, но даже занять опять прежнее мѣсто.

Б.

1870 г.

III.

ѲАДДЕЙ ЧАЦКІЙ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ.

Личность Ѳаддея Чацкаго у насъ гораздо болѣе извѣстна со стороны общественной его дѣятельности, нежели по литературнымъ его трудамъ и сочиненіямъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онъ вмѣстѣ съ кн. Адамомъ Чарторижскимъ и граф. Севериномъ Потоцкимъ, принадлежалъ къ извѣстному польскому тріумвирату, который, при самомъ учрежденіи министерства народн. просвѣщенія, захватилъ въ свои руки народное просвѣщеніе большей части Россіи, отъ Нѣмана и Вислы до Чернаго и Каспійскаго морей,— на пространствѣ пяти нынѣшнихъ учебныхъ округовъ (виленскаго, кіевскаго, одесскаго, Харьковскаго и Казанскаго). Бывши „генеральнымъ визитаторамъ училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерніи", онъ засѣялъ эти три русскія области польскими парафіальными школами, уѣздными училищами и польскими гимназіями, и увѣнчалъ дѣло своей пропаганды польскимъ лицеемъ въ Кременцѣ, т. е. въ русское тѣло тамошняго народонаселенія хотѣлъ вдунуть если не польскую душу, то по крайней мѣрѣ польскую интеллигенцію, и такъ искусно велъ свою затѣю, что даже многіе русскіе, вслѣдъ за поляками, нерѣдко называли эти искони— русскія области не возвращеннымъ отъ Польши, но *забранымъ краемъ*, иначе—Польшей. Слава Богу, что такое жалкое время *игнорированія* прошло,— хотя не безслѣдно, но прошло безвозвратно.— Мы теперь многому научились, чего прежде не знали. Взглянемъ же, кстати, и на лите-

ратурную дѣятельность знаменитаго въ своемъ родѣ Ѳаддея Чацкаго.

Чацкій, какъ писатель, былъ юристъ, политико-экономистъ, историкъ, и ораторъ *). Такія разнообразныя способности въ одномъ человѣкѣ могли бы принести великую пользу обществу, если бъ этотъ писатель, родившійся въ старинной русской области,—на Волыни, и происходившій отъ древнихъ русскихъ предковъ, не считалъ себя полякомъ, и если бы польское общество *вообще* тогдашнее способно было къ воспріятію чего-либо истинно-полезнаго и добраго. Блестящія фразы и трескучіе эффекты, всегда не разлучные съ польскою литературой и съ польскою жизнью, никогда не могли и не могутъ замѣнить собою недостатокъ логики и здраваго смысла, какимъ недостаткомъ всегда страдала Польша.

Когда Чацкій выступилъ на авторское поприще, ему было только 22 года; случай къ авторству былъ слѣдующій: нѣкто Томатисъ, піемонтскій уроженецъ, поселившійся въ Польшѣ и получившій права шляхетства, имѣлъ судебное дѣло съ резидентомъ курляндскаго двора въ Польшѣ, Цуге ромъ. по которому дѣлу курляндскій резидентъ былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрму. По этому случаю возникъ вопросъ: подлежитъ ли исполненію такого при говора резидентъ иностраннаго двора, живущій въ Польшѣ? Знаменитый Нарушевичъ доказывалъ, что—подлежитъ тѣмъ болѣе, что тогда Курляндское герцогство находилось въ нѣкоторой зависимости отъ Польши. Адвокаты Гайкингъ и Грумертъ опроворгали приговоръ суда. Молодой Чацкій вступился за судъ, и въ защиту приговора издалъ брошюру, подъ названіемъ: Odpowiedz na pismo Grumerta, czy F. P. Zughoer moze bydz umieszczony w liczbie posłów monarchów, i czy bendonc umocowanym do sprawowania interessów Kurlandyi w Polszcze powinien podlegac jurisdykcyi krajowej. Самое названіе этой брошюры, равно какъ и предметъ спора, очень ясно показываетъ, въ какой хаостической нео-

---

*) Пособіемъ при составленіи этой статьи, служила книга, прелата Алоизія Осинскаго „O zyciu i pismach Tadeusza Czackiego.“

предѣленности и запутанности понятій прозябала тогда Польша: *сама приняла къ себѣ резидента отъ Курляндіи, и потомъ сама же спрашиваетъ себя, можно ли этого резидента считать въ числѣ другихъ резидентовъ, живущихъ при дворѣ польскомъ?!*

До уничтоженія преслоутой Рѣчи Посполитой, Ѳ. Чацкій служилъ въ Скарбовой Комисіи (нѣчто въ родѣ министерства финансовъ) этого королевства—республики, и представилъ этому начальству нѣсколько своихъ *,,проэктовъ"*, напримѣръ: о водяномъ сообщеніи въ Польшѣ, о средствахъ усилить торговлю, объ улучшеніи ремеслъ, о генеральномъ размежеваніи Польши, и т. п.; но всѣ тѣ проэкты принадлежатъ болѣе къ служебной дѣятельности Чацкаго, нежели къ литературной и, при всей блестящей своей фразеологіи, имѣютъ всѣ тотъ одинъ общій недостатокъ, что *написаны не въ пору*. Статистическое щегольство и фразистость увлекали Чацкаго; за сустою краснорѣчія онъ не видѣлъ, что любимая имъ Рѣчь Посполитая уже доканчивала свою бурную и безполезную жизнь и не могла быть защищена отъ неизбѣжной смерти никакими краснорѣчивыми *проэктами*.

Возвратившись, вмѣстѣ съ своей родиной, въ россійское подданство, Чацкій объявилъ, что онъ напишетъ исторію Польши; но прежде того рѣшился издать обширное сочиненіе о законахъ литовскихъ и польскихъ, и въ видѣ приготовленія къ этому труду сперва написалъ брошюру подъ названіемъ: Obrona Zygmunta Augusta (защита Сигизмунда Августа). Эта брошюра, въ рукописи была представлена авторомъ (1798 г.) князю Ад. Чарторижскому, и осталась не напечатанною. Біографъ Чацкаго (ксендзъ Осинскій) говоритъ, что эта брошюра была предвѣстницею будущей славы Чацкаго въ ученомъ мірѣ, и заключаетъ въ себѣ много „важныхъ замѣчаній о правахъ, о войскѣ, о казенныхъ доходахъ и о торговлѣ во время этого послѣдняго короля изъ фамиліи Ягеллоновъ." Извѣстно, что окончательное предательски—вынужденное соединеніе русско-литовскаго великаго княжества съ Польшей на люблинскомъ сеймѣ совершилось во время этого послѣдняго

Ягеллона. А въ 1798 году, когда Чацкій написалъ свою брошюру въ защиту этого соединителя Руси съ Польшей, литовская Русь по-прежнему уже возвратилась въ одинъ природный ей государственный составъ съ Россіей. Чацкій объявилъ свое намѣреніе быть исторіографомъ Польши, т. е. сдѣлать историческія поминки по умершей, и для пробы своего голоса началъ отпѣваніе съ Сигизмунда-Августа. Вѣроятно, онъ самъ былъ недоволенъ своей пробой, потому что не написалъ и не оставилъ потомству обѣщанной имъ исторіи Польши. За то въ 1800 году явилось другое, обѣщанное имъ, сочиненіе: O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, zrzódlach, zwiazku, i rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 roku wydanym.

Происхожденіе литовскаго статута извѣстно. Въ такъ-называемой „*Литвѣ*", т. е. въ русско-литовскомъ великомъ княжествѣ, до времени Сигизмунда-Августа (1548—1572) и много лѣтъ послѣ него, въ богослуженіи, въ законодательствѣ, въ судопроизводствѣ и въ общежитіи былъ употребляемъ языкъ русскій. Прежде нежели полякъ Янъ Ласкій, по повелѣнію короля польскаго и великаго кн. литовскаго Александра, а равно по приговору сейма 1505 года, приступилъ къ составленію кодекса польскихъ законовъ, великое русско-литовское княжество всегда руководилось своими особыми законами, въ составъ которыхъ вошла „Русская Правда" Ярослава и послѣдующія постановленія другихъ русскихъ князей. Всѣ эти русскіе законы были собраны и изданы въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, подъ именемъ Статута литовскаго, въ 1529 году.—Польша, съумѣвши прибрать въ свои руки русско-литовское княжество, постаралась, въ послѣдствіи времени, ополячить и это собраніе русскихъ законовъ, чрезъ прибавленіе къ нимъ разныхъ сеймовыхъ постановленій и потомъ чрезъ послѣдующія изданія статута уже не на русскомъ, а на польскомъ языкѣ. Чацкій смотрѣлъ на статутъ литовскій, какъ на самородное созданіе Польши, и не зная или игнорируя русское его происхожденіе, только защищалъ его отъ присвояемаго ему нѣкоторыми писателями сходства съ римскимъ правомъ. Пріятель Чацкаго, Потоцкій, отдавая должную справедли-

вость труду его, сожалѣлъ въ своей критикѣ, что Чацкій предметомъ своего ученаго труда избралъ статутъ перваго изданія (1529 г.), имѣвшаго русскій характеръ, а не взялъ позднѣйшаго изданія, достаточно уже ополяченнаго.

Изъ матеріаловъ, собранныхъ для этого труда, Чацкій тогда же составилъ другое, особое сочиненіе, подъ названіемъ: Dzieje prawodawstwa (исторія права). Въ различіи климатовъ, въ первоначальныхъ привычкахъ и обычаяхъ, въ большихъ или меньшихъ удобствахъ удовлетворять народнымъ потребностямъ, и тому подобныхъ причинахъ Чацкій видѣлъ источникъ того разнообразія и различія, которое находится въ законодательствѣ разныхъ народовъ. Это сочиненіе Чацкій послалъ прусскому королю при такомъ письмѣ:

„Ваше Величество владѣете великою частью того края, который былъ моей отчизной и хранилищемъ законовъ, описанію которыхъ я теперь посвятилъ себя. Хотя ваши новые подданные, въ числѣ вашихъ благодѣяній, не находятъ сохраненія отечественнаго ихъ языка въ судопроизводствѣ и въ своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ; хотя древніе законы ихъ мало обязательны для вашего правительства въ случаяхъ, возникающихъ послѣ присоединенія сего края къ Пруссіи; однако вы позволили полякамъ прибѣгать къ прежнимъ ихъ законамъ въ такихъ судебныхъ дѣлахъ, которыя начались еще до погибели отечества ихъ. Примите же отъ меня сію жертву и дань, какъ государь нѣсколькихъ милліоновъ моихъ соотечественниковъ. Представляемое мною вамъ сочиненіе написано на томъ языкѣ, который, своими успѣхами былъ нѣкогда обязанъ Алберту I-му, князю прусскому. Этимъ языкомъ говорятъ двѣ пятыхъ частей вашего королевства. Мы—поляки, не можемъ не сожалѣть о погибели нашего отечества. Потомки наши будутъ сравнивать наши утраты съ тѣми благодѣяніями, какія новая власть даруетъ намъ. Благоволите, ваше величество, возбудить въ новыхъ вашихъ подданныхъ убѣжденіе, что вы желаете познать ихъ и сдѣлать счастливыми.“

Второе изданіе этого сочиненія Чацкій хотѣлъ посвя-

тить императору Александру Павловичу и просилъ уже на это разрѣшенія. Новосильцовъ увѣрялъ его, что государь милостиво приметъ его книгу, и что онъ высоко цѣнитъ ученые труды его. Но такое посвященіе книги, не извѣстно почему, не состоялось; весьма вѣроятно—потому, что въ посвященіи россійскому императору Чацкій не могъ сказать того же, что говорилъ прусскому королю, а именно: „ваши новые подданные (поляки) въ числѣ вашихъ благодѣяній не находятъ сохраненія отечественнаго ихъ языка въ судопроизводствѣ и въ своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ", или: „древніе законы ихъ (польскіе) мало обязательны для вашего правительства", или: „польскимъ языкомъ говорятъ двѣ пятыхъ частей вашего государства".... Ничего этого не могъ Чацкій сказать русскому Монарху. Въ девяти русскихъ западныхъ губерніяхъ, возвратившихся отъ погибшей Польши въ составъ единокровной имъ России, не было тогда и одного милліона поляковъ, что составляло не пятую, но менѣе нежели пятидесятую часть всего народонаселенія Россійской имперіи; да и эти, такъ-называемые *поляки русскихъ западныхъ губерній*, были большею частью потомки русскихъ предковъ, совращенные въ латинство и полячество. Для этой горсти ренегатовъ великодушное русское правительство сохранило тогда въ западныхъ губерніяхъ польскій языкъ въ судопроизводствѣ и законы литовскаго статута, а въ тамошнихъ училищахъ преподаваніе всѣхъ наукъ на польскомъ языкѣ. Чацкій, безъ сомнѣнія, опасался, чтобы такая противоположность распоряженій русскаго и прусскаго правительствъ не сдѣлалась слишкомъ гласною, и чтобы самъ собою не возникъ вопросъ: не лучше ли распорядились въ Пруссіи? Тогда, пожалуй, и Россія перестала бы великодушничать съ своими поляками? Кто—что ни говори, а нельзя не отдать справедливости нѣмецкому такту. Съ 1796 года по 1807 уже не было Польши на свѣтѣ, и ея имя уже было исключено изъ географіи. Варшава была провинціальнымъ городомъ прусскаго королевства; всѣ чиновники въ Варшавѣ были нѣмцы; вездѣ господствовалъ нѣмецкій языкъ: въ судахъ и канцеляріяхъ, на театрѣ и въ общественной жизни.

Хотя нѣмецкій языкъ несравненно труднѣе для поляка, нежели русскій, но нѣмцы умѣли сдѣлать его господствующимъ въ пріобрѣтенныхъ ими отъ Польши провинціяхъ. Не явись въ послѣдствіи времени *варшавское герцогство*, а потомъ такъ-названное *царство польское*, и—большая часть поляковъ давно бы уже переродилась въ нѣмцовъ. Подобные уроки исторіи весьма поучительны.

Въ томъ же сочиненіи своемъ: „O litewskich i polskich prawach“ Чацкій разбросалъ нѣсколько мыслей, которыя не замедлили развиться подъ его перомъ въ новое, особое сочиненіе, подъ именемъ „*Разсужденія о десятинахъ.*“ Первое изданіе этого сочиненія вышло въ 1801 году въ Варшавѣ, и тогда же было переведено на французскій языкъ; а второе изданіе, значительно распространенное, вышло въ 1802 году подъ титуломъ: „Dysertacya o dziesiecinach w powszechnosci, i o konieczney potrzebie utworzenia zamiany snopowey dziesieciny na osep zbozowy,—umieszczona jest takze historya gosdodarstwa krajowego w porównaniu z angielskim i niemeckim.“ Извѣстный нашъ переводчикъ В. Анастасевичъ перевелъ это сочиненіе на русскій языкъ, каковой переводъ, въ рукописи, Чацкій, въ 1807 году, вручилъ министру внутр. дѣлъ, графу В. П. Кочубею. Въ этомъ сочиненіи очень замѣчательно то, что Чацкій, *польскій помѣщикъ*, въ полномъ значеніи этого слова, сдѣлался ходатаемъ за русскихъ крестьянъ, которыхъ тогда польскіе помѣщики считали *быдломъ*. Вотъ его слова: „справедливость есть то божество, предъ которымъ и сильные земли, и простой народъ должны возжигать ѳиміамъ. *(Вѣроятно, Ч. хотѣлъ сказать, что предъ Богомъ всѣ равны: но въ эффектной фразѣ затерялась мысль).* Тѣ, которые управляютъ другими, не могутъ отказаться отъ святой обязанности удѣлять имъ справедливость. Я умоляю о дарованіи справедливости, сообразно потребностямъ и правамъ большей части жителей этой земли. И я почту себя чрезвычайно счастливымъ, если бы мой слабый голосъ, поднявшійся вслѣдствіе всеобщаго (?) желанія, былъ услышанъ властью и бросилъ лучъ надежды на уменьшеніе горестей въ приземистыхъ хатахъ. Надъ этимъ только я тружусь,

только этого желаю." Можно пожалѣть, что краснорѣчи вый Чацкій не дожилъ до эпохи 19-го февраля 1861 г да. Онъ, безъ сомнѣнія, прославилъ бы это великое дѣ. русскаго Монарха-Освободителя.

Вспоминая иногда о принятомъ на себя званіи истори графа Польши, Чацкій отъ разсужденій юридическихъ обр щался по временамъ къ своей исторической обязанност и въ этомъ вниманіи написалъ двѣ небольшія брошюр 1) „*Критическій разборъ польскихъ историковъ—Марти на Галла и Винцентія Кадлубка,*" и 2) *О названіи Украи ны и о происхожденіи Козаковъ.*" Та и другая стать была напечатана въ *Варшавскомъ Памятникѣ* (Pamietni Warszawski 1801), а послѣдняя сверхъ того была Анаст севичемъ переведена на русскій языкъ и напечатана в петербургскомъ журналѣ: „*Улей.*"

При своей способности заниматься въ одно и тоже вре мя разнообразными предметами, Чацкій писалъ „*о прав винокуренія и винной продажи,*" и—тогда же написал критическій разборъ „*математической и физической ге ографіи Снядецкаго:*" универсальность, наслѣдованная Чац кимъ отъ его учителей, іезуитовъ. Разсужденіе его о пра вѣ винокуренія имѣло слѣд. титулъ: „Rosprawa o prawie które maia obywatele prowincyj, skladaiacych dawna Polske, d wolnego szynkowania piwa, miodu i gorzalky, i o przyczynie dla którey obywatele dawney Rossyi nie majac tey czesci do chodów, krzywdy nie ponosza." 1805. Это сочиненіе сперв было напечатано безъ означенія типографіи, потомъ, въ 180 году, было перепечатано въ Виленскомъ Дневникѣ (Dzien nik), а послѣ того въ 1807 году было переведено Анаста севичемъ на русскій языкъ, и въ рукописи поднесено Чац кимъ графу В. П. Кочубею. Названіе этого разсужденія говоритъ само за себя. Чацкому хотѣлось доказать, что ежели его *родаки* пользуются, подъ русскимъ правленіемъ многими такими привиллегіями, какихъ не имѣютъ корен ные русскіе люди внутри Россіи, то это не только не вред но и не должно быть завидно для сихъ послѣднихъ, но даже полезно для нихъ. А доказывая законную необхо димость для своихъ земляковъ вольной продажи „*горѣлки*"

и „*шинкованья*“, Чацкій забылъ уже свою прежнюю красноречивую заботливость „*объ уменьшеніи горестей въ приземистыхъ хатахъ крестьянъ*“, которыхъ систематически распаивали шинкари—жиды, ревностные помощники помѣщиковъ—поляковъ, въ притѣсненіи этого „быдло.“

Еще „за часовъ польскихъ“ Чацкій, служа въ Скарбовой Коммиссіи, подавалъ ей свой проэктъ „*о реформаціи жидовъ.*“ Но тогда вся Рѣчь Посполитая сама нуждалась въ совершенной реформаціи, и вскорѣ затѣмъ подверглась заслуженному ею разрушенію; а потому этотъ проэктъ Чацкаго, подобно другимъ его проэктамъ, оказался не своевременнымъ. Теперь, подъ установившимся русскимъ правленіемъ его родины, Чацкій написалъ большое *разсужденіе объ израильскомъ народѣ*, который, по его словамъ, мѣшалъ свои слезы съ водами Нила и Евфрата, оплакивая свои преступленія и утѣшаясь надеждою возвращенія въ свою отчизну, и который пережилъ упадокъ монархій Нина, Кира и Александра. Сочувствіе поляка къ евреямъ, по нѣкоторому сходству судебъ того и другаго народа, невольно выглядываетъ изъ—подъ пера Чацкаго. Разсказавши исторію евреевъ до временъ Юліяна Кесаря, онъ потомъ описалъ состояніе ихъ между арабами, италіянцами, испанцами и венграми, и наконецъ въ Польшѣ, гдѣ евреи нашли себѣ пріютъ въ XII вѣкѣ. Цѣль этого сочиненія была та, не можно ли придумать какія-либо надежныя средства, чтобы странствующій еврейскій народъ изъ паразитовъ превратить въ полезныхъ гражданъ той земли, гдѣ евреи поселились. Разсужденіе Чацкаго о евреяхъ было напечатано въ 1807 году въ Вильнѣ, и тогда же переведено Анастасевичемъ на русскій языкъ для графа Кочубея.

Въ виду дополненія къ этому сочиненію, Чацкій написалъ разсужденіе и „*о Караимахъ.*“

За четыре года предъ своей смертью, Чацкій написалъ брошюру о томъ, *было ли Римское право основаніемъ законовъ литовскихъ и польскихъ?*“ (Czy prawo rzymskie było zasada praw litewskich i polskich). Это сочиненіе, на-

печатанное въ Вильнѣ, въ 1809 году, было переведено і
русскій языкъ для М. М. Сперанскаго.

Во всѣхъ сочиненіяхъ Чацкаго виденъ даровитый ч
ловѣкъ и замѣчательный писатель, хотя онъ со всѣми н
писанными имъ проэктами всегда опаздывалъ, и нерѣд
для вычурной фразы жертвовалъ ясностью и истиной. Е
преимущественное торжество его авторскаго таланта всег
проявлялось въ его *рѣчахъ*. Чацкій былъ par excellen
ораторъ въ словахъ и дѣлахъ, и не пропускалъ ни одн
го удобнаго случая произнести рѣчь. О его краснорѣчі
вотъ какъ отзывается біографъ его кс. Осинскій: „Чацкі
привыкъ не обращать вниманія на мелочной порядокъ мы
слей въ своихъ рѣчахъ и не охлаждалъ своего пламенна
краснорѣчія соображеніемъ съ правилами риторики. Он
отличался глубокою мыслей и быстро перелеталъ отъ одно
мысли къ другой, пренебрегая постепенностью между ними
Пламенное воображеніе его нерѣдко уносило его даже д
непонятности (sic!). Въ его сочиненіяхъ нѣтъ рабской (
послѣдовательности; высокій умъ его все оживлялъ и укра
шалъ. Чрезвычайно ясное повѣтствованіе (*уносившееся*
какъ выше значится, *до непонятности*), возвышенност
восхитительная сила и связность (*пренебрегавшая посте
пенностію мыслей!*) были отличительными чертами ег
краснорѣчія. Онъ щедрою рукой разсыпалъ свои свѣдѣні
о древностяхъ, а потому для людей, незнакомыхъ съ этим
предметомъ бывалъ иногда не совсѣмъ понятенъ (sic!). Н
смотря на то, у него много было несравненныхъ картинъ
много великой красоты.“ Читая эту похвалу Краснорѣчі
Чацкаго, мы невольно припомнили, какъ иногда польскі
евреи хвалятъ своихъ глубокомысленныхъ раввиновъ: „О
разумный человѣкъ! такой разумный, что уже и не гово
ритъ по-нашему, только все думаетъ, и никто не угадаетъ
о чемъ онъ думаетъ!“...

Чтобы сколько-нибудь познакомить читателей съ харак
теромъ ораторскаго краснорѣчія Чацкаго мы заключим
этотъ краткій очеркъ авторской дѣятельности его собствен
ными его словами изъ многочисленныхъ его рѣчей [1]).

---

1) Zalecenie szkole Dabrowickiey 25 lipca 1805.— Mow

„Рядомъ съ нашими обязанностями къ новому нашему государству, мы обязаны оказывать сочувствіе и къ древнимъ нашимъ памятникамъ. На нашей землѣ были образцы великихъ добродѣтелей и великаго просвѣщенія. Дѣти наши, изучая исторію, узнаютъ, что наши предки всегда были сами причиною какъ своего счастья, такъ и несчастья. Тѣже самыя причины славы или позора остаются и въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи. Откровенность съ нашей стороны есть достойная дань добротѣ нашего государя. Прославлять его распоряженія, и сравнивать нашъ жребій съ жребіемъ сосѣднихъ нашихъ братьевъ—составляетъ нашу обязанность. Но забывать великія дѣла, происходившія прежде въ нашемъ краѣ и уже прославленныя исторіей—это значило бы показывать равнодушіе къ предметамъ самымъ любезнымъ для нашихъ сердецъ. Такое вынужденное равнодушіе такъ же преступно, какъ и вынужденная покорность. Въ великихъ событіяхъ міра всегда видна воля неба, или приговоръ судьбы. Нашъ языкъ находится подъ опекою права и подъ сохраненіемъ поколѣній (?). Кто мало уважаетъ свой языкъ, тотъ—иностранецъ въ своей семлѣ, тотъ не имѣетъ духа своихъ предковъ. Усовершенствуйтесь въ своемъ языкѣ, утѣшайте духъ вашихъ предковъ, которые, почивая на лонѣ вѣковъ (*любопытно знать: гдѣ это?*), смотрятъ съ небесныхъ сводовъ на свои отдаленныя поколѣнія. Кто болѣе думаетъ о благосостояніи будущихъ поколѣній, нежели о настоящемъ своемъ злосчастіи, тотъ сдѣлаетъ жертву изъ своего самолюбія и трудовъ. Я отказался отъ милостиво—предложенныхъ мнѣ высшихъ правительственныхъ мѣстъ и, надѣюсь, что я чрезъ это получилъ право на привязанность ко мнѣ наставниковъ и учениковъ. Эта привязанность вознаградитъ меня за понесенные мною труды и непріятности. Я умру, но учрежденное мною училище (*Кременецкій Лицей*) не должно умереть. Останутся люди, останется власть. Такія

---

miana 16 lipca 1812.—Odezwa do szkoly Miedzyrzeckiey 20 maja 1804. Odezwa do Gymnasium Wolynskiego 22 lipca 1807. Mowa, miana 16 czerwca 1812.

учрежденія принадлежать не частнымъ людямъ, но цѣлымъ поколѣніямъ. Пока уваженіе и признательность будутъ окружать это училище, дотолѣ оно безопасно, дотолѣ внуки и правнуки будутъ съ гордостью говорить: здѣсь мы учились добродѣтелямъ и наукамъ."

Обратимъ вниманіе на слѣдующія слова Чацкаго: „*я отказался отъ милостиво—предложенныхъ мнѣ высшихъ правительственныхъ мѣстъ и, надѣюсь что я чрезъ это получилъ право на привязанность ко мнѣ наставниковъ и учениковъ.*" Говоря эти слова, Чацкій, безъ сомнѣнія, не опасался, чтобы его подслушала исторія, а она подслушала, и дѣлаетъ вотъ — какое справедливое замѣчаніе: когда императоръ Павелъ Петровичъ, во время своей коронаціи въ Москвѣ, предложилъ Чацкому мѣсто сенатора въ с.-петербургскомъ Сенатѣ, онъ отказался отъ этого мѣста подъ тѣмъ предлогомъ, будто, по бѣдности своей, не можетъ содержать себя съ С. Петербургѣ. А вотъ теперь самъ сознался, что не мнимая бѣдность была причиною такого отказа, а желаніе не разлучаться съ училищами западнаго края Россіи, посредствомъ которыхъ онъ безпощадно пропагандировалъ полонизмъ въ искони—русскомъ краѣ. Въ наказаніе за это, не только правнукамъ, но и внукамъ не довелось повторять словъ Чацкаго о кременецкомъ лицеѣ. Это училище польской пропаганды, принимавшее горячее участіе въ польскомъ мятежѣ 1831 г., исчезло, и на мѣстѣ его теперь процвѣтаетъ православная волынская семинарія.

И. Кулжинскій.

IV.

ЯГАЙЛО

историческій романъ.

Въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ 3-ая.

ГЛАВА 4-ая.

Храмъ Мильды.

Виленскій храмъ литовской богини любви Мильды находился на Антоколѣ, въ лѣсу. Онъ былъ, какъ и всѣ языческіе храмы на Литвѣ, безъ крыши, и имѣлъ три входа. По срединѣ капища, на высокомъ каменномъ пьедесталѣ, стоялъ идолъ богини любви; въ лѣвой рукѣ она держала опрокинутую чашу, изъ которой струилась вода въ небольшой—тоже каменный,—водоемъ, находившійся противъ идола. Правою рукою она придерживала своего сына,—крылатаго Кауниса; по его положенію позы можно было видѣть, что онъ порывался улетѣть въ небесную лазурь. Выраженіе лица богини любви было страстное и улыбающееся. Идолъ Мильды по тому времени былъ сдѣланъ художественно. Видно, что не рука дикаря литовца придала осмысленное выраженіе ему, но, вѣроятно,—нѣмецкимъ мастеромъ.

Передъ водоемомъ пылалъ огонь на жертвенникѣ. По всему храму были разбросаны пахучіе цвѣты, преимущественно розы и ландыши.

У пылающаго огня на сторожѣ находился постоянно небодь-

шой мальчикъ, съ вѣнкомъ на головѣ изъ дикихъ бѣлыхъ розъ.

Въ этотъ храмъ стекались литовцы язычники за любовнымъ напиткомъ; передъ алтаремъ Мильды приносились клятвы въ вѣрности между влюбленными и совершались браки. Богиня любви по всей Литвѣ была чтима и уважаема; ей приносили въ жертву земные плоды. Литовецъ хотя и былъ почти дикарь, но не смотря на это усердно поклонялся богинѣ любви. Въ сохранившихся литовскихъ историческихъ и миѳологическихъ пѣсняхъ мы видимъ, что любовь воспѣта, но нигдѣ ни чѣмъ не оскорблена и необезображена. Въ этихъ пѣсняхъ „цвѣтутъ розы и лиліи, вяжутся вѣнки изъ руты; поютъ птицы; журчитъ ручеекъ; плачетъ дѣвица на могилѣ любезнаго юноши; шелеститъ зеленый дубъ; несетъ черный воронъ съ поля ратнаго вѣсть красной дѣвицѣ о смерти милаго витязя и кольцо его; слышится мольба дѣвицы къ крылатому божку Каунусу—литовскому амуру—о возвращеніи въ ея объятія сердечнаго дружка“; и т. п. Однимъ словомъ въ каждой строчкѣ пѣсни замѣтна чистота нравовъ, чистота и прелесть въ изложеніи и содержаніи,—вообще много поэзіи.

Въ одинъ восхитительный лѣтній вечеръ, къ этому храму подошли наши герои Ягайло и Поята; ихъ сопровождалъ Войдыйло. Послѣдній былъ одѣтъ въ боярскій костюмъ, сверху котораго на цѣпи висѣлъ боярскій знакъ. Какъ въ костюмѣ, такъ и въ осанкѣ и поступи Войдыйлы совершилась перемѣна къ лучшему.

— Вотъ и храмъ Мильды, сказалъ онъ своимъ спутникамъ.

— Что мы будемъ дѣлать въ немъ? спросилъ Ягайло.

— Ты самъ, великій князь, повелѣлъ мнѣ указать этотъ храмъ; я указалъ, а что дѣлать ты будешь въ немъ, это твоя воля, отвѣчалъ Войдыйло съ достоинствомъ.

— Мы напьемся небесной воды, сказала Поята, ласково смотря на Ягайлу.

— Зачѣмъ? Я пить нехочу....

— А за тѣмъ, чтобы тебя крѣпче привязать; чтобы ты больше любилъ меня; я замѣчаю что ты съ каждымъ днемъ

холодѣешь ко мнѣ. Ну такъ вотъ эта водица разогрѣетъ твое ледяное сердечко.....

— Я христіанинъ, и поганой воды пить не стану, да и тебѣ не позволю.....

— Я сама теперь христіанка, мой душистый ландышъ, и скажу тебѣ, что въ этой водѣ никакого волшебства нѣтъ; она чиста, какъ Божій день; какъ лазурное небо, говорила Поята:—не брезгуй ею, она струится прямо изъ ключа, который бьетъ въ горахъ.....

— Такъ вотъ видишь, она не небесная.....

— Пускай будетъ земная, да вѣдь и мы съ тобою пока еще земные гости..... Милый ты мой! сказала со вздохомъ и улыбкою Поята.

— Поята! Я и безъ этой воды люблю тебя сильно, замѣтилъ ей Ягайло.

— А мнѣ хочется, чтобы ты меня еще больше любилъ. Ну вотъ ты и уважь голось моего сердца. Ты вѣдь счастье мое и радость.....

— Ну выпью въ угоду тебѣ, сказалъ Ягайло.

— Вотъ тебѣ за это мой доорогой цвѣтокъ, сказала торопливо Поята, крѣпко цѣлуя своего милаго.

— Поята! Иди ты сперва одна въ капище.... прикажи жрецамъ насъ встрѣтить..... Мы съ Войдыйломъ придти не замедлимъ, сказалъ Ягайло.

— Иду, иду, красавецъ мой! заключила Поята новымъ поцѣлуемъ, и скрылась въ храмъ Мильды.

— По уходѣ Пояты Ягайло посмотрѣлъ на Войдыйло и сдѣлавъ гримасу, засмѣялся.

— Надоѣла она мнѣ хуже горькой полыни; ласки ея, хуже стрѣлы каленой, сказалъ онъ.

— А коли тебѣ, великій князь, она надоѣла—наскучила, прикажи мнѣ.... Только слово молви,—мигни глазомъ своимъ великокняжескимъ,—духомъ спроважу ее куда слѣдуетъ, а другую доставлю.... Благо теперь у меня на примѣтѣ есть, говорилъ бояринъ Войдыйло.

— А есть на примѣтѣ? спросилъ Ягайло.

— Есть, отвѣчалъ Войдыйло.

— Кто такая?

— Одна боярышня....

— Пригожая?

— Красавица писаная....,

— Тише, тише, что бы Поята неуслыхала....

— И то правда..... Лучше не подавать ей виду до послѣдняго часа разлуки. Ступай, великій князь, въ храмъ Мильды и будь ласковъ съ Поятой, замѣтилъ Войдыйло.

— Пойдемъ, сказалъ Ягайло, и оба вошли въ капище. У входа встрѣтила ихъ толпа мальчиковъ—съ пѣніемъ и цвѣтами. Эти мальчики при жертвоприношеніяхъ пѣли въ честь крылатаго Кауниса. Всѣ они были въ зеленыхъ вѣнкахъ изъ дикихъ розъ.

Въ храмѣ находился главный жрецъ.

Послѣдній окурилъ вошедшихъ янтаремъ.

— Привѣтъ тебѣ, великій князь Ягайло! сказалъ главный жрецъ, дѣлая поклонъ.

— Спасибо, промычалъ Ягайло.

— Подайте великому князю воды, которая струится изъ рукъ богини Мильды, приказала Поята.

— Богиня требуетъ жертвы, отвѣчалъ спокойно жрецъ.

— Какой еще жертвы? замѣтилъ Ягайло.

— Такой когорая подобаетъ отъ рукъ великаго князя, сказалъ жрецъ.

— А я безъ всякой жертвы хочу напиться этой воды, настоятельно потребовалъ Ягайло.

— Если богиня милостива къ тебѣ, великій князь, то допуститъ тогда и безъ жертвы, еслиже нѣтъ, то не гнѣвись на насъ, ея воля.... продолжалъ жрецъ, подходя къ истукалу.

— Подайте чашу великому князю, приказалъ Войдыйло. Чаша была подана маленькимъ, хорошенькимъ мальчикомъ, на прелестной головкѣ котораго кромѣ вѣнка изъ розъ находилась перевязь съ какими то знаками.

— Чей ты сынъ? спросилъ Ягайло маленькаго красавца, взявъ у него чашу.

Мальчикъ покраснѣлъ.

— Навѣрно самой Мильды, замѣтила Поята:—онъ лучше самаго Кауниса.

— Я сынъ Ригальды, прошепталъ мальчикъ едва слышно. Ягайло передернуло.

— Какой Ригальды? спросила Поята; что была дочь гроденскаго тіуна а потомъ войделоткой въ храмѣ Перкунуса

— Да..

Ягайло готовъ было сквозь землю провалиться. Быстро онъ повернулся къ истукану Мильды и поднялъ чашу къ рукѣ богини, но вода вдругъ перестала струиться.

— Что это значитъ? Куда вода пропала? спросилъ онъ жреца.

— Богиня на тебя гнѣвается, отвѣчалъ послѣдній.

— За то что я христіанинъ? перебилъ его Ягайло.

— Нѣтъ... Богиня Мильда есть источникъ добра и сердечныхъ радостей, для всѣхъ безъ различія, кто только прибѣгаетъ къ ней. Для нее все равно, христіанинъ или язычникъ, всѣмъ она расточаетъ блаженство, всѣхъ награждаетъ любовью. Благосклонна она къ смертному, когда этотъ послѣній не измѣняетъ сердечной привязанности, говорилъ жрецъ.

— Такъ за что же она на меня сердита? спросилъ Ягайло съ насмѣшливой улыбкой;—я невѣрю и не боюсь этихъ бездушныхъ истукановъ; всѣ ваши языческіе тайны мнѣ извѣстны, и мнѣ смѣшны твои угрозы.

— Великій князь! Если ты невѣришь, то не издѣвайся надъ нашими уставами, неоскорбляй слуха богини. Взгляни на лице ея, и ты увидишъ чудо, продолжалъ жрецъ, благоговѣйно смотря на истуканъ Мильды. Ягайло поднялъ глаза на идола и испустилъ звукъ изумленія. На лицѣ богини вмѣсто страстной улыбки явился гнѣвъ; глаза ея какъ будто-бы оживились и сверкали огнемъ; она открыла ротъ.

— Ты хочешь знать за что я сердита на тебя, началъ говорить истуканъ Мильды;—изволь, я все тебѣ скажу. Ты погубилъ Ригальду и погубилъ Пояту.... Ты удивляешься, что мнѣ извѣстно все, но я богиня, и сердца людскія мнѣ открыты. Прочь изъ моего храма! для тебя нѣтъ ни одной капли небесной воды!.... Мой напитокъ порождаетъ чистую любовь, а ты напротивъ, готовъ искать ласкъ у первой рагутисницы.....

Ягайло сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и бросилъ чашу.

„Вѣрно посадили кого нибудь туда или въ самомъ дѣлѣ колдовство....Богъ ихъ вѣдаетъ. нужно спросить объ этомъ послѣ у Пояты, а теперь поскорѣе убираться вонъ“—подумалъ Ягайло.

— Постой, куда ты? Спросила его Поята, удерживая за руку.

— Въ замокъ, меня ждутъ тамъ дружинники въ гриднѣ, отвѣчалъ онъ нехотя, скрывая настоящую цѣль поспѣшности, съ которою онъ оставлялъ храмъ Мильды.

— Остановись, Ягайло! продолжала богиня; я добра и милостива. Тебя возмутили мои упреки, но ты ихъ заслужилъ; на правду не гнѣваются, а въ особенности, когда эти упреки идутъ изъ устъ богини любви.... Ты случайно попалъ въ мой храмъ, и долженъ выслушать спокойно все отъ меня. Подойди ко мнѣ, не страшись.... Я по всей вселенной разливаю любовь и созидаю согласіе во всемъ. Не только сердца людскія мнѣ покорны, но и въ каждомъ цвѣточкѣ; въ каждой росинкѣ есть капля той небесной влаги, которой я наполняю весь міръ. Я жестоко караю тѣхъ, кто неумѣетъ беречь мой священный огонь.... Ты великій преступникъ, но найдешь у меня прощеніе, если только принесешь мнѣ жертву....

— Да какую жертву-то? спросилъ смущенный Ягайло.

— Въ моемъ храмѣ, у моего алтаря, продолжалъ истуканъ:—совершаются брачные союзы, я требую брачной жертвы....

— Какой брачной жертвы?,..

— Ты долженъ исполнить свою клятву, жениться на Поятѣ.

Ягайло насупился.

— Я не желаю быть женою великаго князя, сказала Поята, преклонясь передъ идоломъ.

— Почему? спросила Богиня.

— Потому что я не достойна этого. Быть его рабыней я согласна, но женой никогда. Пусть великій князь Ягайло исполнитъ свое обѣщаніе данное боярину Войдыйлѣ, продолжала Поята.

— Какое обѣщаніе? спросилъ Ягайло.

— Ты обѣщалъ женить его на твоей сестрѣ Маріи, сказала богиня.

— Ну такъ что жъ что обѣщалъ?... Обѣщалъ и женю. Бояринъ Войдыйло теперь знатный царедворецъ, мой первый совѣтникъ, за него сестра Марья пойдетъ охотно, отвѣчалъ Ягайло.

— Великій князь, я итакъ осыпанъ твоими милостями, за что мнѣ такая честь? кланяясь передъ Ягайломъ, говорилъ Войдыйло.

— А за то, что ты много порадѣлъ для меня, отвѣчалъ Ягайло; и обратившись къ истукану продолжалъ съ улыбкою:— ну, я согласенъ на эту свадьбу и поженю ихъ скоро. Согласись же, богиня, дать твоей воды для моей Поятьı, обо мнѣ не хлопочи, я пить ее нестану ни за жизнь.... Въ ней есть колдовство, потому она поганая, а я христіанинъ, да и брезгливъ очень....

— Изволь, сказала богиня, и вода снова начала струиться. Поята отвѣдала нѣсколько глотковъ.

— Выпей и ты, Войдыйло, для тебя эта вода пойдетъ на пользу; скорѣе сестрѣ Марьѣ приглянешься, замѣтилъ Ягайло съ улыбкою.

Войдыйло повиновался и, отвѣдавъ ее, повалился въ ноги Ягайлѣ.

— За всѣ милости твои, великій князь, сказалъ Войдыйло, кланяюсь.

Ягайло бросилъ взглядъ на лице богини Мильды и снова удивился. Гнѣвъ пропалъ съ лица богини, его замѣнили змѣиные улыбки.

„Колдовство, колдовство“! думалъ онъ: „лице точно у живой“.

— Пойдемъ, Поята, сказалъ онъ, поспѣшно выходя вонъ изъ храма.

Когда вышелъ Ягайло, то Поята бросила взглядъ полный благодарности на главнаго жреца, а потомъ наклонилась къ уху Войдыйлы и шепотомъ спросила его:—ну что, доволенъ ты мной, бояринъ Войдыйло?

— Такъ доволенъ тобою, моя королева, что и сказать немогу. До смерти услуги твоей не забуду. Твой буду холопъ, пока не умру, отвѣчалъ тоже шепотомъ хитрый Войдыйло.

— Услуга за услугу; ты выручилъ меня изъ плѣна и

свелъ меня къ милому; я женю тебя на Марьѣ Ольгердовнѣ.

Ну, благодари жреца, да пойдемъ скорѣе догонять князя Ягайло, сказала Поята, дѣлая нѣсколько шаговъ къ двери. Войдыйло вынулъ изъ-за пазухи большую нитку жемчугу и, осмотрѣвшись кругомъ, подалъ ее жрецу. Послѣдній проворно спряталъ ее.

— Спасибо за все.... скажи спасибо и той женщинѣ, которая сидѣла въ истуканѣ. Когда женюсь на княгинѣ Марьѣ Ольгердовнѣ, осыплю васъ милостями, говорилъ Войдыйло.

— Незабудь своихъ словъ, бояринъ, сказалъ жрецъ, провожая Пояту и Войдыйлу.

— Незабуду! незабуду....

Храмъ Мильды опустѣлъ, остался въ немъ только одинъ главный жрецъ, который выслалъ всѣхъ вонъ изъ него. Долго онъ прислушивался и озирался кругомъ, наконецъ подойдя къ идолу Мильды, стукнулъ по полу три раза ногою. Въ то же мгновеніе поднялась каменная плита изъ полу, и оттуда проворно выскочила, точно изъ полу выросла, одна красивая женщина. Это была жена главнаго жреца храма богини Мильды.

— Ну, жена, ты умна, какъ самъ покойный Войдевутъ; великій князь Ягайло подумалъ, что и взаправду говоритъ богиня, сказалъ жрецъ, цѣлуя свою жену.

— Не даромъ, видно, Поята два дня учила, что говорить князю, отвѣчала она.

— На вотъ тебѣ жемчугъ, да пойдемъ домой, я хочу аллусу.....

— Ну, этой свадьбѣ все таки не бывать, сказала жена жреца.

— Отъ чего? спросилъ онъ.

— Отъ того, что князь Кейстутъ Гедиминовичъ недопуститъ, что-бы природная княгиня выходила замужъ за своего холопа, продолжала она.

— Онъ теперь бояринъ....

— А все холопскаго роду.....

Оба вышли вонъ изъ храма разговаривая.

Поята скоро догнала Ягайлу.

— Ну что послѣ этой воды любить хорошо? спросилъ онъ шутя.

— Ахъ, какъ хорошо, я тебѣ сказать немогу какъ хорошо! нѣжно отвѣчала но неискренно Поята.

Черезъ нѣсколько времени была свадьба боярина Войдилы съ великой княжною Маріею Ольгердовною.

Трокскій князь Кейстутъ Гедиминовичъ, узнавъ о свадьбѣ, очень разгнѣвался и всѣми силами старался разстроить этотъ неровный бракъ; тѣмъ болѣе, что онъ Войдилу ненавидѣлъ; но ни угрозы, ни проклятія его ничего не подѣйствовало,—Войдило сдѣлался его родственникомъ.

ГЛАВА 5-я.

Посланный.

Раздался звонъ на сторожевой башнѣ трокскаго замка.

Престарѣлому князю Кейстуту доложили, что отъ его кума тевтонскаго рыцаря, командора Куно—фонъ-Либштейна прибылъ съ письмомъ посланный, и что послѣдній проситъ немедленаго свиданія. Князь потребовалъ сперва письмо. Оно было подано. Прочитавъ его, онъ задрожалъ отъ гнѣва. Въ немъ командоръ извѣщалъ его, что Ягайло заключилъ съ крестоносцами тайный уговоръ, по которому Ягайло обязался не защищать Кейстута во время войны съ ними, и непрепятствовать имъ нападать на его владѣнія. Кончалось письмо совѣтомъ, чтобы Кейстутъ переговорилъ съ подателемъ письма, такъ какъ посланный знаетъ что понудило Ягайло прибѣгнуть къ тайному и позорному условію.

Введенъ былъ посланный.

— Друальдъ! вскрикнулъ Кейстутъ, посмотрѣвъ на лице посланнаго.

— Да, великій князь—для тебя и для всей родной Литвы я тотъ же Друальдъ,—но у меня уже есть христіанское имя, отвѣчалъ онъ, дѣлая поклонъ Кейстуту.

— Ты сдѣлался христіаниномъ,—когда?

— Съ того дня какъ христіанскій Богъ спасъ меня отъ

смерти,— пославъ тебя, великій князь, на мое избавленіе....Помнишь—на развалинахъ Поллоны?

— Гдѣ ты теперь находишся?

— У рыцарей.... Въ Маріенбургѣ.... Былъ по дѣламъ у командора Куно—Фонъ-Либштейна, а онъ упросилъ доставить тебѣ, великій князь, письмо, говорилъ Друальдъ.

— Здоровъ мой кумъ? спросилъ Кейстутъ?

— Ничего, здоровъ... Шлетъ тебѣ привѣтъ да поклонъ...

Кейстутъ вcталъ съ мѣста и, подойдя къ двери, отворилъ ее, потомъ заперъ.

— Насъ здѣсь никто не услышитъ; скажи мнѣ, Друальдъ. почему Ягайло заключилъ тайный уговоръ съ крестоносцами? обратился Кейстутъ съ вопросомъ.

— Потому что на это его втянулъ Войдыйло, отвѣчалъ Друальдъ.

— Говори все что знаешь....

— Войдыйло знаетъ, что ты его видѣть неможешь, что послѣ того, какъ онъ женился на твоей племянницѣ, великой княгинѣ Маріи Ольгердовнѣ,—ты еще болѣе гнушаешься имъ.... Ну вотъ онъ и захотѣлъ освободиться отъ тебя, сперва поссорилъ князя Ягайло съ тобою, потомъ свелъ его съ крестоносцами.... А чтобы отвлечь всякое подозрѣніе, Войдыйло устроилъ охоту въ жмудскихъ лѣсахъ, куда пригласилъ даже твоего сына, князя Витовта, который охотился вмѣстѣ съ ними, а того незналъ, что за его плечами подписываютъ уговоръ на погибель отца его.....О, если бы узналъ Витовтъ Кейстутьевичъ во-время эту тайну, то не допустилъ бы совершиться этому безчестному заговору на жизнь твою!..... Но что сдѣлано, того не воротишь; нужно поправить скорѣе дѣло, сказалъ Друальдъ.

— До меня доходили и прежде темные слухи объ этомъ разговорѣ, но сынъ мой Витовтъ меня увѣрялъ, что онъ другъ съ Ягайломъ, что всѣ его тайны онъ знаетъ и что это быть неможетъ, замѣтилъ Кейстутъ.

— Виликій князь! Какая мнѣ польза врать тебѣ?—ты можешь самъ узнать.... Бумаги, на которыхъ написанъ этотъ тайный уговоръ, находятся въ замкѣ у Ягайлы, въ его спальнѣ, въ сундукѣ.....

— Да, да нужно узнать, нужно узнать, прошепталъ Кейстутъ; и если это правда, то я не помилую племянника.

— Не забудь главнаго виновника этого несчастія—Войдиллу-то; онъ теперь завладѣлъ душею князя Ягайлы, что хочетъ то и творитъ во всемъ княжествѣ....

— А его казню смертью....

— Щадить такихъ людей нельзя....

Кейстутъ подошелъ къ двери, отворилъ ее, крикнулъ прислужника и велѣлъ ему позвать Витовта.

— Ну, скажи Друальдъ, скоро ли крестоносцы хотѣли напасть на мои владѣнія.

— Скоро, теперь у нихъ идутъ приготовленія къ ратному походу.

— Хвала богамъ!—что я имѣю друзей между крестоносцами, продолжалъ Кейстутъ.

— Только, великій князь, твой кумъ просилъ тебя непередавать никому, что онъ тебя извѣстилъ письмомъ о заговорѣ....

— Знаю, знаю, небезпокойся, замѣтилъ Кейстутъ.

Вошелъ Витовтъ Кейстутовичь. Друальдъ ему поклонился.

— Витовтъ! началъ Кейстутъ, ты много разъ защищалъ Ягайла, но вотъ теперь что скажешь ты?... На вотъ прочти письмо, сказалъ Кейстутъ, подавая письмо Витовту.

Послѣдній прочелъ письмо и улыбнулся.

— Ну что? спросилъ Кейстутъ.

— Не вѣрю я и этому письму. Ягайло простъ и добръ, онъ несогласится затѣять такое скверное дѣло.... Да и зачѣмъ оно? Развѣ мало у него владѣній и безъ твоихъ, государь батюшка!... отвѣчалъ добродушно Витовтъ.

— Витовтъ! ты самъ простъ и добръ больше чѣмъ Ягайло.... Ты вѣришь льстивымъ словамъ Ягайлы, а не видишь что вокругъ тебя дѣлается. Друальдъ! раскажи ему, обратившись къ посланному, сказалъ Кейстутъ.

— Друальдъ! Ахъ, тебя я не узналъ, откуда? спросилъ его Витовтъ.

— Изъ маріенбургской псарни...

— Зачѣмъ ты былъ тамъ?

— Я и опять поѣду туда....

— Зачѣмъ?

— Служить бѣлымъ ястребамъ и этой службой спасать свою милую родину, дорогую Литву.

— Хвала и честь тебѣ за это. Что же ты знаешь о заговорѣ? Продолжалъ Витовтъ.

— Ты правъ, князь, дѣйствительно твой двоюродный братъ Ягайло никогда самъ не рѣшился бы на подобную мерзость, но у него есть другъ и первый совѣтникъ во всѣхъ дѣлахъ. Войдыйло, а этому ненавистна жизнь твоего отца, великаго князя Кейстута Гедиминовича; вотъ онъ разными пронырствомъ и склонилъ князя Ягайлу заключить тайный уговоръ съ крестоносцами, чтобы погубить его, отвѣчалъ Друальдъ.

— Но я другъ съ нимъ, и онъ мнѣ сказалъ бы....

— Скажетъ тебѣ онъ, что хочетъ погубить твоего роднаго отца—какъ же!...

— Пусть мнѣ покажутъ этотъ тайный уговоръ, подписанный его рукою, тогда я повѣрю.

— За этимъ дѣло не станетъ, я сего дня же ночью покажу его тебѣ; посмотримъ что ты тогда намъ скажешь, замѣтилъ Кейстутъ.

— Когда и гдѣ они заключили этотъ уговоръ? спросилъ Витовтъ Кейстутевичь.

— Въ жмудскихъ лѣсахъ, на охотѣ, вмѣстѣ съ тобою, отвѣчалъ Друальдъ.

Витовтъ вздрогнулъ и замахалъ руками.

— Не можетъ быть, я не повѣрю.... не повѣрю! закричалъ онъ.

— Почему? спросилъ Кейстутъ.

— Потому что я постоянно былъ съ Ягайломъ и зналъ все, что онъ дѣлалъ, тамъ съ крестоносцами ни о чемъ кромѣ охоты не говорили......

— При тебѣ не говорили, а безъ тебя совѣщались и писали....

— Не вѣрю, не вѣрю.... Это навѣты на брата Ягайлу.... кричалъ Витовтъ.

Въ это время снова раздался звонъ сторожеваго колокола, а черезъ нѣсколько минутъ къ дверямъ князя кто то постучался.

— Кто тамъ? спросилъ Кейстутъ.

— Я, холопъ твой и оруженосецъ, послышался голосъ за дверями.

— А, Григорій Омулевичъ, сказалъ Кейстутъ, и отперъ дверь.

— Вошелъ Григорій Русинъ, любимецъ князя Кейстута,— держа въ рукахъ бумагу.

— Многая лѣта князю моему Кейстуту! сказалъ онъ, кланяясь.

— Откуда, Гриша? спросилъ Кейстутъ.

—Съ охоты, только не съ соколиной, а людской, отвѣчалъ Григорій Русинъ, улыбаясь:—цѣлое утро я стерегъ и поджидалъ въ оврагѣ посланца отъ князя Ягайлы къ крестоносцамъ. Теперь только пришлось перехватить его. Ну, сейчасъ я его обыскалъ и нашелъ вотъ у него эти бумаги. Прочти, князь, можетъ они тебѣ пригодятся, отвѣчалъ Григорій Русинъ, подавая Кейстуту свертокъ съ бумагами.

Онъ развернулъ листъ и началъ читать. Водворилось молчаніе, всѣ смотрѣли на Кейстута и слѣдили за тѣмъ, какое впечатлѣніе дѣлаетъ на него чтеніе письма. Впечатлѣніе было не благопріятное, въ этомъ письмѣ Ягайло совѣтуетъ Крестоносцамъ скорѣе начинать и покончить съ старымъ трокскимъ волкомъ, обѣщаясь при этомъ уступить тевтонскому ордену за побѣду подъ Кейстутомъ часть Жмуди.

Прочитавъ письмо, Кейстутъ отдалъ его Витовту.

- Ну вотъ читай и любуйся подписью своего возлюбленнаго брата Ягайлы, сказалъ онъ съ саркастическою улыбкою.

Витовтъ быстро прочелъ письмо и задумался.

— Что, милый сынъ, теперь скажешъ? спросилъ Кейстутъ.

— Точно скверный сонъ вижу, отвѣчалъ Витовтъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, до сего часа ты спалъ сномъ крѣпкимъ, а теперь это письмо разбудило тебя. Ступай съ Друальдомъ, прикажи стольникамъ накормить его, съ дороги чай проголодался онъ..... А ты, Гриша, останься со мною, сказалъ Кейстутъ.

По уходѣ Витовта и Друальда Кейстутъ подошелъ къ Григорію Русину и поцѣловалъ его.

— Спасибо тебѣ, Гриша; ты сдѣлалъ великое дѣло....

Иди, осѣдлай коня и распорядись нарядомъ. Собери къ ночи пятьсотъ повозокъ запряженныхъ парою лошадей, я хочу хлѣбъ отправлять въ Маріенбургъ, незабудь и о покрышкѣ. Ступай и сдѣлай, приказалъ Кейстутъ.

— Все исполню такъ, какъ ты великій князь повелѣлъ мнѣ, сказалъ оруженосецъ и вышелъ вонъ.

Оставшись одинъ, князь Кейстутъ подошелъ къ окну и, прислушиваясь къ плеску озера Гальвы, на островѣ котораго находится его замокъ—погрузился въ глубокую думу.

— Мой милый отецъ Гедиминъ, мой любезный братъ Ольгердъ! гдѣ вы? Явитесь сюда опять и посмотрите на семейный раздоръ между племянникомъ и дядею..... Судите насъ кто виноватъ, только пощады я заговорщикамъ не дамъ. До сѣдыхъ волосъ я дожилъ съ братомъ Ольгердомъ въ добромъ согласіи, а теперь на старость..... Не я ли цѣлую жизнь свою хлопоталъ о счастіи Литвы, не жалѣя ни денегъ, ни жизни своей, и въ благодарность родной племянникъ поднимаетъ руку на дядю, которому онъ порученъ, говорилъ про себя Кейстутъ, и горькія слезы выступили изъ глазъ его.

С. Калугинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ШАМАЙ ПОЗДРАВИТЕЛЬ.

(изъ недавняго прошедшаго).

1.

Прибытіе Шамая въ городѣ N.

Городъ Н. содержавшій въ себѣ многочисленное еврейское населеніе и могшій по этому считаться почти еврейскимъ городомъ, въ описываемое нами время изобиловалъ людьми, довольно хорошо владѣвшими искусствомъ вкрадываться, посредствомъ ханжества, лести и драпировки религіозною святостью, въ души жителей и питаться подобно паразитамъ потомъ и ихъ кровью. Само собою разумѣется, что каждый изъ этихъ дармоѣдовъ обладалъ огромнымъ запасомъ пошлостей и низостей, какъ необходимыми средствами для достиженія своихъ нехитрыхъ цѣлей

которыя, обыкновенно, вѣнчались какъ нельзя лучшими успѣхами, и такимъ образомъ портили жителей Н. до костей и эксплуатировали ихъ до послѣдняго гроша. Эти паразиты были большею частью выходцы изъ другихъ маленькихъ городишекъ, представлявшихъ меньшее поле для ихъ зловредной дѣятельности. Одинъ изъ подобныхъ названныхъ гостей, пріобрѣвшій себѣ общую извѣстность въ городѣ Н. былъ ребъ Шамай поздравитель.

Въ одно прекрасное утро въ Н. въѣхалъ возъ нагруженный яйцами изъ мѣстечка Василишекъ, на которомъ сидѣлъ канторъ съ помощникомъ своимъ. Этотъ послѣдній былъ некто другой, какъ нашъ герой ребъ Шамай поздравитель. Подобные транспорты очень часто въѣзжаютъ въ нашъ Н. на каждомъ возу съ яйцами изъ мѣстечекъ Ейшешекъ и Василишекъ, появляющемся въ городѣ нашемъ, находятся канторъ (баалъ-тефиле), помощникъ его, дѣвка служанка и какая нибудь замужняя женщина, желающая наняться въ мамки. Участь такого воза, съ его яйцами и пассажирами, подобна той, которой подвергаются возы, доставляющіе къ намъ изъ полѣсья табакъ. Привезенный табакъ скупаютъ лавочники; волы, пріобрѣтаются мясниками, а возы достаются торгующимъ колесами, такъ что остается отъ всего транспорта только одинъ возница, который и отправляется съ кнутомъ во-свояси. Тоже самое почти происходитъ и съ возомъ яицъ. Яйца скупаются перекупщицами, баалъ-тефиле, отмолившись «іомъ-нероимъ [1])», остается въ городѣ Н. меламедомъ, помощникъ его поступаетъ въ «арумбахуры [2])»; дѣвка служанка сперва нанимается въ *мамки*, а затѣмъ дѣлается содержательницей заѣзжаго дома. Та же самая исторія повторяется и съ остальными пассажирами, которые получаютъ сначала право временнаго жительства, а потомъ остаются на всегда въ городѣ Н. Домой назадъ возвращается изъ всего транспорта одинъ только фурманъ. Нашъ герой Шамай также остался изъ подобнаго комплекта пассажировъ, прибывшихъ на

---

1) „Іомъ-нероимъ" значитъ слово въ слово страшные дни. Такъ называются у евреевъ по святости своей два дня новаго года и день прощенія грѣховъ.

2) Юноши, занимающіеся въ молитвенныхъ домахъ изученіемъ талмуда, и получающіе за то даровой столъ или, какъ евреи говорятъ, *„ѣдять дни"* у набожныхъ и состоятельныхъ евреевъ.

возу съ яйцами, арумбахуромъ въ томъ же самомъ молельномъ домѣ, гдѣ сначала служилъ помощникомъ «баалъ-тефиле», и гдѣ успѣлъ понравиться синагогальному служкѣ, котораго также завезъ сюда возъ съ яйцами. Онъ сталъ прилежнымъ парнемъ (бахуромъ-масмидомъ) и порядочнымъ ханжею, строго соблюдалъ окунаніе въ «миквѣ» (купальня), заутреннюю совершающуюся почти до разсвѣта молитву (хцосъ). По временамъ бывало перелистываетъ „зогаръ“ [1]) и такимъ образомъ мало по малу успѣлъ прослыть за святаго. Его начали уже прозывать *ребъ* Шамай, а не Шмайке. И онъ бы ушелъ Богъ знаетъ какъ далеко, еслибъ этому не помѣшало одно несвоевременное поздравленіе съ праздникомъ, которое будетъ описано въ слѣдующей главѣ.

2.

Несчастное поздравленіе съ праздникомъ.

Обязанность арумбахуровъ, имѣющихъ даровой столъ у еврейскихъ хозяевъ (баалебатимъ) въ извѣстные будніе дни, тѣмъ болѣе въ субботніе и праздничные, накрывать ельникомъ кущу у своихъ покровителей, предъ наступленіемъ праздника кущей сплетать „годесъ“ [2]) и во время приносить въ молитвенный домъ «эсрейгъ [3])». Обязанности эти возлагаются на арумбахуровъ, во первыхъ, въ силу обычая, такъ точно, напр., какъ у польскихъ магнатовъ было обыкновеніе, чтобъ трубку съ табакомъ подавалъ козачокъ; во вторыхъ, потому обстоятельству, что живя въ синагогѣ, арумбахуры лучше другихъ знаютъ требуемый для этого отдѣлъ изъ свода-узаконеній (Хаіе-Адамъ). Поэтому очень естественно, что нашъ Шамай тоже обязанъ былъ накрыть кущу ельникомъ у того хозяина, у котораго имѣлъ даровой столъ въ праздничные и субботніе дни. У этого благодѣтеля Шамая былъ собственный домъ и для устройства кущи, онъ снималъ только черепицы съ крыши надъ третьей комнатой своей квартиры и накрывалъ ее елями. И вотъ, когда Шамай былъ на чердакѣ для исполненія возложенной на него обычаемъ и званіемъ обя-

1) Родъ христіанскаго апокалипсиса.

2) Круглая, сплетенная изъ миртовыхъ листьевъ, трубочка, въ которую вставляются вербы, и которую прицѣпляютъ къ пальмовой вѣтви, употребляемой вмѣстѣ съ райскимъ яблокомъ.

3) Райское яблоко.

занности, онъ почуялъ, что въ смежномъ съ этимъ чердакѣ лежатъ яблоки, принадлежавшія какому то бѣдняку торговавшему фруктами. Шамай удачно продрался въ складъ яблокъ, они показались ему весьма вкусными. Понятно, что вкусныя яблоки, тѣмъ болѣе чужія, довольно заманчивы. Если даже нашъ праотецъ Адамъ соблазнился запрещеннымъ плодомъ, то что сказать о Шамаяхъ? Однимъ словомъ съ того времени Шамай подъ разными предлогами дѣлалъ частые визиты яблокамъ: то поправить ели, то осмотрѣть поднятую крышку, и мимоходомъ завернетъ въ сосѣдній чердакъ и, наполнивъ свои карманы яблоками, съ невиннымъ лицемъ сходитъ внизъ, а хозяева еще благодарятъ его за заботливость и постоянное радѣніе объ ихъ кущѣ. Таким способами, Шамаю удалось еще нѣсколько разъ побывать на сосѣднемъ чердакѣ втеченіе трехъ—четырехъ промежуточныхъ дней между днемъ отпущенія грѣховъ и наступленія праздника кущей. Но въ первый день праздника этимъ удачамъ положенъ былъ конецъ, и счастіе наконецъ ему измѣнило. Въ этотъ день онъ помолился очень рано (восикинъ), дабы во-время принести «эсрейгъ» своимъ хозяевамъ. Но такъ какъ «эсрейгъ» находился у него заранѣе, то онъ снабжалъ имъ прежде всѣхъ дѣвокъ и служанокъ, чтобъ онѣ также произносили благословенія надъ такимъ рѣдкимъ райскимъ яблокомъ, каково было яблоко Шамаева хозяина. Каждая изъ этихъ счатливицъ вознаграждала его порядочнымъ стаканомъ крѣпкаго напитка, порціей рыбы и т. п. Понятное дѣло, что Шамай, который и не привыкъ еще къ такимъ напиткамъ, очутился до того пьянымъ, что съ трудомъ держался на ногахъ. Будучи въ крайне веселомъ расположеніи духа, онъ отправился осмотрѣть кущу, или вѣрнѣе отвѣдать яблокъ бѣднаго сосѣда. Набивъ карманы до-полна яблоками, Шамай пустился назадъ, но пробираясь по ельнику кущи, пропустилъ одну жердь, шагнулъ въ промежуточную дыру и рухнулъ въ кущу, на столъ, вокругъ котораго сидѣли знатные гости города Н. пришедшіе поздравить хозяина съ праздникомъ. Несчастный Шамай нѣкоторое время висѣлъ, зацѣпившись за жерди и гвозди кущи, въ продолженіе котораго гости имѣли возможность внимательно разсмотрѣть представившуюся имъ не совсѣмъ эстетическую картину. Помочь ему, чтобы онъ не упалъ, никто не могъ потому, что сначала всѣ были испуганы, а по-

томъ всѣ залились громкимъ смѣхомъ. Не смотря на ушибъ, отъ котораго носъ у него остался на всегда горбатымъ, Шамай закричалъ громкое «гутъ-іомъ-товъ» (съ праздникомъ), и потому съ того времени носитъ прозваніе «гутъ-іомъ-товъ-битера» (поздравителя). Но за то хозяинъ все таки остался имъ предоволенъ, полагая, что Шамай шелъ на чердакъ смотрѣть раскрыта ли, какъ слѣдуетъ по закону, крышка кущи, а про краденныя яблоки зналъ только служитель еврейскаго госпиталя, куда его скоро отправили, и гдѣ его раздѣли для осмотра ушибовъ.

3.

Гене-краснобай, жена Шамая, палестинская дѣвушка.

Когда Шамаю минуло восемнадцать лѣтъ, его женили на дѣвушкѣ, прозванной палестинской. Послѣ свадьбы она получила новое прозванье краснобая. Гене прозвали палестинской дѣвушкой потому, что отецъ предпринялъ съ ней путешествіе въ Палестину, но, отъѣхавъ семь миль отъ города Н. сильно заболѣлъ и отдалъ Богу грѣшную душу. Гене скоро возвратилась назадъ въ Н. съ мѣшкомъ *палестинской* земли, который, между прочимъ, включенъ былъ въ приданное Шамаю. Съ того времени, какъ онъ женился на Гене и до сихъ поръ, мѣшокъ еще неистощился, и палестинская земля носитъ богатую жатву своимъ землевладѣльцамъ. Они оба шли, другъ къ другу, какъ нельзя лучше. Онъ былъ высокаго роста, съ согнутой спиной и держался немного на-право; она также была высока и также съ нагнутой спиной, но ужъ подалась маленько на лѣво. Онъ говорилъ хриплымъ басомъ, она тоже. Онъ съ большимъ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, она съ подобнымъ же украшеніемъ на правомъ. Его фигура въ стоячемъ положеніи представляла собою живой вопросительный знакъ, ея же—живую кочергу. Когда они ходили врозь, то походили на двухъ выпряженныхъ пристяжныхъ, которыхъ ведутъ послѣ скорой и долгой ѣзды, остыть, а ходя вмѣстѣ, они глядѣли двуглавымъ орломъ.

Краснобаемъ же прозвали Гене потому, что она любила очень сильно и рѣчисто говорить, въ особенности о себѣ и о мужѣ своемъ. Она была всевѣдущей. Она знала, что происходитъ въ каждомъ сосѣднемъ домѣ во всякое время дня и ночи. Ей извѣстно было, какъ каждая еврейка города Н. живетъ съ сво-

ихъ мужей. Она служила всѣмъ жителямъ города живымъ календаремъ: знала, когда какая дѣвушка вышла замужъ, сколько разъ разводилась съ мужьями, сколько дѣтей съ ними имѣла; какія изъ нихъ умерли и какія остались въ живыхъ; сколько мѣсяцевъ прошло той или другой женщинѣ съ послѣдней беременности. Она знала чьи жемчуги заложены по несостоятельности, какая дѣвушка пользуется въ Н. дурной репутаціей и о какой, напротивъ, слышны лестные отзывы. Однимъ словомъ, она знала все о всѣхъ живыхъ и умершихъ, про всякую мелочь и про самую значительную интересную новость,—у нея былъ всегда готовый запасъ разныхъ новостей, которыя раскaзывала съ величайшей охотой каждому, интересующемуся ими.

Съ Шамаемъ Гене прижила шесть дѣтей, пять мальчиковъ и одну дѣвочку, и ни одного изъ нихъ не вскормила сама. Съ дѣтьми она поступала обыкновенно такъ: отдавала ихъ какой нибудь кормилицѣ и благочестивыя женщины платили за нихъ; сама же кормила своей грудью чужаго богатаго ребенка.

Какъ велика была любовь мужа къ ней, мы можемъ заключить изъ короткаго разговора, происходившаго между нѣжными супругами, когда они остановились предъ дрянной, узенькой перекладиной, переброшенной черезъ быстро-текущую рѣчку города Н.

— «Ступай ты прежде» сказалъ Шамай своей дрожайшей половинѣ, когда она не рѣшалась ступить на перекладину, весьма сомнительной крѣпости: «когда я увижу, что перекладина на столько крѣпка, что можетъ удержать человѣка, то послѣдую за тобою.»

— «Ты мущина, такъ ступай первымъ», отвѣтила она ему.

— «Видишь ли», возразилъ Шамай,—«когда я упаду въ воду и утону, то ты во всю жизнь свою лишена будешь права выдти за-мужъ (агуна [1]), если же ты утопишься, то это вѣдь до меня не касается.»

4.

Промыслы Шамая поздравителя.

Изъ пустаго и дряннаго выходитъ пустое и ничтожное.

---

1) Женщина, лишенная права выйдти за-мужъ, если не будетъ доказано свидѣтелями, что прежній мужъ ея умеръ, или, что отказался отъ нея посредствомъ разводнаго письма (гетъ).

Весьма естественно, поэтому, что если два голяка связываются бракомъ, то они помножають иногда на очень сложную цифру сумму голяковъ. Результатъ можетъ быть другой тогда развѣ, когда они становятся обманщиками или грабителями. Поэтому слѣдуетъ прежде обезпечить себя средствами къ жизни, а потомъ уже обзаводиться семейстомъ. Такъ извѣстно, что птица кривоносъ думаетъ о потомствѣ не раньше января, такъ какъ тогда только созрѣваютъ зернышки еловыхъ шишекъ, составляющія его пропитаніе. (Эти шишки зрѣютъ во время *сильныхъ* морозовъ). Наши русскіе евреи идутъ какъ бы на перекоръ самому Творцу вселенной, который прежде сотворилъ все необходимое для человѣка, а потомъ создалъ самаго его, они же сперва вступаютъ въ бракъ, рождаютъ около полдюжины дѣтей и тогда только начинаютъ думать о томъ, какъ жить на свѣтѣ. До періода, когда начинаютъ думать о средствахъ къ жизни, живутъ они на чужой счетъ,—блюдолизничаютъ. Подобнымъ лизоблюдомъ и паразитомъ былъ нашъ герой, Шамай. Предъ свадьбой онъ имѣлъ ежедневно даровой обѣдъ, а послѣ неи уже началъ ѣсть мѣсяцы, полугодія, а наконецъ цѣлые годы при чужихъ столахъ. Когда онъ началъ меламедствовать, то однимъ изъ главныхъ его условій былъ даровой столъ на извѣстное время. Когда же успѣлъ прослыть за дѣятельнаго меламда, т. е., за такого, который калѣчитъ дѣтей и дѣлаетъ изъ нихъ полныхъ невѣждъ и идіотовъ, то уже получалъ даровой столъ срокомъ не менѣе какъ на цѣлый годъ, такъ что по цѣлымъ днямъ проживалъ въ чужихъ домахъ, уходя толко на ночь домой. Само собою становится понятнымъ, что расходовъ у него никакихъ небыло. Жена кормила, какъ замѣчено выше, грудью богатыхъ дѣтей, а ея дѣти воспитывались, или скорѣе росли безъ всякаго воспитанія на счетъ благотворительной кассы, (цдоко гдейло), Н. благотворительный городъ! Когда отняли дитя ея отъ груди, то она кормила его синагогальной крупою и вышло такъ, что дитя съ колыбели привыкало жить паразитомъ и не знало вкуса собственнаго родительскаго, трудомъ добытаго, хлѣба. Шамай подобенъ былъ тому фантастическому существу, о которомъ еврейскіе ученные разсказываютъ, что у него было только отверстіе для восприятія пищи и не было органа для освобожденія тѣла отъ лишнихъ ея частей,

какъ это бываетъ у всѣхъ животныхъ. Онъ съ младенчества привыкъ только брать, а не давать. Скитаясь съ самаго ранняго дѣтства по чужимъ домамъ, онъ не видалъ и не слыхалъ, какъ еврейскіе родители плачутъ на взрыдъ, моля Бога на канунѣ дня прощенія грѣховъ, чтобъ имъ самимъ и дѣтямъ ихъ не случилось въ жизни нуждаться въ чужой помощи. Отъ такого человѣка, который во всю жизнь свою лизалъ чужія тарелки, нечего ожидать чего нибудь путнаго и самобытнаго. Будь онъ хоть милліонеромъ, онъ всегда останется паразитомъ. Величайшее къ нему расположеніе фортуны не въ состояніи отучить его отъ жажды къ чужому хлѣбу. Ему вкуснѣе покажется сухой, черствый кусокъ чужаго хлѣба, чѣмъ свое собственное жаркое. Онъ согласится лучше съ величайшимъ трудомъ и униженіемъ вымолить грошъ, чѣмъ заработать честно рубль. Шамай своей натуришкой напоминалъ крысу, которая, очутившись съ несколькими своими подругами въ мышеловкѣ и сильно проголодавшись, пожрала всѣхъ ихъ. Но освободившись послѣ отъ заключенія, она, вслѣдствіе привычки къ новому блюду, брезгала уже всякою другой пищей, кромѣ мяса однородныхъ съ нею животныхъ. Воспитавшись на чужой счетъ, на чужихъ хлѣбахъ, нашъ герой уже питалъ отвращеніе къ собственному хлѣбу.

Каждому родителю своихъ учениковъ онъ говорилъ, что у него хедерный комплектъ будетъ состоять *только* изъ десяти учениковъ, а на дѣлѣ оказывалось всегда, что у него было пять учениковъ секретныхъ. Беря по десяти рублей съ каждаго, онъ имѣлъ такимъ образомъ въ итогѣ 150 рублей и даровой столъ, къ тому ежедневно у него бывали разные случаи попить и поѣсть у кого нибудь.

Кромѣ меламедства, онъ былъ также сватомъ. Отъ этого ремесла ему часто перепадали рубль другой и стаканъ водки. То свадьба, то помолвки, которыя приносили ему, если не деньги, то выпивку. Онъ былъ и канторомъ и молился за больныхъ. Бывалъ у родильницъ на „вахъ-нахтъ“ 1), совершалъ

1) Ночь, предшествующая дню, въ который долженъ совершаться обрядъ обрѣзанія. Всю эту ночь на пролетъ читаютъ псалмы за здоровье родильницы и новорожденнаго.

надъ дѣтьми обрядъ обрѣзанія; рѣзалъ домашнихъ птицъ. Предъ праздниками нанимался у городскихъ рѣзниковъ; а въ это горячее время Нскіе евреи не жалѣютъ рюмки водки. Предъ пасхой онъ пересматривалъ пшеницу, годна ли на приготовленіе изъ нея опрѣсноковъ (мацесъ), за что получалъ порядочныя деньги и въ добавокъ бутылку пива. На канунѣ дня прощенія грѣховъ, стегалъ ремнемъ (малкесъ) [1]), за что также получалъ нѣсколько копѣекъ и колдуновъ, вареныхъ въ меду (пирскесъ). Писалъ свадебные договоры и условія, маленькія письмеца на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ для неграмотныхъ служанокъ и нянекъ. Очень часто исполнялъ роль еврейскаго адвоката (тоана), причемъ былъ весьма свѣдущъ въ еврейскомъ судопроизводствѣ и зналъ всѣ тяжебныя уловки. Юридическія свѣдѣнія его были слѣдствіемъ долгаго опыта; онъ водилъ постоянныя тяжбы съ своими жильцами и зятьями. У него была только одна дочь, но зятьевъ очень много. Одного зятя онъ развелъ съ дочерью, другой самъ доходилъ до этой необходимости. Шамай зналъ всѣ законы, касающіеся еврейскихъ подсудимыхъ такъ вѣрно, что могъ перечислить ихъ по пальцамъ. Въ день исполненія обязанности еврейскаго адвоката, онъ бывалъ всегда въ не трезвомъ видѣ, такъ какъ поклоненіе Вакху есть главный атрибутъ еврейскихъ тоановъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ занятій онъ по пятницамъ, съ рукою покрытою краснымъ и грязнымъ платкомъ, испрашивалъ на школьномъ дворѣ подачки (недовесъ), присутствовалъ при совершеніи въ синагогѣ разныхъ религіозныхъ церемоній, какъ напр., „гатовасъ-недоримъ (разрѣшеніе обѣтовъ) и (тому под.) Наблюдалъ за печеніемъ *храненныхъ* опрѣсноковъ (маце-шмуре); служилъ свидѣтелемъ при подачѣ мужемъ развода женѣ. И все это исполнялось имъ не даромъ. Пиво, водка и нѣскько деденегъ были преміей универсальности нашего героя.

1) Слово „малкесъ“ означаетъ удары. Когда еврейское законодательство имѣло силу, этому наказанію (ударовъ въ числѣ сорока) подвергали виновныхъ въ извѣстныхъ религіозныхъ преступленіяхъ. И теперь на канунѣ дня прощенія набожные евреи, знающіе засобой какой нибудь грѣхъ, добровольно позволяютъ подчивать себя сорока ударами тоненькимъ ремнемъ по спинѣ и даже награждаютъ за это шмейсера“, т. е., человѣка, берущаго на себя въ тотъ день обязанность палача.

5.
Промыслы жены Шамая.

Жена Шамая тоже не безъ пользы коптила небо и недаромъ бременила землю. Она хоть и не пряла льна и шерсти и не вертѣла веретеномъ, подобно Соломонову идеалу женщины, но за то неустанно вертѣла своимъ языкомъ. Имъ она измучила всѣхъ своихъ пять жильцевъ, квартировавшихъ въ ея домѣ. Кромѣ того она упражнялась въ слѣдующихъ полѣзныхъ занятіяхъ: запасала мужа полнымъ комплектомъ учениковъ; водила невѣстъ въ купальню; ѣхала съ ними на кладбище предъ свадьбой; ходила за разрѣшеніемъ *женскихъ* вопросовъ къ мѣстнымъ судьямъ (даіонимъ); измѣряла кладбище нитками, изъ которыхъ приготовляла свѣчи на день отпущенія грѣховъ; снабжала щенками богатыхъ родильницъ, страдавшихъ отъ излишества молока; приготовляла землю, привезенную *изъ Палестины*, которая какъ читателю уже узвѣстно, взята была изъ почвы, отстоявшей на шесть миль отъ города Н.; въ послѣдніе дни праздника кущей она ходила съ мужемъ поздравлять всѣхъ и каждаго; разсказывала про праотцевъ и про стражу, охраняющую гробъ ихъ, про Шамбатіонъ [1]); собирала подаяніе, лила воскъ, олово, закладывала колтунъ. Благодаря своему спеціальному знанію всѣхъ женскихъ потребностей, она всегда находила случай хорошенько поѣсть и полакомиться на чужой счетъ. Благодаря такой разнородной профессіи, неутомимая чета жила припѣваючи.

6.
Пять шапокъ и пять высокихъ шляпъ.

Прошло уже болѣе двадцати пяти лѣтъ съ того времени, какъ евреи перемѣнили свой мнимоеврейскій костюмъ на такъ называемый нѣмецкій. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ женщина еврейка носила душегрѣйку съ кишками, туфли съ окованными каблуками, голова обрита была гладко, какъ у молодыхъ людей новаго поколѣнія подбородокъ, и обвязана была

1) Мифическая рѣка, волны которой, по вѣрованію евреевъ, перестаютъ бушевать наканунѣ субботы только; за этою рѣкой люди живутъ вѣчно.

турецкимъ платкомъ, что придавало еврейкѣ много сходства съ туркою. Шею отягчало нѣсколько нитокъ крупнаго жемчуга или жемчужное ожерелье. Сверху надъ всѣми этими украшеніями развѣвалась бѣлая простыня, подобно флагу.

Мужчина въ то блаженное время одѣвался по слѣдующей модѣ. Ноги обуты были въ испачканные бѣлые чулки и башмаки, ферезь (делье) служила какъ бы игрушкой для вѣтра, широкіе рукава ея не могли быть надѣваемы, а въ полы этого безобразнаго платья нельзя было окутаться. Смѣшнѣе всего теперь показались бы намъ носимыя тогда пять шапокъ. Первая изъ нихъ была круглая (стреймеле), верхъ которой былъ изъ бархата, а широкій околышъ покрытъ весь собольими хвостиками. Эта шапка была *святѣйшая* изъ всѣхъ; ее носили въ праздничные и субботніе дни. Этого фасона шапку носили женихъ подъ балдахиномъ и всѣ сыны Израиля въ праздникъ Гамана (Пуримъ). Вторая шапка была тоже круглая, но вся изъ пушнаго по преимуществу собольяго мѣха. Ее носили въ промежуточные дни праздника (холе-меедъ), въ новолунные дни, въ тридцать третій день послѣ Пасхи (лагъ-боэмеръ), также на торжественныхъ или праздничныхъ собраніяхъ. Проповѣдники носили ее и по буднимъ днямъ. Третья шапка была круглая, но сзади съуженная. Ее называли *полумѣсяцемъ* или *хабадницею*; ее носили хасиди и школьный людъ. Четвертая была треухая шапка. Къ ней были пришиты три клапана: одинъ широкій и длинный спереди и два меньшихъ по бокамъ; всѣ клапаны прокрыты собольимъ или лисьимъ мѣхомъ. Эту шапку носили по большей части фурманы, люди находящіеся постоянно въ дорогѣ и хозяева средней руки, во время хожденія въ баню. Пятая шапка была двуухая или роговка. Два уха торчали сзади, а спереди она обшита была мѣховыми хвостиками. По своему фасону она похожа была лицевою или передовою частью на стреймеле, а задней на шапку съ клапанами. Ее носили всѣ сильные еврейскаго міра: купцы подрядчики и т. п. Она стоила большихъ денегъ и шапочники обшивали ее мѣхами различныхъ цѣнныхъ звѣрей. Но все таки она не годилась ни въ какую погоду: ей вредны были и дождь, и снѣгъ, и солнечное сіяніе. Въ ней ходили въ молельню встрѣчать только что появившуюся луну,—на помолв-

ки, жениха посмотрѣть, встрѣтить кого или поздравить съ праздникомъ. Понятное дѣло, что Шамай имѣлъ всѣ эти пять шапокъ, но въ нихъ было столько прочнаго, сколько въ ихъ владѣльцѣ порядочнаго. Нашъ поздравитель обладалъ удивительнымъ искуствомъ носить каждую изъ этихъ пяти шапокъ въ свое время, только въ ночь на великую вербу онъ провѣтривалъ всѣхъ ихъ. Во все лѣто онѣ висѣли на стѣнѣ, покрытыя искусно сплѣтенною паутиною, потому что лѣтомъ Шамай ходилъ въ высокой шляпѣ.

Шляпы въ оное время были двоякаго рода. Первые носили модные люди, это были шляпы высокія, съ широкими полями. Втораго рода шляпы были съ маленькими закругленными какъ ермолка головками, а поля образовали своей чрезмѣрной широтой большой зонтъ надъ головой носителя. Веревочки чернаго цвѣта были продѣты чрезъ головку и поддерживали поля шляпы, чтобы они не висѣли надъ глазами и не закрывали бы свѣтъ Божій. На канунѣ девятаго Аба (день плача и рыданія у евреевъ по храмѣ) веревочки изъ шляпъ вынимали въ знакъ безутѣшнаго сѣтованія. Само собою, что у Шамая была шляпа втораго сорта и, онъ всегда сѣтовалъ по сожженію храма, т. е., вѣчно ходилъ съ опущенными полями, вообще онъ мало обращалъ вниманія на свой костюмъ. Поэтому, если отрывалась веревочка, то онъ незаботился о другой.

7.

Праздничный зипунъ.

У Шамая поздравителя былъ шолковый зипунъ, на фонѣ котораго красовались пожелтѣвшіе отъ времени цвѣты и узоры; хотя зипунъ былъ весьма старъ, да за то вполнѣ цѣлъ. На груди онъ былъ обшитъ разноцвѣтными полосками и застегивался серебрянными застежками, рукава застегивались подобнымъ же образомъ. Отверстія кармановъ были обшиты кожею, чтобы не разорвать зипуна. Предосторожность весьма практическая; потому что во время поздравленій онъ постоянно носилъ въ карманахъ бутылки и вливалъ въ нихъ то количество водки и вина, котораго нельзя было ему вмѣщать въ натуральный свой резервуаръ и, слѣдовательно, поздравитель долженъ былъ вытаскивать бутылки ежеминутно изъ кармановъ. Самъ зипунъ

былъ подбитъ бархатомъ въ желтыхъ полоскахъ. Кто тольк видѣлъ его въ этомъ платьѣ сразу убѣждался, что оно не дл него было шито. О происхожденіи этаго зипуна жена Шама разсказывала различно. То она говорила, что мужъ ея полу чилъ зипунъ въ наслѣдство отъ отца своего, то разсказывала что мужу достался зипунъ отъ одного бездѣтнаго богача, с завѣщаніемъ, чтобъ онъ Шемай читалъ «кадешъ» (молитва з поминъ души) по сынѣ перваго. Когда же спросили ее:

— Какъ это можетъ быть, чтобы бездѣтный имѣлъ сына? А если у него былъ сынъ, то къ чему было нанимать чтеца „ка деша“?—«Я ошиблась, я думала вотъ что сказать», отвѣчал она обыкновенно: «одинъ бездѣтный, не оставивши по себѣ ни какихъ дѣтей, завѣщалъ Шамаю зипунъ, чтобъ мой сынъ читал по немъ «кадешъ», такъ какъ мой мужъ не могъ принять на себ эту святую обязанность, будучи обязанъ читать по сво емъ собственномъ отцѣ». При этомъ она обыкновенно прибав ляла, что мужъ имѣлъ благое намѣреніе нанять какого нибуд арумбахера для чтенія кадеша по отцѣ Шамаевомъ, а онъ сам хотѣлъ читать по бездѣтномъ подобно тому, какъ онъ посту палъ съ ея дѣтьми: отдавая ихъ на чужія руки, я сама нян чила другихъ; помѣстные судьи не допустили этого. Они да же не хотѣли позволить моему сыну читать кадешъ при жизн отца, но Шамай переспорилъ ихъ и поставилъ на своемъ, до казавъ, что: „бѣдный все одно, что умершій“; а мы вѣдь впол номъ смыслѣ этого слова бѣдны. Такъ Ицекель ея читал весь годъ аккуратно кадешъ, и Шамаю достался зипунъ. К этому костюму Шамая можно прибавить еще описаніе башма ковъ его и ферези. Послѣдняя была точно ножъ безъ черенк и клинка, потому что верхняя матерія ея и подкладка был разодраны въ куски. Она имѣла въ своемъ составѣ разнооб разнѣйшіе лоскутки, какъ «хале-тистехель салфетка для накры тія субботнихъ пироговъ) сшивается изъ разныхъ лоскутков Башмаки его были огромнаго размѣра, въ заплатахъ и нечи щены со времени появленія своего на свѣтъ. Еслибъ онъ н билъ ими по головѣ жепу, отъ чего съ нихъ стряхивалас грязь, то они были бы толщины безпримѣрной. Подобной эво люціи подвергались они предъ наступленіемъ субботы. Тогд самое горячее время у евреевъ нашего города: прачка тогда о

носитъ бѣлье; пекари приходятъ получить плату за завтраки всей недѣли; тогда нужно закупить грошевыя шабашовыя свѣчи, скорѣе замазать «цолентъ“, (запасныя блюда въ печи на субботній обѣдъ), очень часто въ это время относитъ портной новое сшитое платье и проч. Мужъ требуетъ воды на мытье головы, а хозяйка тоже торопится *куда-то*: хочетъ произнести благословеніе надъ свѣчами, чтобъ сбѣгать въ еврейскую купальню (микву). Однимъ словомъ это опасное время у евреевъ города Н. Самые горячіе ссоры и драки идутъ тогда у жителей Н. вообще и у нашего Шамая и его дрожайшей половины въ особенности. Предъ наступленіемъ субботы у нихъ ругань и проклятія не умолкаютъ ни на минуту. Яблокомъ раздоровъ служило то, что Шамай считалъ свою женудурою и всегда бывало говорилъ, что у него больше ума въ ногѣ, чѣмъ у нея въ головѣ. Поэтому бросалъ въ ея голову своими башмаками до тѣхъ поръ, пока она сдѣлается умной, то есть, почувствуетъ, что у нея есть голова.

8.

Поздравленіе съ праздникомъ.

Съ того времени какъ Шамай, совершивъ свое воздушное путешествіе сквозь ель кущи, громко прокричалъ „гутъ-іомъ-товъ“ (съ праздникомъ), онъ пріобрѣлъ себѣ имя поздравителя и, дѣйствительно, обладалъ изумительнымъ искуствомъ вести это дѣло. Ни къ чему въ свѣтѣ онъ столько не способенъ былъ какъ къ поздравленіямъ. Въ праздникъ утромъ, послѣ молитвы, уже видѣли Шамая одѣтымъ въ свой историческій жупунъ, въ круглой шапкѣ (стреймеме), ферези шагающимъ по улицамъ города Н. и съ двумя бутылками въ карманахъ, которыя, какъ мы уже знаемъ, служили запасными резервуарами для тѣхъ напитковъ, которыя не лѣзли уже въ горло поздравителя. Съ нимъ по обыкновенію шествовалъ въ должности помощника его *новый* зять,—новый потому, что предъ каждымъ праздникомъ онъ сбывалъ съ рукъ стараго зятя и запасался новымъ, какъ бы въ родѣ праздничной обновы. Утолить первый голодъ и жажду Шамая приходилось всегда на долю бѣдныхъ родителей тѣхъ мальчишекъ, которые у него обучались, и которымъ ежедневно приходилось получать порядочную кол-

лекцію подзатыльниковъ и пощечинъ, вслѣдствіе чего они успѣвали въ наукахъ. Послѣ визитовъ этихъ счастливцевъ на столѣ ихъ оставались тщательно очищенныя тарелки и опорожненныя бутылки, что свидѣтельствовало ясно объ эластичности желудковъ посѣтителей—Шамая и достойнаго сподвижника зятя его.

Оттуда Шамай обыкновенно отправлялся къ тѣмъ хозяевамъ, дѣти которыхъ *когда-то* учились у него. Не забывалъ и тѣхъ, у которыхъ совершалъ обрядъ обрѣзанія, у кого былъ сватомъ и, разумѣется, всѣхъ тѣхъ Н-скихъ хозяевъ, на родство съ которыми имѣлъ малѣйшую претензію. Разъ стоя на улицѣ въ первый день Пасхи, онъ закричалъ: „зайдемъ, Налменъ“, (имя зятя) къ „Іоселю“ столяру, его жена считалась въ родствѣ съ моей теткой“,—оба побѣжали къ Іоселю. Такъ совершалъ свои экскурсіи Шамай въ ясную погоду, а въ дождливую онъ бѣгалъ съ заткнутыми за поясъ полами зипуна, полосатою подкладкой наружу, ферезь была перевернута и закручена подъ мышкой и большой носовый платокъ однимъ концомъ заткнутый за поясъ, другимъ шлепался по землѣ, отчего былъ загрязненъ самъ и пачкалъ по самыя колѣна самаго Шамая. Въ такую погоду нашъ поздравитель уже не ходилъ, а бѣгалъ во всѣ лопатки и не пропускалъ ни одного дома. Въ каждый домъ онъ вбѣгалъ подъ предлогомъ, что вынужденъ укрыться отъ дождя. Послѣ такого удачнаго изворота, большею частію его угощали и онъ отправлялся далѣе, если же нѣтъ, то онъ разговорится—бывало съ сынкомъ хозяина, спроситъ чему онъ учился, у кого, предложитъ ему легкій вопросъ, облегчитъ ему всячески отвѣтъ, а потомъ обращается къ родителямъ съ слѣдующими словами: „у васъ мальчикъ *цацка*; будь онъ въ хорошихъ рукахъ и изъ него можетъ выйдти *порядочное орудіе*; только стоитъ маминькѣ услышать подобные слова, и она уже не отпуститъ поздравителя *сухимъ*. Подобнымъ образомъ совершая путешествіе по всему городу Н., онъ спрашивалъ у каждаго хозяина остается ли онъ на старой квартирѣ, или имѣетъ въ виду перебраться на новую; въ послѣднемъ случаѣ онъ распрашивалъ: гдѣ будетъ новоселье, дабы знать, куда придти въ слѣдующій праздникъ,—Пятидесятницу. Во время своего долгаго путешествія поздра-

витель нѣсколько разъ транспортировалъ домой наполненныя бутылки и наконецъ самъ возвращался тоже полнымъ по горло. Въ Пятидесятницу онъ поступалъ другимъ образомъ: помолившись чуть свѣтъ съ первымъ „миніономъ“ (десятокъ людей требуемыхъ для совершенія молитвы), онъ отправлялся прямо съ поздравленіемъ. Но такъ какъ обычай у евреевъ въ Пятидесятницу угощать поздравителей не одними напитками и вареньями, но и сдобными булками, кофе, тортомъ и т. п., то онъ еще на канунѣ праздника избиралъ на каждой улицѣ домъ, въ родѣ складочнаго магазина, и туда заносилъ все, непринимаемое желудкомъ, дабы не приходилось каждые полчаса отправляться съ транспортами домой.

Всѣ эти праздничныя поздравленія ровно ничего незначатъ въ сравненіи съ поздравленіемъ въ восьмой и послѣдній день праздника кущей. Въ эти два праздничные дня Шамай совсѣмъ перерождался, становился другимъ человѣкомъ. Утромъ послѣ молитвы, онъ опорожнивалъ порядочный стаканъ очищенной, и сбросивъ съ себя стреймеле, ферезь и поясъ, пускался по городу поздравлять, и Генеле бѣжала за нимъ, неся на рукахъ сброшенное имъ платье. Сперва бросался Шамай въ домъ богатѣйшаго родителя своихъ учениковъ и, закричавъ со всѣхъ силъ „гутъ-іомъ-товъ“, пускался съ шумомъ въ пляску по комнатѣ, напѣвая при томъ „да здравствуютъ ребъ Гешеле и его генія—дѣти и жена его Цертеле съ благословеннымъ ея чревомъ“. Въ то время, когда мужъ кружился и топалъ по комнатѣ съ раскинутыми въ видѣ крильевъ руками, Генеле заводила разговоръ съ Цертеле, хвалила ея хозяйство, ея дѣтей, а Цертеле бывало таетъ отъ этихъ привѣтливыхъ словъ Генеле и ставитъ на столъ разныя варенья, закуски, напитки, „тейгахъ (слоеный пирогъ), цимесъ“ и т. п. При видѣ уставленнаго разными угощеніями стола, Генеле кричитъ мужу, „довольно! тебѣ еще придется во многія мѣста заходить“. Этихъ словъ было довольно, чтобъ напомнить Шамаю о главной цѣли его прихода. Однимъ прижкомъ очутился онъ ужъ у стола, который черезъ нѣсколько минутъ оказался совершенно чистымъ и гладкимъ. Поздравитель опять пускался въ пляску, съ трудомъ удерживая равновѣсіе своего упитаннаго корпуса.

Генеле между тѣмъ не прерывала разговора съ Цертеле,

продолжая хвалить ея Ханичика, и Гершеле и предупреждала ее' чтобы она не женила на комъ попало. А между тѣмъ сама предлагала ей для нихъ разныя партіи съ „дѣвушками хозяюшками и аристократками". Мать была внѣ себя отъ радости и говорила: „мнѣ предлагаютъ партіи еще почище этихъ, но мой мужъ все твердитъ, что еще рано женить ихъ. Но вотъ Генеле утащила мужа, который все еще шумѣлъ и оралъ во все горло. Онъ шелъ впередъ по улицѣ, а она за нимъ, неся на одной рукѣ шапку и поясъ а въ другой двѣ бутылки, вынутыя изъ его кармановъ изъ предосторожности, чтобы, при паденіи, Шамай не разбилъ ихъ. Она водила его по улицамъ, какъ вожатый медвѣдя, заводила во всѣ дома, гдѣ повторялась таже сцена въ томъ же порядкѣ, и приводила домой въ безсознательномъ положеніи.

10.

Ночь на великое „госсана" 1).

Къ числу суевѣрій прежняго времени относится и вѣрованіе въ существованіе двойниковъ, т. е., что есть люди, которые существуютъ вдвойнѣ и показываются разомъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Тоже самое разсказывали и о нашемъ поздравителѣ: въ ночь на „великое госсана" его видали одновременно во многихъ мѣстахъ, и въ каждомъ мѣстѣ въ другой шапкѣ; одинъ увѣрялъ, что видѣлъ, какъ онъ, десять минутъ десятаго шелъ въ баню, въ своей шапкѣ съ полями; другой разсказывалъ, что онъ его видѣлъ въ эту минуту предъ стаканомъ мартовскаго пива, въ популярномъ тогда шинкѣ Добки, въ его полусубботней шапкѣ; третій утверждалъ, что онъ тогда находился въ собраніи синагогальнаго братства, при „калфэ [2]); четвертый, наконецъ, клятвенно увѣряъ. что онъ его видѣлъ въ эту минуту на пиру братства шести трактатовъ [3])".

---

1) Такъ называется седмой день кущей. Во весь этотъ праздникъ читаютъ молитвы начинающіяся словами „госса на" (помоги); въ 7-ой же день этихъ молитвъ очень много.

2) Балотировка на синагогальныя должности.

3) Общество, члены котораго соглашаются между собою заниматься изученіемъ талмуда (гемары), составляющаго толкованіе шести книгъ (Гехтъ) или трактатовъ мишны. Мишна составлена

Вопреки всѣмъ этимъ показаніямъ были люди говорившіе, что Шамай читалъ тогда псалмы въ синагогѣ „семи приглашенныхъ„.

Дѣти пугались его въ эту ночь; беременныя женщины не осмѣливались взглянуть на него: видъ его тогда былъ ужасенъ—онъ глядѣлъ тогда ребъ-Моисеемъ—Грунимсъ [1]).

Дѣятельность этого человѣка, въ эту многознаменательную ночь, была неописанна. Около двѣнадцати часовъ онъ обыкновенно стоялъ посреди улицы, вокругъ него огромная толпа, онъ предсказывалъ всѣмъ, переживутъ ли они этотъ годъ или нѣтъ; онъ гадалъ по тѣни. Шамай за это денегъ не бралъ; но отъ стакана пива не отказывался. Его въ эту ночь нерѣдко видали на кладбищѣ въ *комнатѣ* (гробница) раввиновъ съ кускомъ свѣчи, оставшейся со дня прощенія грѣховъ [2]), предъ тѣмъ и послѣ чего онъ совершалъ обрядъ омовенія въ близълежащемъ озеркѣ. Въ эту страшную ночь онъ обыкновенно вывѣтривалъ свою погребальную одежду, доставшуюся ему за чтеніе поминальныхъ молитвъ по одномъ бездѣтномъ утопленникѣ,

---

около 180-го года Раби Іегудою Ганаси (княземъ). Она содержитъ въ себѣ законы и толкованія жившихъ до него раввиновъ и изустно передаваемыя замѣчанія и толкованія ихъ относительно богослужебныхъ и юридическихъ предписаній.

Гемары двѣ: іерусалимская и вавилонская. Р. Аша и ученикъ его Абина составили вавилонскую гемару, которая употребляется у насъ съ конца четвертаго и половины пятаго столѣтія. Гемара заключаетъ въ себѣ толкованія текста мишны, разсужденія объ отдѣльныхъ законахъ, постановленіяхъ и правахъ,—согласованіе выручаемыхъ противорѣчій, разсказы и изреченія, замѣчанія о философіи, медицинѣ, естественныхъ наукахъ и географіи, анекдоты и характеристическіе очерки. Мишна и Гемара составляютъ талмудъ.

1) Такъ въ здѣшней мѣстности называютъ, не знаю въ силу какого обстоятельства или въ память какой личности, человѣка, изнуреннаго, исхудалаго, изможденнаго, наводящаго страхъ.

2) Наканунѣ дня прощенія грѣховъ (іомъ-кипуримъ), у евреевъ зажигаются огромныя восковыя свѣчи, которыя должны горѣть до вечера слѣдующаго дня. Если свѣча какъ нибудь погаснетъ прежде, то это многіе считаютъ дурною примѣтой. Остатковъ этихъ свѣчей не профанируютъ какимъ нибудь обыденнымъ употребленіемъ, а дожигаются онѣ только при ученіи или какомъ нибудь религіозномъ обрядѣ.

такъ какъ тѣло покойника немогли отыскать, а въ его домѣ нашли погребальную одежду, приготовленную имъ для себя [1]). Шамай ее часто одолжалъ на большой пиръ, на которомъ погрѣбальщикъ представляетъ мертвеца. Это онъ дѣлалъ также безвозмездно; а только желалъ быть приглашеннымъ на это торжество. Въ этотъ же вечеръ онъ паходилъ время, приготовлять бумажные футлярчики и всыпать въ нихъ нѣсколько земли, взятой изъ почвы Палестины для тѣхъ, которымъ онъ въ эту ночь предсказывалъ смерть, потому что онъ видѣлъ ихъ тѣни безъ головъ. Онъ имъ даже вскосльзь намекалъ, что у него есть палестинская земля самаго лучшаго сорта. Онъ посѣщалъ одинъ за другимъ многіе молитвенные дома: здѣсь онъ прочитывалъ второзаконіе, тамъ всю псалтырь, потомъ заходилъ въ большую синагогу къ „селихотъ [2])“. Онъ присутствовалъ въ синагогѣ погребальнаго братства при великой „калфэ“. При всемъ томъ онъ поспѣвалъ на пиръ даваемый шести-трактатнымъ братствомъ. Онъ ходилъ въ баню, на рыбный рядъ, связывалъ въ кущѣ, предъ тѣмъ же кускомъ свѣчи, оставшимся со дня прощенія грѣховъ, маленькіе вербовые пучки [3]). Кромѣ того его можно было видѣть въ десяти пивныхъ заведеніяхъ, короче: гдѣ попойка тамъ и Шамай.

Въ эту ночь ему ничуть не уступала въ дѣятельности его неутомимая половина. Эта ночь была самая удобная для того чтобы пріискать для мужа ученическій персоналъ. Она при этомъ поступала такъ. Входя въ домъ (въ эту ночь вездѣ были на ногахъ, согласно пословицѣ:

Великой лишь Госсаны настанетъ ночь.
Сонъ убирайся поскорѣе прочь),
она вела такую рѣчь:

— Добрый праздникъ, Крайнэ! Вотъ я пришла въ самую

---

1) Многіе приготовляютъ себѣ при жизни погребальную одежду для того, чтобы, въ случаѣ обѣднѣнія имъ не пришлось быть погребенными въ платьѣ, купленномъ на чужія деньги. Кромѣ того, другіе, по суевѣрію, это считаютъ средствомъ продлить свою жизнь.

2) Извѣстныя молитвы о прощеніи.

3) При чтеніи вышеупомянутой молитвы „госсана“, бьютъ вербовыми пучками объ столъ, скамейку, или что попало до тѣхъ поръ, пока не собьется хоть одинъ листочекъ.

юру,—при стряпнѣ колдуновъ. Дай Богъ и на будущій годъ, только здоровья побольше, а грѣха поменьше. Мы вѣдь старые знакомые: вѣдь въ былые годы я къ вамъ часто хаживала. Теперь, слава себѣ, Господи, голова идетъ кругомъ, ужъ не до того! Цѣлый день занята, и, кажись, чѣмъ? Вотъ, какъ видите, съ разсвѣта до полуночи намъ не даютъ перевести духъ: этотъ входитъ, тотъ выходитъ; одинъ спрашиваетъ совѣта; другому сватай жениха, невѣсту; третій проситъ отчитать его ребенка отъ сглаза. А здѣсь, между тѣмъ, стоятъ съ непремѣннымъ приглашеніемъ на пиръ. А мы уже право такіе люди, что никому не можемъ отказать, да и не хочется вздорить съ людьми. Правда, въ то время, когда мой мужъ занимается съ мальчиками (учениками), онъ настоящій палачъ. Онъ тогда никого не принимаетъ, онъ всѣхъ шлетъ ко мнѣ. Только какъ заплачутъ дѣти, я ему и доложу, что кому надо, а онъ опять за ученье. Его труды безпримѣрны, за то и успѣшны, его ученики, слава Богу, извѣстны въ городѣ. Но, чтожь изъ этого? Если-бы мой мужъ былъ дѣльный человѣкъ, а не такой безпечный, то намъ бы не пришлось ѣсть этотъ горькій хлѣбъ. Одна ночь на великое госсана могла бы намъ доставить пропитаніе. Чѣмъ долженъ наградить моего мужа хозяинъ, которому онъ посылаетъ на домъ рѣшеніе его судьбы? Вотъ и теперь я собственно за тѣмъ и пришла, чтобъ поздравить васъ съ счастіемъ, мой мужъ послалъ меня сказать вамъ, что вы съ вашимъ мужемъ проживете этотъ годъ безпечально: онъ видѣлъ его тѣнь, а по ней угадалъ и вашу. Онъ очень радъ, что видѣлъ васъ съ головами, да аще какими! Онъ мнѣ поручилъ принести вамъ счастливый листокъ [1]) на домъ.

Послѣ этого понятно, что Крайнэ очень рада гостьѣ, проситъ ее садиться, угощаетъ и предлагаетъ ей полтинникъ. Но Гене за это денегъ не брала:

— Упаси Господи! мой мужъ строго приказалъ мнѣ, чтобъ я за это ни копѣйки не взяла; я вѣдь сказала: еслибъ мой мужъ хотѣлъ брать за такія вещи деньги, ему бы не надо было обучать дѣтей. Да онъ, собственно, только и беретъ такихъ

1) Евреи вѣрятъ, что въ этотъ день Богъ рѣшаетъ годовую судьбу каждаго, или, какъ они выражаются, выдаетъ листки.

дѣтей, о которыхъ знаетъ навѣрно, что они и ихъ родители переживутъ свои годы. Не про васъ будь сказано, вѣдь онъ отказываетъ тремъ свомъ ученикамъ; онъ что то не увѣренъ въ нихъ; а такого обычая, чтобъ у него умирали ученики, онъ и заводить не хочетъ. Теперь, понимаете ли, Крайнэ, если хотите быть безопасными на счётъ своихъ дѣтей, то немедля поговорите только съ моимъ мужемъ; если онъ ихъ приметъ, вы спокойны на цѣлый годъ, вѣдь это не день! Въ продолженіи года все можетъ случиться: дитя можетъ проболѣть, простудиться, между тѣмъ у отца и матери душа отъ страха еле держится. Мой мужъ хотѣлъ даже самъ заидти къ вамъ сегодня, только я ему отсовѣтовала. «Что ты», говорю, «съ ума рехнулъ, что ли? Вѣдь ты въ эту ночь борешься съ нечистымъ, не здѣсь бы помянуть: а Крайнэ вѣдь беременна.

— Господи помилуй!, отвѣчаетъ Крайнэ, въ эту ночь я вовсе не выхожу: я занята. Дѣти еще, чего добраго, испугаются. Вотъ въ праздникъ, если Богъ дасть дожить,—непремѣнно.

Случалось иногда сосѣдкѣ подслушать такой разговоръ, и она обращалась къ Крайнэ съ просьбой, доставить ей посредствомъ Гене протекцію у ребъ-Шемая, чтобъ онъ сжалился надъ ней и принялъ ея мальчика также: онъ у нея одинъ, она дрожитъ за него; и хочетъ быть обезпеченной на его счетъ хоть на этотъ годъ,—короче: Генэ осыпанная благодарностью, оставила этотъ домъ, пріобрѣвши трехъ учениковъ, четверть сырагó гуся, и выпивъ и закусивъ на дорогу порядочно. Таже пропаганда повторялась въ другомъ третьемъ домѣ; и къ разсвѣту ученическій комплектъ ужъ былъ готовъ, и въ «шемини ацересъ [1]» Шамай ужъ ходилъ съ женой поздравлять съ праздникомъ родителей своихъ прозелитовъ.

11.

Шамай поздравитель на пирушкѣ.

Кто не видѣлъ Шамая поздравителя на пиру, тотъ не видалъ въ своей жизни обжоры. Когда только онъ пронюхивалъ такое пріятное событіе, цѣлый день не бралъ куска въ ротъ, съ благоразумною цѣлью,—придти на пиръ проголодавшимся.

1) Восьмой день праздника кущи.

чтобы жрать за десятерыхъ. Опоздаютъ иногда съ приглашеньемъ, и онъ въ волненіи и даетъ это чувствовать ученикамъ своими острыми ногтями: онъ просто изувѣчивалъ ими дѣтей, съ которыми занимался. Всѣ его ученики принадлежали къ неизвѣтной еще ученымъ синей расѣ. Въ городѣ уже знали, что мальчикъ съ ущипнутой щекой или изцарапаннымъ носомъ ужъ вѣрно изъ хедера Шамая, что ручалось за дѣятельность и усердіе учителя и успѣхи учениковъ. Но какъ только онъ завидитъ «бетера» [1]), вдругъ смягчается: на его устахъ замирало проклятіе, которымъ онъ хотѣлъ разразитьтя надъ ученикомъ; ремень готовый опуститься на спину мальчика не внимательныхъ родителей оставался висящимъ въ воздухѣ, точно гробъ Магомета; ногти лѣвой руки, подобно когтямъ коршуна, направленные къ щекѣ жертвы, спускались на колѣно. Онъ немедленно опоясывался камлотовымъ кушакомъ, надѣвалъ круглую шапку, бралъ съ собою ложку, ножъ и вилку. Теперь на пиру можно наидти излишекъ столовыхъ принадлежностей, чувствуется только иногда недостатокъ въ блюдахъ и винахъ; а тогда совсѣмъ на оборотъ, блюдъ и винъ было въ изобиліи, недоставало только столовыхъ орудій: полдюжина ложекъ, ножей и вилокъ составляло достояніе богатой и многолюдной семьи. Поэтому нашъ поздравитель, заткнувши все нужное за поясъ, отправлялся на пиръ скорой и веселой поступью. На дорогѣ его ничто не останавливало: встрѣчалъ ли онъ знакомаго, онъ съ нимъ не здоровался; кланялся ему кто, онъ не отвѣчалъ на поклонъ. Если даже ему попадался отецъ семейства, у котораго онъ двумя словами могъ бы достать для себя ученика, онъ и его не трогалъ. Горе было несчатному, вздумавшему задержать Шамая, идущаго на пиръ! Солнце, кажется, можно было скорѣе остановить въ его движеніи, чѣмъ Шамая на этомъ пути.

— Вы не знаете никакого приличія, обращался онъ къ тому, кто заговаривалъ съ нимъ: вѣдь видите, что у меня нѣтъ времени, я занятъ, а вы хотите тутъ толковать; ступайте лучше слушать «кедушо [2])», эдакъ вы опоздаете на „минхо“ (пословобѣденное богослуженіе).

---

1) Человѣкъ, нанимающійся въ разсыльные для относки письменныхъ и передачи устныхъ приглашеній.

2) Послѣ „Шема“, заключающей въ себѣ первостепенный до-

Какъ только получавшій такой выговоръ замѣчалъ, что у него изъ запояса блестятъ черенки извѣтныхъ намъ снарядовъ, онъ сей же часъ смекалъ куда направляетъ свои шаги ребъ-Шамай.

Вотъ ужъ онъ на пиру; онъ сейчасъ же бьетъ тревогу, чтобъ начинали молитву; а такъ какъ онъ пришелъ чуть не первымъ, и поэтому не доставало необходимыхъ для общей молитвы десяти человѣкъ, то онъ отправляется въ кухню и тащитъ къ молитвѣ повара и его служку, который особождаетя отъ него рюмкой водки и начиненной рыбьей кишкой. Шамай всегда выбиралъ мѣсто на концу стола, для того, чтобъ имѣть возможность постоянно пересаживаться то на одну, то на другую сторону. Такимъ ловкимъ маневромъ онъ обманывалъ „сарвера“ [1]), который всегда ставилъ лишнюю порцію, такъ какъ онъ его считалъ дважды. Кромѣ того, на подобныхъ пирахъ было чрезвычайно тѣсно, такъ что ложка одного нерѣдко касалась рта другаго, что много способствовало Шамаю для сообщеній съ сосѣдями съ обѣихъ сторонъ: онъ имъ усердно помогалъ очищать ихъ тарелки, а чего не могъ сожрать, тѣмъ набивалъ свои карманы.

Разъ онъ какъ то ошибся карманами и, по случаю тѣсноты, помѣстилъ въ карманъ сосѣда запасную провизію: булки, рыбу, клецки, жаркое. На другой день онъ ужъ мечталъ о великолѣпномъ завтракѣ, но остолбенѣлъ отъ ужаса, когда, взявшись за карманы кафтана, не нашелъ тамъ своего сокровища. Онъ сразу догадался, что наполнилъ имъ карманъ своего сосѣда съ правой руки, побѣжалъ къ нему что было ногъ и объяснилъ ему свою ошибку, но тотъ, къ несчастію, былъ на пиру въ одолженной ферязи, которую ранехонько отнесъ ея владѣльцу. Нашъ поздравитель махнулъ къ хозяину ферези, но тотъ отослалъ ее къ портному для очистки отъ пятенъ. Шамай полетѣлъ и къ портному и чуть не грохнулся объ полъ, когда увидѣлъ, что собранныя имъ яства раз-

---

матъ еврейской вѣры, эта самая важная молитва. Она входитъ въ составъ всѣхъ 3-хъ ежедневныхъ богослуженій. Набожный еврей никакъ не упуститъ случая прочесть эту молитву соборомъ.

1) Начальника стола, кухни; оберкухмейстера, — раздатчика порцій.

ложены на столѣ почтеннаго портнаго, который убиралъ ихъ съ замѣтнымъ наслажденіемъ. Онъ краснорѣчиво и съ одушевленіемъ объяснилъ портному свою роковую ошибку и предъявилъ свои права на эту благодать, но тотъ отнесся къ этому краснорѣчію довольно хладнокровно и пихнулъ въ глазахъ оратора себѣ въ пасть послѣдній, чудовищный кусокъ жаркого. Не обошлось при этомъ безъ споровъ и драки. Шамай ушелъ отъ портнаго въ самомъ отчаянномъ расположеніи духа:

— Берегись, бездѣльникъ, сказалъ онъ уходя: попадешься въ мои руки въ ночь на великое госсана!

12.

Субботніе и праздничные кануны Шамая поздравителя.

На канунѣ субботы, по полудни, послѣ выхода изъ бани, Шамай почивалъ на длинной скамьѣ, находившейся на синагогальномъ дворѣ, поглаживая себѣ бороду и вообще наслаждаясь самимъ собою. Онъ не спускалъ глазъ съ проходящаго мимо народа, и если замѣчалъ человѣка, отъ котораго можно было поживиться штофикомъ пива или меду, то вцѣплялся въ него какъ коршунъ въ голубя. Большею частью это были или недавно овдовѣвшіе мужья, намѣревавшіеся жениться на другой, или незнатные, но состоятельные хозяева, аккуратно посѣщавшіе синагогу и мѣтившіе въ синагогальные старосты; или недавно женившіеся молодыя люди, желавшіе чтобъ ихъ тести и тещи, коротко знакомые съ Шамаемъ, были о нихъ хорошаго мнѣнія. И такая рыба каждую пятницу попадала въ его сѣть. Когда онъ ужъ былъ порядочно на веселѣ, онъ стоялъ съ платкомъ и собиралъ лепты у благотворительныхъ прохожихъ.

Въ канунъ пасхи онъ выдавалъ себя за первороднаго, и его можно было встрѣтить на нѣсколькихъ „искупленьяхъ сыновей [1]).“ Послѣ обѣда онъ чуть не надрывался, нося къ на-

---

1) Когда у евреевъ родится первенецъ, то мѣсяцъ спустя его надо искупить, давая какому нибудь кагану (священнику), по библейскому счету, пять сикелей. Въ настоящее время, когда каганское (священническое) сословіе, живущее на счетъ мірянъ, какъ это было во время существованія израильскаго царства, немыслимо, это, когда то чисто государственное, постановленіе потеряло свое прежнее значеніе и стало однимъ религіознымъ обрядомъ.

божнымъ богачамъ боченки вина и „хранимые опрѣсноки" [1]) и все это не даромъ.

На каждой пирушкѣ онъ считался каганомъ [2]) и совершалъ прежде всѣхъ молитву надъ яствами и напитками, а вечеромъ бралъ слѣдуемую кагану по закону долю отъ опрѣсноковъ. Только въ праздникъ утромъ онъ былъ левитомъ, ибо отлично умѣлъ поливать каганамъ на руки воду [3]).

Въ канунъ кущей онъ опрометью бѣгаетъ цѣлый день съ пальмовой вѣтью и не проминетъ рѣшительно ни одного дома.

13.

Послѣднее поздравленіе Шамая.

Во время оно въ Н. проживалъ извѣстный „Орчикъ, умная ермолка." Онъ получилъ это прозвище зато, что, при величайшей честности, обладалъ замѣчательнымъ умомъ. Онъ былъ довольно свѣдущъ въ еврейской литературѣ и усердно занимался ею. Но у него были враги, потому что онъ каж-

---

Такъ, напримѣръ, часто даютъ деньги искупленія такому кагану, который по предположенію возвратитъ ему эти деньги. Всякій перворододный еврей, долженъ поститься въ канунъ пасхи, въ память того событія, что, предъ выходомъ изъ Египта, еврейскіе первенцы были пощажены смертью, поражавшею перворожденныхъ египтянъ. Но отъ этого поста можно освободиться, принимая участіе въ семейномъ празднествѣ, присутствуя, напримѣръ, на пиршествѣ даваемомъ при „искупленіи сына." И потому еврейскіе первенцы въ этотъ день всегда посѣщаютъ домъ, въ которомъ совершается это торжество.

1) Опрѣсноки, выпеченные изъ муки такого хлѣба, на который, съ той минуты какъ онъ созрѣлъ, не пала ни капля дождя. Эти опрѣсноки преимущественно употребляются набожными евреями при первыхъ двухъ пасхальныхъ ужинахъ (седуримъ), богатыхъ церемоніями. При печеніи этихъ опрѣсноковъ тоже соблюдаются особыя правила.

2) Между евреями можно различать кагановъ (священниковъ), считающихся потомками Аарона; левитовъ, называющихъ себя потомками Моисея и міранъ, т. е. обыкновенныхъ смертныхъ, не имѣющихъ претензіи на такое знатное происхожденье. Левиты пользуются нѣкоторыми преимуществами предъ міранами, а каганы предъ тѣми и другими относительно извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ.

3) Въ праздникъ каганы благославляютъ народъ, предъ чѣмъ они должны омывать руки, при чемъ имъ прислуживаютъ левиты.

дому рѣзалъ правду въ глаза, сопровождая ее острымъ словцомъ; за что и получилъ отъ своихъ недоброжелатей означенное прозвище. Онъ не былъ богатъ, но жилъ въ довольствѣ, имѣя для своего скромнаго обихода все въ достаточномъ количествѣ. Пословица справедливо говоритъ: кто въ цѣлыхъ сапогахъ, для того вся земля обита кожей; а кто имѣетъ все необходимое, тому принадлежитъ весь міръ, но онъ береть столько, сколько ему надо. На сороковомъ году своей жизни, Орчикъ имѣлъ счастіе, или скорѣе несчастье, выиграть въ лотерею сорокъ тысячъ рублей.—Давай Богъ всякому такое несчастье,“ подумаетъ читатель, а опытъ увѣряетъ, что лишнія деньги лишнія заботы, а порой и прямая причина несчастія: сейчасъ понадобится шелкъ, жемчугъ, брильянты; если-же больше, захочется составить знатныя партіи для дѣтей, или даже построить синагогу. Расходъ начинаетъ превышать доходъ; нечаянный богачь оставляетъ свои прямыя занятія—и лѣтъ черезъ десять онъ дѣлается бѣднякомъ съ привычками богача, или человѣкомъ, не имѣющимъ средствъ для жизни, но обладающимъ за то широкими замашками, испорченнымъ желуткомъ и вкусомъ; такойже конецъ постигъ и нашего Орчика. Сперва онъ жилъ себѣ довольно мирно, пропитываясь отъ своего маленькаго мыльнаго завода, но, выигравши вышеуказанную сумму, онъ забылъ о немъ, сталъ богачемъ, а нѣсколько позже—и бѣднякомъ. Но возвратимся къ раскаду.

Орчикъ прежде всего купилъ себѣ домъ; красиво отдѣлалъ его, и въ первый день пятидесятницы славно отпраздновалъ въ немъ новоселье. Столы были покрыты изысканными яствами и дорогими напитками; была приглашена вся знать города.

Три дня до пятидесятницы въ городѣ только и было разговору, что объ этомъ торжествѣ, и приглашенные условливались, когда идти на пиръ: послѣ первой молитвенной смѣны или второй. Довольно того, что эти разговоры произвели свое дѣйствіе на реб Шмая; онъ рѣшился пожертвовать даже тритцатью поздравленіями, т. е. пренебречь въ этотъ праздникъ всѣми другими визитами, лишъ бы попасть на новоселье Орчика. И онъ дѣйствительно имѣлъ на это неоспоримое право,—во первыхъ, онъ и такъ ходилъ туда въ праздникъ; его первая жена, съ которой онъ развелся, считалась дальней свояченицей Орчику;

во вторыхъ, онъ молился въ одномъ клаузѣ [1]) съ Орчиком
Тѣмъ не менѣе его еще брало раздумье: онъ не могъ рѣшит
считать ли этотъ визитъ поздравленьемъ со случившимся с
хозяиномъ счастьемъ, а въ такомъ случаѣ неприлично идт
безъ приглашенія, или считать это простымъ поздравленьемъ с
праздникомъ. Онъ колебался до тѣхъ поръ, пока не попал
на счастливую мысль, включить себя на этотъ разъ въ чис
членовъ „священной утвари," т. е. идти вмѣстѣ съ канторомъ
проповѣдникомъ, чтецомъ [1]) и служкою. Для того онъ н
этотъ разъ ужъ не молился при первой молитвенной смѣн
потому что канторъ молился при второй, „да и кромѣ того,
думалъ онъ: „когда помолишься рано, тогда захочется зайдт
къ кому нибудь съ поздравленьемъ, поневолѣ выпьешь, заку
сишь—и точно аппетитъ не тотъ, какой я имѣю обыкновенно
проголодавши чрезъ цѣлый день. Итакъ, Шамай молился с
второю смѣной; Орчикъ помолился при первой, и у него уж
начали собираться гости. Тамъ всѣ были на лицо; не оказывалос
только Н-скаго раввина, и единственно по той простой и уважител
ной причинѣ, что въ Н. тогда раввина не было.

Молитва казалась Шамаю вѣчностью, и когда она бы
кончена, онъ упрекнулъ кантора за медлительность и прибавил
что онъ хочетъ идти съ нимъ къ Орчику на поздравлен
Канторъ, человѣкъ нѣсколько амбиціозный, возразилъ.

— Мнѣ кажется, что это неприлично: онъ насъ не приглашал

— Вотъ аристократъ нашелся, отвѣчалъ онъ. Да к
приглашаетъ кантора, служку иль чтеца? Ничего, пойдемъ.

Канторъ не заставилъ долго себя упрашивать; особен
когда и другіе ему это совѣтовали, а Шамай сказалъ, что,
противномъ случаѣ, можно навлечь на себя незаслуженную враж

Вотъ они собрались всѣ, канторъ, служка и толковни
съ нашимъ героемъ во главѣ, и гуртомъ потащились къ Орчику
умной ермолкѣ; который никого изъ нихъ не долюбливалъ,
особенности же не могъ терпѣть поздравителя. На дорогѣ они тол
и мечтали и бесѣдовали что о лакомствахъ которыми буду
пресыщаться.

---

1) Небольшая синагога.

2) Въ синагогахъ, при молитвахъ въ извѣстные дни, читаю
вслухъ извѣстныя главы изъ священнаго писанія.

— Я еще никогда не пилъ малиновки, говорилъ одинъ.

— А я еще никогда не ѣлъ копченаго мяса, объявлялъ другой.

— Да что тутъ толковать, прервалъ ихъ Шамай: тамъ, говорятъ, будетъ вдоволь всего рѣдкаго.

Идите немного скорѣе; смотрите какой народъ валитъ. До какого счастья, подумаешъ, дожилъ нашъ Орчикъ!

Не возможно описать ту радость, которую испыталъ Шамай при видѣ столовъ, обремененныхъ яствами и дорогими напитками, какихъ онъ въ жизни не видывалъ; онъ сулилъ себѣ черезъ нѣсколько минутъ цѣлое море наслажденій; онъ готовъ былъ одпимъ прыжкомъ влетѣть въ залу и однимъ духомъ очистить нѣсколько блюдъ, но на этотъ разъ суждено было, чтобъ надъ нимъ оправдалась пословица: хоть видитъ око, да зубъ неймѣтъ. Лишь только нашъ Орчикъ завидѣлъ всю эту ватагу, онъ побѣжалъ имъ на встрѣчу съ радушнымъ лицомъ, бросился каждому на шею и сказалъ:

— Вотъ настоящіе то друзья: непрошенные пришли! Вы поступили очень мило; а то бы я сердился на васъ, право. Вѣдь мы старые знакомые, а эти всѣ новые, съ иголочки. Я хочу провести съ вами нѣсколько времени по братски: прошу васъ, посидите здѣсь маленько въ передней, пока перевернется вся эта знать и молодежь; а потомъ мы съ вами порадуемся съ глазу на глазъ.

Лицо поздравителя засіяло, какъ солнце отъ рѣчи Орчика, обладателя всѣхъ этихъ благъ (блюдъ). Онъ сидѣлъ въ передней, но душа и глаза его были въ залѣ. Каждый бокалъ, каждая бутылка, каждое блюдо, все отражалось въ душѣ Шамая; онъ удивлялся, какъ это гости не могутъ проглотить всего разомъ. Съ уходомъ каждаго изъ гостей Шамаю становилось легче на сердцѣ, но приходъ новыхъ повергалъ его въ отчаяніе. Наши синагогальные сановники и герой разсказа просидѣли въ адскихъ мукахъ отъ одинадцати до перваго часа съ тощимъ желудкомъ, къ довершенію злополучія каждый изъ приходящихъ спрашивалъ ихъ съ усмѣшкой, отъ чего они не идутъ въ залъ? А Орчикъ то и дѣло подходитъ къ нимъ и говоритъ:

— Чтожъ дѣлать: и не видать конца, но, будьте только терпѣливы.

— Дѣлать нечего, отвѣчалъ Шамай: мы ужъ столько ждали, подождемъ еще немного.

А между тѣмъ онъ глоталъ слюньки, и каждая секунда ему представлялась вѣкомъ. Около часа ужъ стало нѣсколько тише, и Орчикъ вышелъ къ нищей братіи:

— Слава Богу: ужъ я ихъ выпроводилъ. Теперь я вашъ.

Орчикъ закричалъ слугѣ: Герцикъ, ключи! Тотъ ихъ подалъ цѣлую связку.

— Послушайте, сказалъ онъ: вамъ прежде долженъ показать, чѣмъ благословилъ меня Господь. Я вамъ покажу все: чтожь пусть добрые друзья мои тоже порадуются моему счастью.

Онъ повелъ ихъ надворъ. Поздравитель сошелъ. На немъ лица не было. Онъ глядѣлъ мертвецомъ. Его сердце ему говорило, что не взойти ужъ ему сюда обратно. Орчикъ показалъ имъ всѣ сараи амбары, объявлялъ имъ доходы съ каждой квартиры. Потомъ онъ сталъ водить ихъ по верхнимъ комнатамъ.

— Мою квартиру, вы ужь видѣли; теперь я вамъ покажу чердаки: они всѣ крыты желѣзомъ.

И онъ ихъ потащилъ на чердаки. Какъ всѣмъ извѣстно, на чердакахъ есть поперечники, т. е. каждое стропило снабжено поперечною балкою и если высокому человѣку приходится тамъ ходить, то это для него довольно трудно, если онъ только не питаетъ желаніе сломать шею. Орчикъ былъ маленькаго роста, и потому онъ гулялъ по чердаку свободно; поздравитель-же и вся его шайка были рослые ребята и должны были шествовать тамъ, сгибаясь въ три дуги. Орчикъ ихъ продержалъ тамъ круглый часъ, излагая свои планы: какимъ образомъ и съ какими выдумками и затѣями онъ здѣсь устроитъ кущу; [1]) разсказывалъ имъ какою хитростью ему удалось купить этотъ домъ. А они, стоятъ, согнувшись въ три погибели; у нихъ помрачилось зрѣніе, закрылся слухъ. Нашъ Шамай ужъ не могъ болѣе совладѣть съ собою и сказалъ:

— Право, ребъ Орчикъ: знаете, ужъ очень поздно: наши горячія блюда скоро придется вылить.

---

1) Въ праздникъ кущей евреи ѣдятъ въ домикахъ или палаткахъ, вовсе не имѣющихъ крышъ или имѣющихъ такія, которыя можно поднимать, и крытыхъ, вмѣсто того елью. Такое строеніе называется кущей. Очень набожные даже спятъ въ кущѣ.

Орчикъ поспѣшно вынулъ изъ кармана часы и вскричалъ.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ уже половина третьяго! я вамъ сокращу дорогу: вотъ здѣсь можно прямо сойдти внизъ.

Сказано, сдѣлано. Онъ имъ отворилъ дверь, ведущую на улицу; выпустилъ ихъ черезъ нее и благодарилъ ихъ всѣхъ съ обязательной улыбкой за визитъ; Гаманъ, послѣ своего пораженія въ придворной интригѣ съ Мордухомъ, не могъ глядѣть хуже, чѣмъ эта „священная утварь.“ Они чуть не кусали Шамая за то, что онъ уговорилъ ихъ идти къ Орчику.

— Когда звонятъ, стало быть праздникъ, говорилъ проповѣдникъ: люди зовутъ этого негодяя умной ермолкой,—значитъ, это не даромъ.

Отчаяніе Шамая было не описанно: онъ потерялъ около тридцати поздравленій, онъ первый разъ въ жизни голодалъ въ праздникъ до трехъ часовъ. Онъ этого не перенесъ: съ нимъ случился ударъ, послѣ котораго хотя онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, но калѣкой. Его можно было видѣть только на синагогальномъ дворѣ, съ платкомъ въ рукѣ просящаго милостыни, къ которой онъ теперь ужъ долженъ былъ прибѣгать по необходимости: его прелестная половина украла все его достояніе и убѣжала, оставивъ своего достойнаго супруга на произволъ судьбы.

Ф—нъ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СПЕКУЛЯЦІЯ.

(Разсказъ).

Природа щедро надѣлила дарами своими нашъ юго-западный край. Наблюдательному человѣку достаточно только взглянуть на него, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Земли этого края, по большей части, весьма плодородны. Масленистые зерна, овесъ, ячмень, гречиха, крупный и сладкій горохъ, бисерообразное просо, серебристая рожь и наконецъ золотистая пшеница въ изобиліи вознаграждаютъ даже и не весьма трудолюбиваго земледѣльца. Страна изобилуетъ разнообразными лѣсами: ивы, березы, клены, ольхи, тополи, бересты, вѣковые дубы, медоносныя липы, душистыя черемухи, вѣчно зеленыя елки и сосны, дикія груши, яблони, вишни, черешни и

многія другія растенія и деревья украшаютъ лѣса юго-западнаго края. Душистые и красивые цвѣты, цѣлебныя травы, крупныя и вкусныя ягоды, растутъ подъ тѣнью этихъ лѣсовъ. Пчеловодство и скотоводство весьма удобны. Плодородные огороды даютъ въ изобиліи всевозможныя овощи. На всякихъ двухъ—трехъ квадратныхъ верстахъ, найдется нѣсколько садовъ или покрайней мѣрѣ садиковъ, гдѣ разныхъ родовъ груши, яблоки, крупныя сливы, простые и греческіе орѣхи, вишни, черешни, малина, смородина, крыжовникъ, шелковица, въ урожайные годы бываютъ въ такомъ количествѣ, что даже и не щедрые изъ владѣльцевъ этихъ садовъ, считаютъ грѣхомъ не подѣлиться съ неимущими столь обильными дарами природы. Стоитъ только въ осеннюю пору корешки стройной италіянской тополи, ясмина, сирени, розы, бѣлой и розовой акаціи, воткнуть въ землю, и уже на много лѣтъ, эти роскошныя растенія будутъ украшать юго-западные сады. Созрѣваютъ арбузы и дыни, а въ южной части края, они, а также и виноградъ, въ такомъ обиліи, что за двѣ или три денежки, покупается десертъ, доступный на сѣверѣ только богачамъ. Отъ начала апрѣля до конца октября, цвѣтники, ежели ихъ воздѣлываютъ трудолюбивыя и любящія руки, наполнены яркими, подобно драгоцѣннымъ каменьямъ, или благоухающими цвѣтами. Поверхность края волниста, прорѣзана въ доль и въ поперегъ рѣками и рѣчками, наполнена озерцами и прудами, на нихъ водяныя мельницы, на холмахъ вѣтренныя, кругомъ много деревьевъ, извѣстковые камни, кремень, часто гранитные утесы, на всякой верстѣ села, сельца, слободы, хуторы, корчмы,—однимъ словомъ вездѣ веселый и разнообразный пейзажъ. Въ нѣдрахъ земли желѣзныя руды, горный хрусталь, драгоцѣнный лабрадоръ. Климатъ юго-западнаго края,—умѣренный и благорастворенный: лѣтомъ рѣдки бываютъ большія засухи или продолжительныя жары, осени часто до ноября великолѣпныя, а зимы вовсе несуровыя. О веснѣ и говорить нечего—довольно одного слова „весна“ и на васъ, ежели вы не совсѣмъ черствый человѣкъ, и на сѣверѣ и на югѣ, повѣетъ уже тепломъ, отрадой, а даже и умиленьемъ. Казалось бы только жить да и жить, припѣваючи, въ нашемъ юго-западномъ краѣ; но въ немъ также какъ и вездѣ живутъ люди, а у людей тѣже, какъ и всегда, ихъ людскія страсти, и не всѣмъ жи-

вется легко и привольно, потому что сильные жмутъ слабыхъ, а хитрые и пронырливые морочатъ простодушныхъ людей.

На самомъ югѣ Волынской губерніи, между Староконстантиновскимъ и Проскуровскимъ уѣздами Подольской губерніи, протекаетъ рѣчка Малый Бугъ или, какъ ее называютъ мѣстные жители, Бужекъ. Эта рѣчка мѣстами такъ узка, что ее безъ труда можно перешагнуть, а иногда, тамъ гдѣ плотины запруживаютъ ее, образуетъ, какъ напримѣръ возлѣ извѣстнаго тулупами и лошадиными ворами-евреями мѣстечка Николаева, обширные и обильные рыбой пруды. Бужекъ протекаетъ на довольно низменной мѣстности, а по обѣимъ сторонамъ его стелется тучный черноземъ и обильные сѣномъ луга. На волынской сторонѣ рѣчки, не болѣе какъ въ верстѣ отъ нея, расположена живописная деревенька Читаловка, а на половинѣ дороги, отъ деревни къ Бужку, на небольшой возвышенности, стоитъ вѣтряная мельница, которая приноситъ значительный доходъ мѣстному арендатору еврею Беркѣ.

Года три тому назадъ, въ знойный, но вѣтренный юльскій день, возлѣ Берковой мельницы набралось около десятка читаловскихъ и изъ окрестныхъ селъ крестьянъ. Въ ожиданіи пока до нихъ дойдетъ очередь смолоть свой хлѣбъ, крестьяне сидѣли уже нѣсколько часовъ подъ тѣнью вѣтрака. До ближайшей водяной мельницы, гдѣ ни мало не ожидая и за болѣе доступную цѣну наши мужички могли бы смолоть хлѣбъ, было не болѣе шести или семи верстъ разстоянія, но они предпочли остаться тутъ, гдѣ, пустивъ лошадей и воловъ пастись на бывшемъ вблизи барскомъ пару, можно было и поболтать съ ближайшими сосѣдями и знакомыми и еще вдоволь выспаться. Берко, съ своимъ тринадцатилѣтнимъ сынкомъ и всѣхъ дѣлъ помощникомъ Срулемъ, тоже былъ здѣсь. Предвидя добрую поживу, онъ хвалилъ крестьянъ за ихъ мудрую рѣшимость—не ѣздить за тридевять, по его словамъ, земель, къ водяной мельницѣ, а смолоть хлѣбъ на вѣтракѣ ихъ давнишняго друга и доброжелателя.

— Очень, очень хорошо вы сдѣлали, говорилъ Берко крестьянамъ. Скотъ вашъ совсѣмъ измучился при недавной уборкѣ сѣна, тутъ предстоитъ и жатва, такъ не лучше и *худобу* поберечь, и самимъ собраться съ силами.

— Что правда! то правда, пане арендаторъ, отвѣчалъ Грицко высокій молодой и статный мужикъ изъ сосѣдняго села Ганекъ но, пане Берко, мы всетаки не знаемъ еще, сколько вы возмет съ насъ за помолъ?

— Объ этомъ послѣ, послѣ, ласково отвѣчалъ Берко. Неужели я возьму съ васъ лишнее?

— Оно такъ; но все таки хотѣлось бы знать.

— Дадите столько, уклонился Берко, сколько люди даютъ.

— Т. е, столькоже какъ и читаловскіе? спросилъ любознательный Грыцко.

— Молодъ ты братъ еще и зеленъ, а многое знать захочешь, такъ скоро состарѣешься, отвѣчалъ Берко.

— Пусть себѣ и состарѣюсь, пане Берко, а вы все таки скажите.

— Ахъ, какой ты странный, удивился жидъ. Неужели по твоему прежде ѣдатъ, а потомъ готовятъ ѣду, или прежде жнутъ, а потомъ сѣютъ? Ну скажи, такъ ли или на оборотъ нужно дѣлать?

— Конечно, панъ арендаторъ, прежде сѣютъ, а потомъ уже жнутъ.

— Такъ видишь ли—ты самъ и сознался, что прежде нужно смолоть, а потомъ уже дать за молово мѣрку.

Но мнѣ некогда толковать съ тобою попусту, добавилъ арендаторъ и пошелъ въ свой вѣтракъ.

— Охъ! чувствую, что нехристъ проклятый обдеретъ насъ какъ липку, сказалъ послѣ ухода Берка Грыцко, потому то и не хочетъ объявить мѣрки, чтобы, когда солнце приблизится къ закату, и уже будетъ поздно ѣхать на водяную мельницу, взять съ насъ въ тридорога противъ васъ читаловскихъ.

— Небойся, утѣшилъ Грицка одинъ изъ бывшихъ тутъ читаловскихъ крестьянъ. Нашъ Берко, хотя и *псявира*, но все таки онъ человѣкъ, а слѣдовательно у него есть душа.

— Между тѣмъ на мельницѣ работа, что называется, кипѣла. Не смотря на палящее солнце, вѣтеръ дулъ сильно, и мельникъ Кондратъ-мельничукъ, то и дѣло, высыпалъ изъ коша смолотый хлѣбъ и мѣрилъ зерно, принадлежавшее состоявшему на очереди хозяину.

— Скорѣй, скорѣй мѣряй, чурбанъ, кричалъ мельнику вой-

да въ вѣтракъ, взволнованный разговоромъ съ Грыцкомъ Берко. Что поворачиваешься, будто косолапый медвѣдь?

— Не кваптесь (не торопитесь), пане арендаторъ, лѣниво отвѣчалъ Кондратъ. И такъ я уже умаялся, возясь съ вашимъ хлѣбомъ.

— А ты хочешь даромъ мой хлѣбъ ѣсть? Получаешь деньги, такъ и работай.

— Не много же я у васъ и получаю. Въ продолженіи цѣлаго года вы мнѣ дали десять злотыхъ [1]) на подати да столько же на сапоги.

— Ахъ ты тварь неблагодарная, завопилъ удивленный и раздраженный Берко, не ты ли долженъ мнѣ еще и теперь двадцать пять рублей, два злотыхъ и пятнадцать грошей?

— Правда! со вздохомъ отвѣчалъ Кондратъ, но ежели бы вы тогда.., т. е. я хочу сказать тогда... и Кондрадъ заикнулся, сконфузился и замолчалъ.

Застѣнчивый Кондратъ нѣкоторыхъ вещей не любилъ называть ихъ собственными именами, а Берко, зная кроткій нравъ своего мельника и слыша не привычный ему тонъ рѣчей Кондрата, еще больше удивился и на минуту немного растерялся.

— Я хочу сказать, продолжалъ, собравшись съ духомъ, мельникъ, что ежелибы вы тогда не считали двойнымъ цѣломъ выпитой водки и не ставили бы вмѣсто одной двухъ черточекъ, а слѣдовательно не считали бы вмѣсто копѣйки двѣ, вмѣсто одного два злотыхъ, то я давно не былъ бы у васъ въ долгу и въ кабалѣ. Услыхавъ смѣло высказанныя слугою въ глаза обвиненія, Берко такъ и остолбенѣлъ; а пока онъ опомнится, мы разскажемъ читателямъ прекуріозныя вещи.

Въ былыя времена, всякій изъ крестьянъ нашего юго-западнаго края, въ одно и тоже время, принадлежалъ двумъ владѣльцамъ: во первыхъ de jure и de facto своему помѣщику, а вовторыхъ, хотя и не de jure, но зато несомнѣнно de facto—мѣстному еврею-арендатору. Обѣ власти, какъ помѣщичья, такъ и арен-

---

1) Злоты—15 коп. сер. Къ сожалѣнію, не только поляки, но и крестьяне, евреи,—не смотря на запрещеніе правительства, по сіе время считаютъ деньги, по большей части, на злотые, а мѣрятъ на локти и на корцы.

даторская, могли быть и благопріобрѣтенныя и родовыя. Помѣщикъ получалъ отъ своихъ родителей или родственниковъ въ наслѣдство деревню, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть надъ ея крестьянами; въ тоже время и еврей пользовался родовыми правами, содержалъ въ арендѣ корчму и оброчныя статьи деревни, а слѣдовательно и имѣлъ власть de facto надъ нѣкоторыми мужиками. Читателямъ это можетъ показаться не совсѣмъ правдоподобнымъ, а между тѣмъ, въ обычаѣ края этотъ законъ не только существовалъ прежде, но и отчасти теперь еще существуетъ. Извѣстное дѣло, что ни одинъ владѣлецъ имѣнія здѣшняго края не можетъ обойтись (дѣйствительно не можетъ) безъ еврея,—еврей—арендаторъ долженъ быть, и есть, а евреи положили между собою закономъ уважать и не нарушать родовыхъ правъ извѣстныхъ еврейскихъ семействъ, на извѣтныя села, деревни и корчмы; нарушающіе эти законы считаются между евреями людьми безчестными и подвергаются гоненію всего общества. Ежели помѣщикъ захочетъ отдать въ аренду свои корчмы и оброчныя статьи другому лицу, то только самый отъявленный мошенникъ еврей рѣшится взять аренду, а съ такимъ человѣкомъ, конечно, опасно имѣть дѣло. Содержателей же корчемъ крестьянъ въ краѣ нѣтъ. Конечно, случается, что корчемныя права переходятъ изъ рукъ въ руки, но это бываетъ, также какъ и продажи имѣній, не иначе, какъ вслѣдствіе добровольной обоюдной сдѣлки. Со дня незабвеннаго указа 19-го февраля, помѣщичья власть, какъ уничтоженная закономъ, изчезла de facto, и права евреовъ надъ мужиками нашего края, какъ не существовавшіе de iure, и нынѣ остаются во всей своей силѣ. Власть евреевъ—арендаторовъ надъ крестьянами заключается не только въ правѣ, посредствомъ разныхъ хитростей и уловокъ, эксплуатировать въ свою пользу всякую лишнюю ихъ и нелишнюю копѣйку, но еще и въ томъ, что, кого только можно, они закабаливаютъ себѣ въ рабство. Читаловскій Берко былъ родовымъ владѣльцемъ читаловской корчмы, со всѣми на это владѣніе правами; еще дѣдушка Берка, Сруль, пріобрѣлъ эти права отъ спившагося съ кругу и обѣднѣвшаго еврея Мордки. Нашъ Берко пользовался своими правами какъ подобаетъ опытному еврею—арендатору. Онъ дралъ кожу съ живыхъ и за мертвыхъ: съ живыхъ по случаю крестинъ, свадьбъ, праздниковъ, и при

всевозможныхъ другихъ удобныхъ случаяхъ; а за мертвыхъ при ихъ похоронахъ и неизбѣжныхъ при этихъ случаяхъ попойкахъ родныхъ и знакомыхъ покойниковъ. Изъ кабальныхъ Беркиныхъ всего крѣпче закабалены были, знакомый намъ мельникъ Кондратъи корчемный сторожъ Сафонъ. Оба они по временамъ пили запоемъ, тогда Берко давалъ имъ въ долгъ водку, и они, будучи не оплатными Берковыми должниками, въ продолженіи многихъ лѣтъ, томились у него въ рабствѣ. Съ своими рабами Берко поступалъ какъ съ своею собственностью а, пожалуй, какъи съ животными: заставлялъ ихъ работать, билъ чѣмъ случалось и по чемъ попало; а иногда ставилъ ихъ въ свой огородъ вмѣсто пугалъ, чтобы отпугивать жадныхъ воробьевъ. Сафонъ былъ нрава горячаго и потому рѣшался иногда грубить Беркѣ, за что, конечно, потомъ былъ наказываемъ, Кондратъ же былъ человѣкъ очень спокойный и флегматическій, а потому Берко признавалъ его лѣнивымъ и также наказывалъ. Впрочемъ, иногда Берко становился съ своими кабальными весьма ласковымъ. Это бывало тогда, какъ отслуженный долгъ уменьшался и Берко боялся, что Кондратъ и Сафонъ, не будучи больше его должниками, освободятся отъ его власти. Въ то время извѣстный арендаторъ притворялся весьма довольнымъ ихъ службой и, зная, что если они проглотятъ хоть одну рюмочку, то и пойдутъ уже кутить, самъ, въ видѣ приманки, подчивалъ ихъ водкой, и Кондратъ и Сафонъ снова оставались на неопредѣленное время въ кабалѣ Берки.

Остолбенѣніе Берки, происшедшее вслѣдствіе услышанныхъ имъ отъ своего мельника дерзкихъ словъ, было не продолжительно. Вскорѣ онъ опомнился и, прійдя въ ярость, закивалъ бородкой, замахалъ руками, затопалъ ногами и кинулся къ Кондрату съ сжатыми кулаками; но Кондратъ, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, дозволить колотить себя, преспокойно оттолкнулъ Берку.

— Какъ ты смѣешь? завопилъ Берко. Хабы (развѣ) ты имѣешь деньги? Хабы ты можешь заплатить мнѣ долгъ?

— А могу, отвѣтилъ мельникъ.

— Хабы ты забылъ, что ты долженъ мнѣ не какихъ нибудь два злотыхъ и пятнадцать грошей, а *двадцать пять* руб-

лей, два злотыхъ и пятнадцать грошей.

— И двадцать пять рублей отдамъ, флегматически прого ворилъ Кондратъ.

— Ей—не жартуй! (не шути), со страхомъ, но все еще съ надеждой, грозилъ Берко.

— Я не жартую, а въ самомъ дѣлѣ отдамъ деньги.

— Гдѣ же ты ихъ взялъ? Укралъ, что-ли?

— Нѣтъ не укралъ, а панъ поручикъ, что стоитъ у нас въ селѣ, одолжилъ моей дочкѣ....

— А покажи деньги, все еще съ надеждой, проговорил Берко.

Кондратъ досталъ изъ кармана своихъ широкихъ грязныхъ шара варъ капшукъ (кисетъ) изъ пузыря, развязалъ, вытащилъ изъ нег двадцатипяти-рублевую ассигнацію и показалъ ее Беркѣ. Убѣ дившись, что у Кондрата есть деньги, Берко пріунылъ и вы шелъ изъ своего вѣтрака.

— А вы, панъ арендаторъ, все таки еще не сказали, сколь ко возмете съ насъ за помолъ, спросилъ Грыцко, лишь тольк завидѣлъ Берку.

— Пятую мѣрку (т. е. пятую часть зерна), рѣшительн отвѣчалъ Берко.

— Пятую мѣрку всплеснувъ руками, воскликнулъ Грыц ко. Вы съ читаловскихъ берете только седьмую.

— А съ васъ возьму пятую, съ увѣренностью сказалъ Бер ко. Ежели не хочешь дать пятой мѣрки, то поѣзжай себѣ к водяной мельницѣ. Какъ разъ пріѣдешь къ ночи, добавил онъ, указывая на приближающееся къ закату солнце.

Грыцко сбѣленился и началъ что то доказывать; но Берко, хорошо зная, что уже поздно ѣхать на водяную мельницу, во все не слушая его, отправился прямо въ домъ владѣльца де ревни, надворнаго совѣтника и кавалера Петра Тихоновича Плутковскаго, котораго біографію мы разскажемъ читателям въ нѣсколькихъ словахъ.

Плутковскій въ настоящее время—человѣкъ православный, и мы на вѣрное не знаемъ, онъ ли самъ, или отецъ его при соединился отъ уніатовъ къ религіи праотцевъ. Онъ въ мо лодости служилъ гдѣ-то въ сѣверо-западномъ краѣ комиссіонеромъ, потомъ квартальнымъ надзирателемъ, послѣ перешелъ на служ-

бу въ юго-западный край, былъ сначала становымъ приставомъ, и наконецъ исправникомъ. Во всю жизнь свою онъ былъ забiякой, а часто и самъ былъ битъ, а кромѣ того отъявленнымъ мошенникомъ и взяточникомъ. Говорятъ, что, въ продолженiи своей службы, Плутковскiй, былъ судимъ болѣе чѣмъ по тридцати уголовнымъ дѣламъ. Мы слыхали, что нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, по которымъ однакожъ онъ прогнанъ былъ со службы, и теперь еще тянутся; но необыкновенно ловкiй и опытный плутъ все еще успѣваетъ увертываться. Награбивъ около сотни тысячъ, Плутковскiй купилъ Читаловку, и кромѣ того раздавалъ еще деньги на значительные проценты. У Плутковскихъ было нѣсколько дочерей; это были добрыя и умныя дѣвушки, но грубый отецъ тиранилъ ихъ такъже какъ и всякаго, кто когда либо былъ въ какой нибудь зависимости отъ него. Дѣла Плутковскаго шли отлично, а между тѣмъ, послѣ увольненiя крестьянъ, по милости его вздорнаго, до крайности грубаго, желчнаго и подозрительнаго характера, ни одинъ слуга не могъ пробыть у него въ услуженiи болѣе недѣли,—и богатый человѣкъ, и его семейство должны были собственноручно исправлять самыя грубыя домашнiя работы. Въ послѣднее время читаловскiе крестьяне не нанимались въ услуженiе къ Плутковскому ни за какiя деньги; онъ пробовалъ было выписывать изъ города, но и тѣ бѣжали, и во время нашего разсказа, въ домѣ не было ни одного служителя и работниковъ, такъ что свою землю жестокiй землевладѣлецъ долженъ былъ отдать въ наемъ. Плутковскiй бранился, бѣсился, но это ни чуть не помогло.

Когда нашъ Берко вошелъ въ дворъ помѣщичьяго дома, Плутковскiй пыхтѣлъ, сопѣлъ и тащилъ на плечахъ мѣшокъ овса, чтобы дать кормъ своимъ лошадямъ.

— Разпроклятое мужичье, сгибая жирную спину подъ тяжестью ноши, относясь по видимому къ самому себѣ, кричалъ Плутковскiй. Слыханное ли дѣло, чтобы надворный совѣтникъ и кавалеръ самъ тащилъ на плечахъ овесъ лошадямъ!

— Позвольте, ваше высокоблагородiе, я вамъ помогу, отозвался Берко.

— Каналья ты, жидюга подлый, отвѣчалъ Беркѣ Плутковскiй, а между тѣмъ передалъ ему свой мѣшокъ.

Берко отправился на конюшню и началъ высыпать лошадямъ овесъ, а Плутковскій последовалъ за нимъ.

— Высыпай все, скотина, кричалъ Плутковскій; знаю тебя, оставишь въ мѣшкѣ два три гарнца, а потомъ прійдешь украдешь.

— Ну, а ежели и украду, такъ что будетъ? отшучивалс Берко. Развѣ грѣхъ украсть бѣдному жидку у такого богатаго какъ вы пана?

Въ другое время остроуміе Берки безъ сомнѣнія понравилось бы Плутковскому, но теперь у него болѣла спина, и онъ продолжал злиться и шипѣть.

— Жидъ ты проклятый,—у меня слугъ нѣтъ, кричал Плутковскій. Понимаешь ли, что у меня, у надворнаго совѣтника, т. е. у полковника и кавалера, слугъ нѣтъ!?

— Будутъ слуги, отвѣчалъ Берко.

— Будутъ! А гдѣ ихъ взять?

— Я вамъ дамъ.

— Ты дашь! А возмешь то гдѣ?

— Я уступлю вамъ своего Кондрата.

Плутковскій обрадовался.

— Что ты врешь, пархъ, сказалъ онъ. А какъ же мельница будетъ безъ мельника?

— Ну, какое вамъ дѣло? Я себѣ достану мельника, а Кондрата купите себѣ у меня.

Но Плутковскій пришелъ въ сомнѣніе.

— Ты со мной не шути, завопилъ онъ, а то палкой отдубашу.

— На что палка, когда я вамъ говорю, что уступлю Кондрата. А сколько вы за него дадите?

— Двадцать пять рублей дамъ.

— Мало. Дайте мнѣ патьдесятъ рублей, и на вашъ счетъ водка, на четыре въ годъ Кондратовые запои,—на всякій по одному ведру.

— Ну, ну, согласенъ. Такъ по рукамъ?

— По рукамъ, ваше высоблагородіе; только условимся какъ это сдѣлать. И Берко разсказалъ, какимъ образомъ совершить купчую крѣпость на раба своего Кондрата. Послали за Кондратомъ и, въ ожиданіи его, вошли въ домъ, выпили

могарычъ и занялись пріятной бѣсѣдой. Плутковскій предался пріятнымъ воспоминаніямъ о недавно прошедшемъ золотомъ вѣкѣ.

— Славное было времячко! Бывало, подлецъ ты этакій, говоритъ онъ, я только возьму жида за бороду,—Плутковской для примѣра такъ потрясъ Беркину бороду, что тотъ взвизгнулъ,—и уже въ карманѣ пятьдесятъ рублей; а ежели изобью жиду рожу,—я не любилъ даромъ марать руки,—то на вѣрное сто рублей получу.

— А сколько разъ въ годъ, в. в.-б., марали свои ручки? спросилъ иронически Берко.

— Навѣрное разъ двадцать.

— А за бороду трясли?

— О, безъ счету; разъ пятьдесятъ въ годъ.

— Значитъ четыре тысячи пятьсотъ рублей въ годъ, въ ту же секунду рѣшилъ Берко.

— Слушай, борода, чортовъ мельникъ! ты будешь служить у меня кучеромъ, ласково (а все таки ругаясь), сказалъ Плутковскій Кондрату, лишь только тотъ вошелъ къ нему въ комнату: Берко уступилъ мнѣ тебя [1]).

— В. в.-благородіе, Берко не въ правѣ продавать меня, потому что я отдамъ то, что ему долженъ.

— Отдашь? А откуда возмешь столько денегъ? развѣ украдешь? Ты со мной не шути, подлецъ, а то я тебя отдубашу.

Хотя Кондрату было не совсѣмъ ловко открыть истину; но, боясь подозрѣнія въ воровствѣ, онъ сказалъ бы теперь тоже, что за часъ прежде говорилъ Беркѣ, если бы Плутковскій не вышелъ изъ комнаты, приказавъ Кондрату подождать. Чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ подпоручикъ Сапиловъ, который не разъ подумывалъ съ умиленьемъ объ одной изъ дочерей разбо-

1) Авторъ, предвидя сомнѣніе читателей въ возможности подобныхъ спекуляцій, проситъ ихъ вспомнить, какъ евреи торговали рекрутами изъ крестьянъ во время послѣдняго рекрутскаго набора.

гатѣвшагося исправника; а догадливый Берко побѣжалъ къ барышнямъ и шепнулъ имъ, что въ залѣ гость и что, слѣдовательно, нужно идти туда и занимать его. Соскучившіяся одиночествомъ барышни сейчасъ же отправились поболтать съ молодымъ подпоручикомъ. Кондратъ стоялъ тутъ же у порога и ожидалъ, пока возвратится Плутковскій и отправитъ его. Плутковскій не замедлилъ явиться.

— Послушай ты, воришка—Катерина, отнесся онъ, войдя въ комнату, къ самой любимой изъ своихъ дочерей, не взяла ли ты у меня двадцати пяти рублей, которые я только что получилъ отъ Берки за проданную корову, и положилъ ихъ на этомъ столѣ? Тутъ Плутковскій указалъ на ближайшій сталъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Кондратъ.

— Я не брала, отвѣчала Катерина.

— Не брали ли вы, дѣвки, спросилъ Плутковскій прочихъ дочерей своихъ.

— Мы тоже не брали, отвѣчали тѣ.

— Да кто же взялъ, здѣсь никого, кромѣ васъ, господина подпоручика, да еще мельника, не было, продолжалъ допытывать Плутковскій.

— Помилуйтесъ, я русскій офицеръ, обидѣлся Сапиловъ.

— Можетъ быть вы думаете, что я укралъ? такъ обыщите меня, сказалъ Берко.

— Всѣхъ обыскивать, и меня, и барышень, горячился подпоручикъ.

Приступили къ обыску, начали съ Берки и нашли у него всего три рубля, а Кондратъ стоялъ ни живъ ни мертвъ.

— Замѣтьте какъ онъ подлецъ поблѣднѣлъ,—пристально глядя Кондрату въ глаза, замѣтилъ Плутковскій.

— О, мой мельникъ извѣстный воръ, сказалъ Берко,—Кондратъ молчалъ. Принялись обыскивать его, и вытащили изъ его кисета двадцати пяти рублевую ассигнацію.

— Мои деньги, крикнулъ Плутковскій, и жирной рукой своей ударилъ Кондрата по лицу.

— Та самая ассигнація, которую я за четверть часа предъ тѣмъ далъ пану полковнику, увѣрялъ Берко.

— Слава Богу, что нашлись деньги, а то я перепугался было, заметил подпоручик.

— И я испугался, и как Бога люблю, чуть чуть не умер со страха, клялся Берко.

— Это мои деньги; мнѣ их пан офицер чрез мою дочку одолжил, пробормотал перепуганный Кондрат.

— Я дал тебѣ деньги? Когда? За что?

Сапилова обдало как жаром, он покраснѣл как пion, и клялся и Богом и своим офицерским чином, что ни Кондрата, ни его дочки знать не знает и вѣдать не вѣдает; а когда Кондрат стал продолжать упираться, то подпоручик, чтобы доказать свою невинность, вскинулся на него, приколотил, и Кондрат замолчал.

— Я тебя упрячу в Сибирь, грозил Плутковскій.

— Отдай мнѣ мои деньги, отдай мнѣ мои двадцать пять рублей, два злотых и пятнадцать грошей, привязался Берко к Кондрату.

— Нѣт уже денег, отвѣтил Кондрат. Чорт дал чорт и взял их. Теперь, пан арендатор, я ваш и вы дѣлайте со мною, что хотите.

Кондрат повалился Беркѣ в ноги. Но Берко оказался великодушным: он не побил Кондрата, а только объявил ему, что он уступлен им пану Плутковскому, и внушил служить вѣрою и правдою новому господину, а Кондрат поклялся, что исполнит в точности это.

Берко в тот же день поссорился с Плутковским. Вот что было причиной их ссоры: Плутковскій доказывал, что отобранные у Кондрата двадцать пять рублей по справедливости должны принадлежать ему Плутковскому, а Берко, напротив того, увѣрял, что эти деньги, как пріобрѣтенныя его изобрѣтательностью, составляют нераздѣльную собственность его—Берки. Чуть не подрались честные компаніоны, но кончили тѣм, что подѣлились деньгами.

Кондрат, хотя всякій год по четыре раза, т. е. послѣ всякаго запоя, собирается повѣситься, но по настоящее время жив и состоит кучером Плутковскаго. Берко закабалил себѣ но-

ваго мельника, а подпоручику Сапилову дочка Плутковскаго казала.

А. Ш

г. Житомиръ 1867 г.

ОСВЯЩЕНІЕ НОВОВЫСТРОЕННОЙ ЦЕРКВИ ВЪ Г. ДИСНѢ

Спѣшу сообщить вамъ, что 12 сего іюля освящена вн выстроенная въ г. Диснѣ каменная, довольно красивой ар тектуры, церковь во имя воскресенія Господня. Это единств ное зданіе,—за исключеніемъ р.—католическаго костела и н конченной еще часовни въ память событія 4 апрѣля,—кото служитъ украшеніемъ нашего города. Кромѣ ея есть еще д церкви въ городѣ: одна приходская, во имя св. Николая, д гая—Воскресенская, бывшая до настоящаго времени городск Обѣ они деревянныя, бѣдны утварью, иконы очень дряхлы облѣзлыя—и эти церкви такъ ветхи, что невольно станови грустно при взглядѣ на нихъ снаружи. Какая-то холод сырость, мертвящая гниль, какая-то безотчетная тоска сжи етъ ваше сердце, когда войдете внутрь ихъ. Невольно вспоминае время гнета православія въ здѣшнемъ краѣ. Да и какъ вспомнить въ эту минуту то время, когда эти церкви постр ны еще до Сигизмунда III! Стѣны ихъ много-много вид разныхъ притѣсненій, были очевидцами многихъ насилій! И той поры никто не позаботился о нихъ, памятникахъ такой лекой старины. Мѣстные православные прихожане состоятъ бѣднѣйшихъ мѣщанъ, которые по большей части живутъ въ чугахъ и еле-еле могутъ поддержать свое бренное существ ніе ничтожнымъ и малоцѣннымъ заработкомъ. Чѣмъ-же они помочь храмамъ своимъ? Однимъ лишь сочувствіемъ и прис біемъ, что бѣдность ихъ отразилась на ихъ храмахъ. Но всевидящая нынѣшная администрація края замѣтила, чего достаетъ городу, въ чемъ нуждается населеніе—и рядомъ съ д лыми, пригнетенными вѣковыми невзгодами старикями-церквам выросла стройная, изящная, граціозная церковь, величаво искрился на ней нашъ православный крестъ!

Храмъ внутри хотя не богато отдѣланъ, но со вку и изящно. Въ субботу, 11 числа, съ утреннимъ поѣзд

прибылъ его преосвященство, викарій литовскій, епископъ Іосифъ, съ пѣвчими и духовенствомъ, на станцію желѣзной дороги, въ Борковичи, а отсюда въ Дисну; къ этому торжеству заранѣе собрались въ городѣ духовенство цѣлаго уѣзда, всѣ мировые посредники, съ волостными и сельскими старшинами. Всенощную совершалъ епископъ Іосифъ, который на церковной паперти былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ и солью отъ цѣлаго уѣзда.

Ночью, съ субботы на воскресеніе, прибыли къ торжеству: его сіятельство г. помощникъ генералъ-губернатора, съ нѣкоторыми изъ лицъ, состоящихъ при генералъ-губернаторѣ и его превосходительство, г. начальникъ губерніи. Утромъ, въ половинѣ десятаго часа, мѣстные служащіе представились его сіятельству. Въ десять—торжественно ударилъ колоколъ. Празднично одѣтый народъ хлынулъ къ паперти нововыстроенной церкви, украшенной зеленью и гирляндами. Пріятно было взглянуть на всеобщую готовность и усердіе всѣхъ явиться къ такому торжеству. Какъ бы все населеніе Дисны хотѣло показать свое сочувствіе нашему православному торжеству. Евреи тоже въ праздничныхъ костюмахъ, массою толпились около церковной ограды. Скоро собрались чиновничество, мѣстныя сословія; пріѣхали наши дорогіе гости; раздался трезвонъ—и изъ кареты вышелъ епископъ, встрѣченный духовенствомъ. Началась обычная служба. Передъ молебномъ было сказано его преосвященствомъ приличное торжеству слово. Служба кончилась. Загудѣли колокола, и епископъ, и гости укатили на обѣдъ къ уѣздному предводителю дворянства. Въ тотъ же день, подъ вечеръ, они покинули Дисну, за исключеніемъ начальника губерніи, который, на другой день утромъ, посѣтилъ мѣстныя присутственныя мѣста, городскую тюрьму, больницу.

И снова тихо и мирно въ нашемъ городкѣ потекла наша обычная растительная жизнь. По заведенному изстари порядку, мы лѣниво утромъ плетемся на службу, отдуваясь отъ жара и духоты; потомъ плотно обѣдаемъ; сладко спимъ сряду нѣсколько часовъ послѣ обѣда. Подъ вечеръ гдѣ либо составляется пулька, при которой мы, вистуя и пасуя, перекидываемся своими доморощенными сплетнями. Болѣе насъ ничто

не интересуетъ и только нѣкоторые смутно слышали, какъ о далеонное эхо, что гдѣ-то изъ за чего-то дерутся французы съ нѣмцами. Это очень далеко отъ Дисны.

Корреспондентъ.

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(По поводу сооруженія ему памятникѣ въ Кіевѣ).

Комитетъ, учрежденный при Кіевской Археографической Коммисіи для повсемѣстнаго въ Имперіи, по Высочайшему соизволенію, сбора приношеній на памятникъ въ Кіевѣ, Богдану Хмѣльницкому, открывъ свои дѣйствія, долгомъ считаетъ обратиться съ просьбою о просвѣщенномъ вашемъ содѣйствіи этому патріотическому дѣлу. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что мысль воздвигнуть памятникъ отечественному герою, положившему основаніе окончательному возстановленію нашего народнаго государственнаго единства и служащему въ Юго-Западномъ краѣ символомъ этого единства,—мысль, удостоенная Всемилостивѣйшаго одобренія нашего возлюбленнаго Монарха,—встрѣтитъ вполнѣ сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества и народа. Относясь, вмѣстѣ съ симъ, съ отзывами ко всѣмъ начальникамъ губерній, епархіальнымъ архіереямъ, начальникамъ военныхъ округовъ, наказному атаману войска донскаго, попечителямъ учебныхъ округовъ, ректорамъ университетовъ, губернскимъ предводителямъ дворянства, городскимъ головамъ главныхъ городовъ, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ и губернскимъ земскимъ управамъ,—Комитетъ тѣмъ съ большимъ довѣріемъ ожидаетъ успѣха этому дѣлу отъ поддержки и разъяснительнаго въ немъ участія русской печати, а потому, препровождая при семъ 1 экз. записки о значеніи Богдана Хмѣльницкаго въ русской исторіи для напечатанія оной въ издаваемомъ вами журналѣ, покорнѣйше проситъ открыть у себя на этотъ предметъ подписку. [1]) П

---

1) Съ сугубымъ удовольствіемъ готовы служить патріотическому, достославному дѣлу. *Ред.*

мъ Комитетъ долгомъ поставляетъ присовокупить, что всѣ собранныя приношенія, по распоряженію высшаго правительства, должны быть вносимы въ мѣстныя казначейства, откуда они будутъ препровождены въ главное казначейство.

Въ исторической жизни Россіи, въ періодъ юношескаго ея роста, былъ болѣзненный переломъ, который угрожалъ дѣйствительною опасностью не только всѣмъ ея будущимъ судьбамъ, но и самому ея существованію: не успѣвъ еще окрѣпнуть, она была постигнута, сперва удѣльнымъ раздробленіемъ, потомъ татарскимъ погромомъ, и пришла въ такой упадокъ силъ, что распалась на двѣ части, на Восточную и Западную. Изъ Западной ея половины образовалось особое Литовско-Русское государство, которое, въ слѣдствіе брачнаго союза литовско-русскаго государя съ наслѣдницей государства польскаго, соединилось съ Польшей, въ началѣ какъ равное съ равнымъ, на правахъ взаимной независимости, подъ одной лишь верховною властью, а, наконецъ, послѣ постепеннаго окатоличенія и ополяченія высшихъ слоевъ литовско-русскаго народа, князей и бояръ, вошло въ составъ ея. Такое неестественное соединеніе всей Западной Руси съ Польшей доставило, однакожъ, этой послѣдней перевѣсъ силы надъ Русью восточной и дало ей возможность расширять свои предѣлы, все далѣе и далѣе, на счетъ Московскаго государства. Въ этой борьбѣ ополяченное русское дворянство, ставъ, какъ всегда бываетъ съ отступниками, злѣйшимъ врагомъ своей отеческой вѣры и народности и захвативъ въ свои руки всю власть въ польскомъ государствѣ, возбуждало противъ русской земли безпрерывныя войны и довело наконецъ свои полчища до самаго сердца Россіи, до Москвы, гдѣ, на стѣнахъ Кремля, развило свое шляхетское знамя. Казалось, не оставалось спасенія: съ погибелью Москвы погибала и Россія,—тѣмъ болѣе, что въ эту страшную минуту государство было обезглавлено и шапку Мономаха боярство возлагало уже на главу польскаго королевича. Но такъ только казалось; въ русскомъ народѣ бодрствовалъ тотъ православный духъ и та преданность своимъ отечественнымъ началамъ, въ которыхъ таилась неодолимая сила сопротивленія.

Когда достигла до народа вѣсть о плѣненіи Москвы врагомъ его вѣры и народности, онъ встрепенулся и достаточно было одного голоса простолюдина Косьмы Минина, чтобъ поднять на этого врага весь русскій востокъ: мечь спасенія былъ врученъ одному изъ потомковъ Мономаха, князю Пожарскому, который, принявъ этотъ мечь, сокрушилъ вражью силу и очистилъ отъ нея московскую землю. Но этимъ подвигомъ спасена была только московская Русь, а не вся русская земля. Для ея спасенія требовался еще новый подвигъ, новый, болѣе рѣшительный ударъ врагу.

Тридцать шесть лѣтъ спустя, на Юго-Западѣ Россіи, раздался другой голосъ, тоже простаго земскаго человѣка, малороссійскаго казака Зиновія Хмѣльницкаго, прозваннаго Богданомъ, и тотъ же православный духъ русскаго народа откликнулся на его призывъ, собралъ всѣхъ до единаго подъ его знамя, вручилъ ему мечь спасенія, съ которымъ народный вождь одолѣлъ врага и возвратилъ весь Юго-Западъ Россіи подъ державу отечественнаго царя. Съ той поры тяжба Россіи и Польши была рѣшена: на безграничной великой равнинѣ русской земли должно было осуществиться и осуществилось историческое предопредѣленіе,—между семи морей этой земли сложилась единая держава, и Польша вошла, наконецъ, въ составъ Всероссійской Имперіи.

Послѣ втораго плѣна Москвы, послѣ 1812 года, вспомнился первый плѣнъ ея въ 1612 году, и новый спаситель отечества, Александръ Благословенный, воздвигнулъ памятникъ древнимъ его спасителямъ, Минину и Пожарскому. Недавнія посягательства на свободу Западной Руси и на цѣлость Русскаго государства напомнили о древнемъ разрѣшителѣ этихъ польскихъ притязаній,—и нынѣшній блюститель цѣлости и блага Россіи, нашъ благодатный Александръ-Освободитель, положилъ воздвигнуть памятникъ Богдану Хмѣльницкому. Въ Высочайше утвержденномъ проэктѣ этого памятника, Южно-Русскій герой изображенъ на конѣ. Взмахомъ одной руки онъ высоко возноситъ свою булаву, а другую руку простираетъ на Востокъ, къ Москвѣ. Подъ ногами коня лежатъ разные атрибуты попранной шляхетской Польши. У подножія статуи

стоять представители русской народности: великоруссъ, малоруссъ, бѣлоруссъ и червоноруссъ, слушая сидящаго кобзаря, который поетъ славу Богдана. Вокругъ пьедестала изображены съ трехъ сторонъ, въ барельефахъ, главные эпизоды этой достопамятной эпохи: зборовская битва, торжественный въѣздъ Богдана въ Кіевъ и переяславская рада, на которой совершилось возсоединеніе Малой Россіи съ Москвою. На четвертой сторонѣ надпись: Богдану Хмѣльницкому единая, недѣлимая Россія.

На сооруженіе этого всенароднаго памятника, по проэкту нашего извѣстнаго художника Микѣшина, открыта, по Высочайшему соизволенію, повсемѣстная въ Имперіи подписка и, съ этою цѣлью, образованъ, при Кіевской Археографической Коммисіи, въ вѣденіи главнаго начальника Юго-Западнаго края, особый Комитетъ. Комитетъ этотъ, для осуществленія ввѣреннаго ему патріотическаго дѣла, долгомъ считаетъ обратиться не къ однимъ высшимъ классамъ русскаго общества, а ко всему русскому земству и обращается къ нему съ простыми словами: принесите посильную жертву, подайте на памятникъ тому, кто положилъ начало одолѣнію самаго непримиримаго нашего врага; кто возвратилъ русскому народу кіевскую святыню; кто спасъ, можетъ быть, православіе на берегахъ Днѣпра и положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданію всея Россіи. Вашихъ копѣекъ и грошей будетъ достаточно, чтобъ поставить его изображеніе въ Кіевѣ, во славу пращура городовъ русскихъ, во имя русскаго недѣлимаго единства и въ назиданіе прошлому, настоящему и будущему.

Предсѣдатель, тайный совѣтникъ *М. Юзефовичъ*.

ПАПА И СОБОРЪ.

I. Папская Непогрѣшимость.

(Продолженіе).*

Въ срединѣ 13 столѣтія былъ предпринятъ новый громадный подлогъ, который, по своимъ послѣдствіямъ, значилъ не менѣе лже-исидоровскихъ декреталій. Если эти имѣли вліяніе на устройство и право церкви, то новая поддѣлка повліяла на догматическое богословіе и школы. Въ 12-мъ и первой половинѣ 13 столѣтія богословы не занимались ученіемъ о церковной власти, и какъ-то странно избѣгали высказываться касательно положенія папы въ церкви. Гуго и Рихардъ, Робертъ Пуллейнъ, оба Петра пуатьэрскій и ломбардскій, Рупертъ дейтцкій, Вильгельмъ парижскій, Винценцъ Бовэ, а также и отцы схоластики: Александръ гальссій, Аланъ риссельскій, даже Альбертъ великій, плодовитѣйшій изъ всѣхъ богослововъ того времени,—не касались этого предмета. Только одинъ разъ, при изъясненіи молитвы Господа о Петрѣ, Альбертъ высказался: „здѣсь разумѣется, что наслѣдникъ св. Петра не потеряетъ вѣры на-всегда и совершенно".

Поводомъ къ новому вымыслу послужилъ споръ съ Греками. Исидоро-григоріанское папство, которое доминиканцы проповѣдовали какъ истинный и единственно спасительный образъ церковнаго управленія,—это папство было не извѣстно грекамъ. Если Николай I, Левъ IX и еще недавно Григорій IX, въ письмахъ къ императору и патріарху заявляли подобныя притязанія,—то въ Константинополѣ не обращали на это вниманія и не отвѣчали. Въ представленіи грековъ римскій епископъ былъ только первый мерджду патріархами; ему принадлежало приматство, но подъ условіемъ, чтобы онъ не сдѣлалъ себя недостойнымъ этого преимущества чрезъ отпаденіе отъ вѣры. Что же касается до абсолютной монархіи, которую теперь доминиканцы проповѣдовали грекамъ, то это дѣло было совсѣмъ различное. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ, касающихся всей церкви, дѣйствіе папы, по мнѣнію грековъ, обусловливается согла-

*) См. кн. „Вѣстникъ Зап. Россіи" кн. 6.

сіемъ остальныхъ патріарховъ; произвольной и самодержавной власти въ церкви они не могли себѣ и представить. Нужно было поэтому прибѣгнуть къ особеннымъ средствамъ, чтобы подойти къ грекамъ.

Латинскій богословъ, вѣроятно доминиканецъ, жившій между греками, представилъ цѣлый вымышленный рядъ греческихъ соборовъ, отцевъ церкви (Златоуста, Кирилловъ александрійскаго и іерусалимскаго, мнимаго Максима), отъ которыхъ будто-бы новыя папскія притязанія получили свое догматическое основаніе. Сочиненіе этого богослова было представлено (въ 1261 г.) папѣ Урбану IV, который тотъ часъ, въ своемъ письмѣ къ императору Михаилу Палеологу, воспользовался вымысломъ, не упоминая, изъ предосторожности, объ именахъ свидѣтелей. Папа хотѣлъ этими только что измышленными свидѣтельствами, которыя будто-бы написаны прежде 800 лѣтъ, доказать, что «апостольскій престолъ» есть единый и единственный авторитетъ въ ученіи церкви. Это было то несчастіе, которое преслѣдовало папъ, въ ихъ сношеніяхъ съ византійцами, начиная съ Николая I. Они постоянно ссылались на подложныя и вымышленныя свидѣтельства и авторитеты, что приносило дѣлу церковнаго единенія несказанный вредъ.

Урбанъ, очевидно самъ обманутый, передалъ вымышленное сочиненіе Ѳомѣ Аквинату; этотъ же ничего не подозрѣвая, взялъ изъ него цѣлый отдѣлъ о приматствѣ и помѣстилъ его въ свое сочиненіе противъ грековъ. Одновременно съ этимъ доминиканцемъ Буонаккурсіо, жившій въ греческой имперіи, перевелъ эти мѣста на греческій языкъ.

Ѳома незнакомый съ греческимъ языкомъ, воспитанный въ григоріанской системѣ, почерпающій свои познанія о церковной древности только изъ Граціана, увидѣлъ теперь передъ собою важнѣйшія свидѣтельства изъ первыхъ столѣтій; эти свидѣтельства не оставляли ему ни малѣйшаго сомнѣнія, что великіе соборы и знаменитѣйшіе епископы и богословы 4-го и 5-го столѣтій почитали папу за догматически непогрѣшимаго монарха, который управляетъ всею церковію съ неограниченною властію. Ѳома сдѣлалъ теперь то, чего схоластики не сдѣлали прежде,—именно онъ ввелъ ученіе о папской непогрѣшимости (частію тѣми же словами, какими это ученіе выражено въ упомя-

нутомъ подложномъ сочиненіи) въ догматику,—шагъ, котораго важность и полнѣйшій успѣхъ едва можетъ быть оцѣненъ.

Греки, на основаніи подложнаго сочиненія доминиканца и латинскаго богослова, должны были узнать теперь слѣд. положенія:

I. Христосъ передалъ Петру всю полноту Своей власти; такъ что папа одинъ только имѣетъ право повелѣвать, вязать и рѣшить. Его долженъ слушаться всякій, какъ самаго І. Христа; что папа рѣшаетъ, то должно быть соблюдаемо. Ибо Христосъ вполнѣ и совершенно пребываетъ съ каждымъ папою въ таинствѣ и авторитетѣ. Апостольскій престолъ одинъ неизмѣнно пребываетъ въ вѣрѣ, тогда какъ другія церкви поруганы чрезъ заблужденіе. Римская церковь есть солнце, отъ котораго всѣ другія церкви получаютъ свой свѣтъ. Соборъ имѣетъ свой авторитетъ только отъ папы, которому принадлежитъ право постановленія вѣры; кто не подчиняется папскому авторитету, тотъ еретикъ; ибо папа одинъ только имѣетъ право рѣшать каждый вопросъ ученія.

На основаніи вымысловъ своего товарища по ордену, между которыми (вымыслами) находилось такъ же правило халкидонскаго собора, которое предоставляло всѣмъ епископамъ неограниченное право аппеляціи къ папѣ,—за тѣмъ на основаніи подлоговъ граціановыхъ, Θома основалъ свою систему съ двумя главными положеніями: а) что папа есть непогрѣшимый учитель міра, б) и что онъ абсолютный монархъ церкви. Вымышленный Кириллъ александрійскій сдѣлался въ этомъ дѣлѣ его любимымъ авторомъ, котораго онъ почти постоянно приводитъ.

При папскомъ дворѣ тотчасъ увидѣли всю важность пріобрѣтенія, когда то, чему доселѣ учили только юристы и законовѣдѣніе, сдѣлалось теперь догматическою доктриною и вошло въ составъ догматики. Іоаннъ XXII высказалъ, въ своемъ восхищеніи, слѣд. замѣчательныя слова: „Θома, написавши свою статью (artikel), совершилъ такъ много дивнаго, что его можно было бы канонизовать, безъ совершенія имъ чудесъ (mirakel). За тѣмъ, въ своей буллѣ папа увѣряетъ, что Θома написалъ свое сочиненіе не безъ особеннаго наитія божественнаго Духа. Иннокентій VI даже объявилъ: кто оспариваетъ ученіе Θомы, тотъ становиться чрезъ то подозрительнымъ.“

Дѣйствительно, нововымышленное греческое преданіе, въ моментъ его появленія, было болѣе необходимо и желательно на западѣ, чѣмъ на востокѣ. Теперь излился, такъ сказать, на западную церковь цѣлый потокъ новыхъ орденовъ, каторые жили милостынею, доходами отъ исповѣди и пользовались папскими привиллегіями, именно разрѣшеніемъ и отпущеніемъ грѣховъ въ тѣхъ случаяхъ, которые предоставлены были только папѣ. Иннокентій III (1215 г.), на одномъ великомъ соборѣ въ Римѣ повелѣлъ, чтобы каждый христіанинъ, однажды въ годъ, исповѣдовался своему священнику, безъ позволенія котораго никто не можетъ отпускать грѣховъ. Спустя не много времени папскій престолъ опредѣлилъ посылать во всѣ епархіи и приходы, на помощь епископамъ и священникамъ, новыхъ монаховъ, которые были уполномоченными и безусловно преданными орудіями папъ. Такъ что законъ Иннокентія (1215) о исповѣди у своего „священника" потерялъ теперь свою силу и обращенъ въ пользу странствующихъ орденовъ, получающихъ свой доходъ отъ разрѣшенія грѣховъ. Къ этому присоединилась теорія о «вселенскомъ епископѣ», который одинъ управляетъ церковію,— а всѣ прочіе епископы только его помощники. Титулъ „вселенскаго", который Григорій великій отвергъ съ негодованіемъ, былъ теперь толкуемъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ и Ѳома, на основаніи новыхъ вымысловъ, утвердилъ, что титулъ этотъ былъ данъ папѣ соборомъ халкидонскимъ. Споръ изъ-за преимуществъ, предоставленныхъ новымъ орденамъ, возгорѣлся на многихъ мѣстахъ.

Иннокентій IV (въ 1254 г.) старался защитить епископовъ и священниковъ противъ наплыва странствующихъ монаховъ. Ему представили, что чрезъ эти религіозныя войны и чрезъ всѣ эти „отпущенія грѣховъ" совершенно погибнетъ всякая дисциплина исповѣди и безъ того уже сильно потрясенная. Папа говоритъ: дѣятельность священниковъ и ихъ забота о спасеніи душъ потрясена и надломлена; народъ пріучился презирать ихъ и потерялъ всякій стыдъ; ибо легко было сладить съ грѣхомъ, если „разрѣшеніе" давалъ монахъ, который на время появлялся и такъ же скоро изчезалъ, можетъ быть ни когда не заглядывалъ болѣе въ эту страну. Однакожъ распоряженіе Иннокентія, чтобы монахи, безъ позволенія священниковъ, не смѣ-

ли болѣе исповѣдовать, было опять отвергнуто Александромъ IV. Парижскіе богословы вступились за священниковъ и за прежній порядокъ раздѣленія власти въ церкви. Ѳома писалъ противъ нихъ, и, опираясь на своего мнимаго Кирилла, заключилъ: „что касается послушанія, то нельзя дѣлать никакого различія между Христомъ и папою; главы міра (primates mundi) такъ же точно повинуются папѣ, какъ если бы онъ былъ Христосъ. Онъ можетъ поэтому отвергнуть древній, установленный соборами, порядокъ церкви, потому что соборы заимствуютъ свою власть только отъ папы. Съ полнымъ довѣріемъ къ вымышленнымъ сказаніямъ, Ѳома, для подтвержденія своего ученія о папскомъ абсолютизмѣ, ссылается на халкидонскій соборъ.

Побѣда обоихъ орденовъ была совершенная и папское воззрѣніе, что римскій первосвященникъ есть единственный епископъ въ каждомъ діоцезѣ, одержало верхъ. Каждый священникъ чувствовалъ свое безсиліе предъ нищенствующимъ монахомъ, и не могъ предотвратить вреда, который былъ наносимъ его пастырской дѣятельности папскимъ положеніемъ. Епископы, которые уже прежде стѣняемы были орденами въ упраленіи своими діоцезами, должны были теперь допустись къ себѣ цѣлыя толпы монаховъ снабженныхъ папскими привиллегіями. Состояніе церкви было такого рода, что французскій кардиналъ Симонъ-де-Больэ (въ 1283 г.) сказалъ, «через привиллегіи, предоставленныя нищенствующимъ орденамъ, потрясено все церковное управленіе и церковь можно назвать чудовищемъ (monstrum). Изъ всего клира, священники сдѣлались самыми безсильными и самыми безправными для которыхъ не было никакой возможности заявить свои жалобы. Епископы жаловались часто; парижскій университетъ противился долго; но предъ совокупною силою папъ и монаховъ должно было все склониться. Слѣдствіемъ этихъ жалобъ было только то, что монахи яснѣе узнали, что папская система съ теоріею непогрѣшимости была для нихъ такъ же необходима и драгоцѣнна, какъ и для самой куріи.

Всѣ опредѣленія, изъ которыхъ образовалась папская непогрѣшимость (чрезъ древніе римскіе вымыслы, чрезъ Лже-Исидора, Граціана и авторитетъ Ѳомы) были теперь, безъ противорѣчія, приняты въ богословіе. Однакожъ еще не было всеобще

признаннымъ, что папа въ своихъ приговорахъ о дѣлахъ вѣры—непогрѣшимъ. Въ странахъ, гдѣ не утвердилась еще инквизиція, можно было учить противному; и вообще нельзя было выпутаться изъ противорѣчій, касательно этого предмета, впродолженіе цѣлыхъ столѣтій. Гуибертъ турнайскій (около 1250 г.) и Николай лирскій высказывались, что римская церковь, въ силу особеннаго божественнаго покровительства, не можетъ отпасть отъ вѣры; но въ то же время было всеобщее предположеніе, что папа можетъ впасть въ ересь, погрѣшить въ важныхъ вопросахъ вѣры,—что онъ подлежитъ суду церкви и можетъ быть даже лишенъ престола. Это подтверждалось исторіею съ Либеріемъ и приписываемымъ Бонифацію правиломъ Граціана. Даже самые смѣлые защитники папской власти (Тріонзо и Альваро Пелайо) принимали, что папы могутъ погрѣшать, и ихъ рѣшенія не представляютъ еще полной безопасности.

Но они думали въ то же время, что черезъ ересь папа уже переставалъ быть папою, и тогда церковный судъ (соборъ) только свидѣтельствовалъ о совершившемся фактѣ и упраздненіи папскаго престола. Тогда, говоритъ Тріозно, папская власть находится въ такомъ же положеніи, какъ при смерти папы. Такъ же думалъ и кардиналъ, впослѣдствіи папа, Іаковъ Фурниръ: рѣшенія папы неприкосновенны и могутъ быть отвержены другимъ папою. Іоаннъ XXII сдѣлалъ поэтому хорошо, что отвергъ соблазнительный и догматически неправильный приговоръ папы Николая III о бѣдности I. Христа и различіи между употребленіемъ (имущества) и правомъ собственности на него. Иннокентій III объявилъ: „во всѣхъ многихъ грѣхахъ признаю судьею только Господа; въ грѣхѣ же противъ вѣры могу быть судимъ церковію“. Иннокентій IV такъ же соглашался: „что не слѣдуетъ повиноваться папскому распоряженію въ которомъ заключается нѣчто еретическое или что угрожаетъ потрясеніемъ всего церковнаго порядка, такъ какъ папа можетъ погрѣшать въ вѣрѣ. Папа Іоаннъ XXII, не безъ личнаго оскорбленія, узналъ, что его авторитетъ не имѣетъ особенной важности, какъ скоро онъ противорѣчитъ господствующему ученію,—и что свободное отреченіе отъ своихъ мыслей есть для него единственный исходъ. Такъ, когда онъ, въ Авиньонѣ,

сталъ проповѣдовать, что прежде всеобщаго воскресенія прав ники лишены лицезрѣнія Божія, то въ Парижѣ поднялось в общее противорѣчіе и богословы объявили такое мнѣніе не ретическимъ. Король велѣлъ объявить, при трубномъ звук осужденіе папскаго ученія и приказалъ папѣ: «онъ долженъ п пять этотъ приговоръ парижскихъ ученыхъ, которые луч знаютъ чего слѣдуетъ держаться въ дѣлахъ вѣры, чѣмъ дух ные юристы, мало и даже совсѣмъ ничего не понимающіе этомъ отношеніи. Таково было представленіе, которое съ д няго времени имѣли о куріи. Въ дѣлахъ ученія и богосл скихъ предметахъ не питали къ ней никакого довѣрія.

Какъ не разрывно были связаны между собою Ѳома Ак натъ и папская непогрѣшимость, это видно изъ упомянут спора парижскаго университета съ Монтсономъ, представител доминиканскаго ордена. Доминиканцы говорили: «ученіе Ѳо во всѣхъ своихъ пунктахъ, одобрено папами и между прочи буллою Урбана V къ тулузскому университету; так. обр. па свидѣтельствуютъ въ пользу Ѳомы, а Ѳома—въ пользу па Ѳома, ссылаясь на мнимаго своего Кирилла, учитъ: «одни пы объявляютъ, чему нужно вѣрить; они одни одобриваютъ осуждаютъ ученіе». Напротивъ университетъ насчитывает Ѳомы цѣлый рядъ заблужденій, къ числу которыхъ относит его ученіе о папской непогрѣшимости. Университетъ называ такое ученіе ересью, и это тѣмъ болѣе, что, по извѣстн опредѣленію церкви, папа долженъ аппелировать къ суду в ленскаго собора и что каждый епископъ, по божественном человѣческому праву, имѣетъ влать судить о дѣлахъ вѣ Так. обр. (въ 1388 г.) догматическая непогрѣшимость п была отвергаема первою и вліятельнѣйшею ученою корпорац и было высказано опредѣленно преимущество собора въ дѣл вѣры,—хотя, навѣрно, никто изъ парижскихъ богослововъ сомнѣвался въ истинности важныхъ, приводимыхъ Ѳомою, с дѣтельствъ.

Папы сами заботились о томъ, чтобы ихъ догматическій торитетъ былъ сомнителенъ. Самые безусловные почитат римскаго господства должны были притти въ сомнѣніе, ко они примѣтили, что въ римской церкви пѣтъ ясныхъ и о дѣленныхъ положеній касательно одного изъ самыхъ важн

ученій, отъ котораго зависитъ вся твердость религіознаго сознанія и церковной жизни,—именно касательно догмата о священническомъ посвященіи;—курія, въ этомъ вопросѣ, была въ постоянномъ колебаніи, которое сообщилось и училищу, какъ это можно видѣть изъ примѣра Петра ломбардскаго. Начиная съ 8-го столѣтія, многія законныя посвященія объявлялись въ Римѣ незаконными и предписывались „перепосвященія", такъ что къ концу 9-го вѣка итальянская церковь приведена была въ страшное смущеніе. Распространеніе симоніи подало нѣкоторымъ папамъ (нпр. Льву IX) поводъ объявить недѣйствительными многія посвященія и предпринять „перепосвященія". Это произошло вслѣдствіе ложнаго заключенія, что симонія (или полученіе и преподаніе священства за деньги) есть ересь,—которая и дѣлаетъ посвященіе не дѣйствительнымъ. Вредъ, который папы причинили этимъ, былъ безмѣрный, ибо тогда, во всей Италіи, было весьма мало священниковъ и епископовъ, которые были бы не причастны симоніи; такъ что милліоны мірянъ были введены въ заблужденіе касательно таинствъ, которыя они приняли изъ рукъ клира, неимѣющаго дѣйствительнаго посвященія. Споръ и вражда между народомъ и священниками проникла даже въ деревни; почти не было исхода изъ этого лабиринта всеобщаго религіознаго сомнѣнія и прерваннаго или разрушеннаго преемства (въ рукоположеніи). Однакожъ это было недостаточно; замѣшательство было перенесено въ Германію; объявили недѣйствительными посвященія тѣхъ епископовъ, которыхъ папы отлучили отъ церкви за ихъ преданность Генриху IV. Это случилось на соборѣ кведлинбургскомъ (1085 г.), гдѣ папскій легатъ Отто кассировалъ посвященія епископовъ майнцкаго, авсбургскаго и курскаго, хотя уже давно Петръ Даміани возвысилъ голосъ противъ такого произвольнаго уничтоженія посвященій и противъ перепосвященій. Отто (въ послѣдствіи папа Урбанъ II) объявилъ: „если бы при посвященіи даже не было никакой симоніи, то все же оно недѣйствительно, такъ какъ совершено епископомъ зараженнымъ симоніею. На синодѣ піаченскомъ онъ уничтожилъ посвященія своего противника епископа Гуиберта равенскаго,—впрочемъ только тѣ посвященія, которыя были совершены Гуибертомъ послѣ отлученія его отъ церкви Григоріемъ. Этимъ папа допустилъ грубую ошибку, будто дѣйствительность таинствъ за-

виситъ отъ церковнаго наказанія (censur). Иннокентій II сд
лалъ второй латеранскій соборъ совиновникомъ своего ложн
мнѣнія, по которому онъ объявилъ ничтожными посвяще
тѣхъ епископовъ, которые держали сторону большинствомъ к
диналовъ избраннаго, но еще прежде умершаго папы Анак
та;—это есть актъ церковнаго произвола и въ то же вр
еретическое воззрѣніе, которое не можетъ быть прикрыто д
тѣмъ предлогомъ, какимъ прикрывались прежнія „переносвя
нія“ т. е. отвращеніемъ къ симоніи. Римская церковь, не смо
ря на обличенія ея собственныхъ членовъ, постоянно впада
въ то же заблужденіе и смущала совѣсть всѣхъ вѣрующихъ
такой степени, что въ древней церкви это было-бы найдено н
стерпимымъ и была-бы отыскана помощь.

Вскорѣ послѣ Ѳомы, около конца 13 столѣтія, почувство
валась потребность въ новыхъ измышленіяхъ, на этотъ разъ в
области исторіи, чтобы защитить папскую систему. Такъ как
противорѣчія между древними историческими источниками и но
вымъ сводомъ законовъ, Граціаномъ и сборникомъ декретов
были видны каждому проницательному взору, то считали за цѣ
лесобразное представить исторію папъ и императоровъ таким
образомъ, чтобы эти противорѣчія изчезли и содержаніе свод
получило историческое подкрѣпленіе. Эту задачу взялъ на се
бя, по приказанію Климента V, доминиканецъ Мартинъ Троп
пауcкій, полякъ, котораго въ 1278 году Николай III назна
чилъ архіепископомъ гнѣзенскимъ. Онъ былъ пенитенціаръ и
капелянъ папы; всѣ юристы и канонисты должны были приве
сти его книгу въ связь съ Граціаномъ и декреталіями, а бо
гословы съ библейскою исторіею Петра Коместора. Изъ всѣхъ
историческихъ произведеній среднихъ вѣковъ эта книга была
самою распространенною и въ то же время наиболѣе исполнен
ною баснями и ложью. Многіе изъ содержащихся въ ней вымы
словъ суть просто произведенія недостатка историческаго смыс
ла и господствовавшаго, со времени появленія нищенствующихъ
орденовъ, легковѣрнаго исканія чудеснаго. Папы изображались
въ ней, точно также какъ и въ римской книгѣ папъ, но еще
въ сильнѣйшей степени, повелителями и законодателями для всей
церкви; Псевдо-Исидоровы вымыслы и Граціанъ были въ ней
подтверждены, въ ея исторіи папы являлись выше императо-

ровъ. Книга являетъ собою шагъ назадъ въ области бытописанія. Вообще въ это время, подъ вліяніемъ нищенствующихъ монаховъ, и прежде всего доминиканцевъ, съ ихъ безграничнымъ вѣрованіемъ въ чудеса и стрѣмленіемъ выставить систему папизма существующею уже въ прежніе времена и при прежнихъ обстоятельствахъ, историческія знанія отъ 13 до 15 столѣтія существенно затемнились и опустились ниже той ступени, на которой стояли уже въ 12 столѣтіи. Одинъ такой фактъ, что столь вопіюще дурная и наполненная отъ начала до конца ложью книга, каковъ трудъ Мартина, могла достигнуть всеобщаго значенія и имѣть такое вліяніе, служитъ уже яркимъ свидѣтельствомъ этого упадка.

Подобную же цѣль (представить исторію императоровъ и церкви сообразно григоріанской системѣ папизма) преслѣдовалъ доминиканецъ Толомей луккскій, библіотекарь папскаго престола, котораго Іоаннъ XXII назначилъ въ 1318 г. епископомъ торцельскимъ. Его церковная исторія (до 1313 г.) гораздо богаче содержаніемъ тощаго очерка Мартина и написана съ гораздо большимъ умомъ и ловкостью. Тоже самое нужно сказать и о его продолженіи начатаго Ѳомою учебника политики и лѣтописяхъ, начинающихся 1026 годомъ. Главный трудъ Толомея похожъ на комментарій къ кодексу Граціана, или къ Псевдо-Исидору, съ которымъ онъ знакомъ однако только изъ Граціана. Для первыхъ двѣнадцати столѣтій его трудъ служитъ собственно попыткою превратить въ связную исторію вымыслы и поддѣлки Псевдо-Исидора и Граціана и сборникъ декреталій. Какъ на примѣръ его обращенія съ церковною исторіею будетъ достаточно указать на то, что по его описанію папа Вигилій съ ненарушимымъ величіемъ держалъ въ Константинополѣ пятый вселенскій соборъ, причемъ императоръ Юстиніанъ съ безупречнымъ почтеніемъ единодушно дѣйствовалъ съ нимъ за одно. Такъ писалась при папской куріи исторія! Особенно являлись въ ней основанными какъ бы на исторіи принципы и притязанія Рима на господство надъ нѣмецкою имперіею, на выборы короля и императора.

Тогда уже совершался мало помалу переходъ папства въ руки французовъ. Неизвѣстное въ древней церкви легатство, (вдвинутое въ церковную систему при помощи искаженнаго ка-

нена уже Граціаномъ, черезъ которое папы могли господствовать надъ мѣстными церквами и облагать ихъ податью) было въ полномъ цвѣту. Папы, уничтоживъ изъ за нижне-итальянскаго королевства домъ Штауфеновъ, пересадили въ Италію французскую династію и французское вліяніе. Заключенныя съ норманнами ленныя отношенія не могли служить юридическимъ оправданіемъ подобной мѣры, нужно было найти другое основаніе. Вслѣдствіе этого Толомей докладываетъ намъ, что это королевство папы получили отъ Константина въ управленіе и могутъ располагать имъ совершенно свободно. Такимъ образомъ вся церковная исторія его представлена такъ, какъ это нужно было для куріи и доминиканцевъ въ 1313 году. Начиная словами: „I. Христосъ былъ первый папа“ онъ далѣе остается вѣренъ своей программѣ. Слѣдующимъ папою былъ Петръ и его ученики основали всѣ главныя церкви въ Италіи и Галліи.

Толомей-же былъ первый, распространившій, въ интересахъ папскихъ, басню о поставленіи курфирстовъ папою Григоріемъ V въ 995 г. Это было дополненіе къ придуманной папами Александромъ III и Иннокентіемъ III теоріи о передачѣ правъ (Translationstheorie). Иннокентій III объявилъ, что папы отобрали императорскую власть отъ грековъ и передали ее франкамъ, чтобы имѣть вслѣдствіе этого лучшую охрану. Съ Карломъ, говоритъ Толомей, былъ положенъ, по повелѣнію церкви, конецъ царству греческому. Бонифацій VIII довелъ нѣмецкаго короля Альбрехта даже до того, что тотъ даже формально призналъ: „будто императорство дѣйствительно передано папами, будто они даютъ государямъ право избранія и даруютъ королямъ и императорамъ власть свѣтскаго меча. Къ этому присоединились еще новыя притязанія, приведенные въ исполненіе сперва Климентомъ V,—что будтобы папа наслѣдуетъ императорскую власть въ томъ случаѣ, если тронъ упразднится и что всякій императоръ долженъ приносить папѣ клятву въ вассальной вѣрности. Этими притязаніями тотчасъ же воспользовался Іоаннъ XXII въ своей борьбѣ съ императоромъ Людовикомъ: онъ извлекъ изъ нихъ дальнѣйшій выводъ и сейчасъ же примѣнилъ его къ дѣлу, объявивъ что вслѣдствіе упраздненія императорскаго трона онъ, какъ папа, долженъ быть правителемъ государства. Граціанъ и декреталіи были для подобныхъ цѣ-

лей куріи уже недостаточны, поэтому къ многочисленному классу папскихъ придворныхъ юристовъ и богослововъ, каковы были Тріонзно и Эгидій Колунна, должны были присоединиться еще придворные исторіографы, каковы Мартинъ и Толомей.

Для нѣкоторыхъ странъ и помѣстныхъ церквей были необходимы еще особенныя измышленія, вслѣдствіе которыхъ ихъ исторія была бы измѣнена въ пользу папской системы. Это совершено относительно Испаніи. Здѣсь занятіе историческими подделками было наиболѣе цѣлесообразно.

Древняя испанская церковь, не отвергая примата римскаго престола, всетаки имѣла относительно его самостоятельное положеніе. Правильно собираемые соборы этой церкви творили судъ надъ епископами и митрополитами; при случаѣ они противорѣчили папамъ въ дѣлахъ вѣроученія, какъ напр. сдѣлалъ это толедскій соборъ 688 г. противъ папы Венедикта, подвергнувъ его посланіе рѣзкой критикѣ и упрекая его самаго въ томъ, что онъ «безстыдно противорѣчитъ отцамъ церкви» Со времени вторженія арабовъ до исхода одинадцатаго столѣтія испанская церковь вела самостоятельную жизнь. Римъ вліялъ на нее изрѣдка и только черезъ большія промежутки. Архіепископъ Діего Гельмирецъ, ревностный адвокатъ григоріанской системы, свидѣтельствуетъ еще въ началѣ 12 столѣтія слѣдующее: «тогда (въ прошломъ столѣтіи) ни одинъ испанскій епископъ неподчинился и не платилъ дани церкви римской; испанская церковь слѣдовала толедскимъ, а не римскимъ законамъ.

Такое положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу Рима вслѣдствіе вліянія клунійскихъ монаховъ, которые заняли монастыри и епископскія каѳедры, вслѣдствіе дѣятельности французскихъ королевъ и политики нѣкоторыхъ королей, искавшихъ въ Римѣ помощи. Григорій VII—утверждалъ, что Испанія издревле есть папская собственность, точно также какъ онъ думалъ, что могъ бы требовать Венгріи, Россіи, Прованса и Саксоніи. Если это и не имѣло дальнѣйшаго успѣха, то всетаки ему удалось въ 1085 г. уничтожить мозарабійскій обрядъ богослуженія и ввести римскій. Епископомъ толедскимъ сдѣлался одинъ французскій клуніанецъ и въ продолженіи полутора столѣтія, до средины тринадцатаго вѣка, работали очень усердно надъ подчиненіемъ ис-

папской церкви. Для этой цѣли были употреблены историческіе вымыслы, которые были совершены сперва епископомъ Пелайо овіедскимъ,—а потомъ епископомъ Лукою туійскимъ. Первый исказилъ хронику Сампиро, выдумалъ посольство испанской церкви къ папѣ Іоанну VIII, декреты этаго папы и созванный по его распоряженію соборъ овіедскій и др. Вымыслы Луки еще большаго объема и еще болѣе расчитаны; онъ жестоко исказилъ древнѣйшую исторію Испаніи. Чтобы выставить испанскую церковь уже въ прежнее время вполнѣ зависимою отъ Рима,—онъ сдѣлалъ изъ архіепископа Леандра папскаго легата и исказилъ всю исторію Исидора, который у него назначается якобы папою Григоріемъ въ должность папскаго викарія. Несчастіе Испаніи и паденіе готскаго царства мотивируются выдуманною Лукою, вполнѣ ложною исторіею короля Витицы, который будто бы запретилъ испанскому народу слушаться папу подъ страхомъ смертной казни.

Въ богословіи отъ начала 14 столѣтія пользовались уваженіемъ мѣста изъ Псевдо-Кирилла и выдуманные соборные каноны, которые, вслѣдствіе поруки Ѳомы, были защищены отъ всякаго подозрѣнія. Замѣчательно, что со времени появленія труда Тріюмфо (1320) до 1450 г. не было написано ни одного сочиненія, которое посвящалось бы изображенію папской системы. Но теперь борьба между базельскимъ соборомъ и папою Евгеніемъ вызвала произведеніе кардинала Торквемады и другіе менѣе значительные труды. Трудъ Торквемады,считавшійся до Беллярмина самою основательною апологіею папской системы, основывается вполнѣ на происшедшихъ со времени Псевдо-Исидора вымыслахъ и особенно на Псевдокириллѣ. Не признавать авторитета Ѳомы, такъ выразился кардиналъ, еще можно, но недовѣрять свидѣтельству Кирилла—это не можетъ быть терпимо. Папа непогрѣшимъ; власть епископская или дается папою или происходитъ отъ него. Рѣшенія синода безъ его согласія недѣйствительны. Эти главныя положенія Торквемады доказываются вымышленными мѣстами изъ Климента, халкидонскаго собора, Кирилла и массою иныхъ придуманныхъ, или искаженныхъ свидѣтельствъ. По этимъ же слѣдамъ шли во время Льва X и Климента VII кардиналы Ѳома де Фіо или Каэтанъ и Якобацци. Мелхіоръ Кано основывался уже твердо, вслѣдствіе ручательства

ны, на Кириллѣ, точно также и Беллярминъ и слѣдующіе за нимъ іезуиты. Только уже доминиканцы Николай, Ле Квиенъ, ...етифъ и Ехардъ открыто признали, что ихъ учитель Өома былъ обманутъ; а чрезъ него были обмануты и слѣдовавшіе за нимъ богословы и канонисты; іезуиты-же, и даже такой ученый какъ Лаббе, напротивъ того, скорѣе готовы были оставить псевдоисидоровскія декреталіи, но всетаки рѣшились твердо держаться Кирилла. Въ Италіи еще въ 1713 году болонскій профессоръ Андруцци приводитъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ патріарха Досифея вымышленныя мѣста Кирилла, какъ неопровержимый аргументъ.

Ко всѣмъ этимъ средствамъ, на которыя опиралась свѣтская власть папы и которыя все болѣе и болѣе утверждали представленіе ея непогрѣшимости,--присоединились еще запрещенія (Interdicte), налагаемыя папами часто на цѣлыя страны. Говорилось, что намѣстникъ Божій на землѣ можетъ поступать также какъ и самъ Богъ, который изъ за немногихъ преступныхъ подвергаетъ вмѣстѣ съ ними карѣ и многихъ невинныхъ; кто-же можетъ прекословить ему? Папа стоитъ подъ руководствомъ Божіимъ и его дѣянія нельзя измѣрять обыкновеннымъ маштабомъ человѣческой справедливости. Такимъ образомъ, принимая, что поступки папъ внушаются небомъ, выводили заключеніе о непогрѣшимости папъ и обратно. Папы объявили, впрочемъ, въ новомъ уложеніи, въ шестой книгѣ свода декреталій: запрещеніе влечетъ за собою вредныя для религіозности народа послѣдствія; распространяется нечестіе, появляются ереси, возникаютъ безчисленныя опасности для души и церковь теряетъ подобающія ей приношенія (Oblationen)." Однако, несмотря на эти признанія, папы еще чаще обращались къ запрещеніямъ; запрещеніе постигшее Германію во время долгой борьбы съ императоромъ Людвигомъ баварскимъ, было продолжительнѣе всѣхъ предъидущихъ. Казалось, хотѣли съ корнемъ вырвать изъ чувствъ людей ученіе о правахъ христіанина и научить ихъ смотрѣть на себя, какъ на лишенное воли папское стадо, или, какъ сказалъ Альваро Пелайо: „прибѣгать отъ мести папы къ его милосердію, въ которомъ однакоже было часто отказываемо." Подобный образъ дѣйствія имѣлъ, смотря по національности, очень различныя вліянія. Въ то время, какъ одни начинали все болѣе и болѣе сбиваться съ

толку относительно столь жестоко злоупотребляемаго папств
таким образом было брошено то сѣмя, которое дало пл
спустя полтора столѣтія; другіе же укрѣпились еще болѣе
той идеи, что папство, подобно Божеству, есть полная та
ственности сила, о которой не слѣдует умствовать, пути кото
неисповѣдимы, но которая освѣщается свыше свѣтом, дѣйству
по божескому внушенію и потому мы должны слѣпо до
ряться ей.

Как это ни отзывается парадоксом, но всетаки это исто
ческій факт, что чѣм сомнительнѣе и болѣе отталкивающ
становились поступки пап съ изъятіями, привилегіями,
дульгенціяти и. т. п., чѣм болѣе расшатывалась церк
тѣм живѣе ощущали благочестивые люди потребность убѣг
от собственных сомнѣній под кров папской непогрѣшимос
Вслѣдствіе простых христіанских чувств, они должны
были порицать это и многое другое в церкви, как злоупот
бленіе. Но тогда в них сново подымалось удержанное
юности представленіе, что папа есть господин и повелит
церкви, которому никто не смѣет противорѣчить, и у котор
никто не может требовать отчета. Такое представленіе замѣ
уже в концѣ двѣнадцатаго столѣтія у Петра Контора,
торый замѣчает. „Конечно, нельзя не опасаться, что-бы „па
кія изъятія“ не произвели всеобщаго отдѣленія от духовн
царства Рима, ибо библейски оправдывать его нельзя.
желаніе порицать дѣлаемое папою будет святотатство. Б
не допустит римскую церковь заблудиться; слѣдовател
должно принять, что папа дѣлает эти вещи по внушенію
Духа, чтобы, по удаленіи всѣх церковных предстоятел
царствовать наконец одному.

И вот в пятнатцатом столѣтіи церковь пришла в та
состояніе, что неизбѣжно должна была вызвать сомнѣніе
самых ревностных почитателях папской системы.

Долгое раздѣленіе церквей, которое болѣе сорока л
представляло міру новое зрѣлище враждебных, двух проклин
щих друг друга пап и двух курій, французской в Авинь
и итальянской,—разшатало авторитет, считавшійся еще
послѣдних папах, около 1376 г., за непреодолимый;
пораженіе понесенное папством в лицѣ Бонифація VIII

-ната столѣтія уже почти изгладилось изъ памяти людей -слѣдствіе позднѣйшей побѣды, одержанной вскорѣ папствомъ -дъ Германіею и императоромъ Людвигомъ. Къ томуже это -рвое пораженіе замѣчаемо было болѣе въ школѣ и въ сочине-ніяхъ французскихъ юристовъ, нежели въ жизни. Долго исхо-дили кровію имперія и нѣмецкое національное единство отъ -ны, нанесенной имъ папскою, упорно преслѣдуемою политикою. Нѣмецкая церковь окончательно разучилась смотрѣть на себя, -къ на органическое цѣлое; она совершенно забыла, что были -жде нѣмецкіе національные соборы. Опытъ съ девизомъ: „раздѣляй и повелѣвай" былъ прежде всего произведенъ надъ нѣмецкою церковью и вполнѣ удался.

Раздѣленіе было плодомъ борьбы двухъ національностей изъ -за обладанія папствомъ. Итальянцы хотѣли снова пріобрѣсти -го, Французы не дозволяли отнять его у себя. Такимъ образомъ произошло, что западный міръ дѣлился отъ 1378 до 1409 г. на двѣ, а съ 1409 до 1415 на три паствы. Подъ именемъ Урбана VI былъ выбранъ одинъ неаполитанецъ; первая же не-большая попытка реформы, которую онъ сдѣлалъ, подала поводъ къ появленію раздѣленія. Вскорѣ по своемъ вступленіи въ -санъ первосвященника онъ объявилъ отлученіе отъ церкви тѣмъ кардиналамъ, которые оказались бы виновными въ симоніи. Но симонія давно уже стала для римской куріи насущнымъ хлѣбомъ, -безъ нея машина церковнаго управленія должна была остановиться и затѣмъ распасться. Съ своей точки зрѣнія, кардиналы были совершенно правы, утверждая, что они не могутъ обойтись безъ симоніи. Вслѣдствіе этого они отстали отъ Урбана и выбрали себѣ въ папы человѣка по сердцу Климента VII. Урбанъ, или Климентъ выбранъ былъ по закону? объ этомъ никто не зналъ. Въ сущности при избраніи обоихъ происходили такія вещи, которыя дѣлали избраніе ихъ недѣйствительнымъ. Адвокаты обѣихъ сторонъ неопровержимо доказывали, что папа противной стороны не имѣетъ никакаго права на признаніе. Въ числѣ партій на той и на другой сторонѣ стояли такія личности, которыя позднѣе были всею церковью причислены къ лику святыхъ, но которыя въ то время взаимно проклинали другъ друга. На французской сторонѣ были: Петръ люксембургскій и Винценсъ Ферреръ, на итальянской Екатерина сіенская и

Екатерина шведская. А между тѣмъ существовали двѣ папс
куріи, двѣ кардинальскія коллегіи, каждая курія съ уменьш
ными доходами, и поэтому рѣшившаяся безъ конца вертѣ
рукоятку папскихъ вымогательствъ, неутомимая въ изобрѣте
новыхъ духовныхъ средствъ пріобрѣтенія и въ возвышеніи средст
уже употреблявшихся.

Придуманныя куріею въ теченіи столѣтій карательныя мѣр
формулы отлученія и проклятій, употребляемыя ею въ борь
съ свѣтскими государями, нынѣ употреблялись однимъ пап
противъ своего соперника. Папа одной партіи, величаемый свои
приверженцами какъ супругъ и господинъ всей церкви, ка
намѣстникъ Бога на землѣ, какъ непогрѣшимый учитель хрис
анства, въ сочиненіяхъ и на каѳедрахъ другой паствы называл
отверженнымъ отступникомъ, ересіархомъ, антихристомъ, идоло
вѣчнаго осужденія.

Для всѣхъ приверженцевъ папской непогрѣшимости полож
ніе было мучительное. Они находились въ бѣзвыходномъ лаб
ринтѣ. Представленіе о папской непогрѣшимости заставля
ихъ принимать, что опредѣленная личность, одна владѣющ
всяческими истинами, дающая всей церкви увѣренность и бе
пасность въ ея вѣрованіяхъ, должна быть извѣстною безъ сомн
нія. Вслѣдствіе этого нужно было, чтобы относительно личн
сти истиннаго папы существовало также мало неизвѣстнос
какъ и относительно библейскихъ книгъ. Теперь же каждый
глубинѣ души своей долженъ былъ признаться, что только так
случайное обстоятельство, какъ жительство въ той или друг
странѣ, дѣлаетъ изъ него приверженца того или другаго пап
о законности котораго онъ зналъ только то, что его отвергае
другая половина христіанства; испанцы и французы признава
Климента VII или Венедикта XIII; англичане же и итальян
вѣрили въ Урбана VI или Бонифація IX. Еще болѣе ухудша
дѣло то обстоятельство, что древнее, постоянно питаемое
часто подтверждаемое папами мнѣніе о недѣйствительности таинст
и посвященій внѣ папскаго общенія существовало еще у мн
жества людей и особенно въ Италіи. Папскій секретарь Коллюк
Салютато рисуетъ въ рѣзкихъ чертахъ всеобщую неизвѣстнос
страхъ совѣсти, произведенныя церковнымъ раздѣленіемъ. Буду
папистомъ, онъ выводитъ заключеніе: такъ какъ всякая церковн

власть исходитъ отъ папы, неправильно-же избранный папа самъ ни какой власти не имѣетъ, а слѣдовательно и раздавать ее не можетъ, то поэтому всѣ посвященныя со времени смерти Григорія XI епископы и священники не могутъ совершать таинствъ. Поэтому, говоритъ Коллюкціо, когда вѣрующій принимаетъ евхаристію, освященную пресвитеромъ, посвященнымъ въ схизмѣ, то онъ поклоняется кумиру. Итакъ вотъ каково было состояніе западной церкви! Къ счастію, во Франціи, Англіи, Германіи и Испаніи смотрѣли на условія дѣйствительности посвященія и таинствѣ иначе, нежели въ Италіи и при папской куріи.

Люди, имѣвшія собственныя познанія объ устройствѣ древней церкви, поняли что вся путаница, для которой въ теченіи 30 лѣтъ не находили цѣлебнаго средства, коренится въ григоріанской системѣ. Пробудилось могучее стремленіе къ епископальной системѣ насколько еще можно было разпознать ее изъ подъ груды искаженій и затемненій, господствовавшихъ тогда въ церковной исторіи. Чувствовали, что древняя система сдѣлала бы невозможными такія униженія и опустошенія въ церкви, какія нынѣ переживали. Все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что вселенскій соборъ можетъ послужить дѣйствительнымъ средствомъ не только къ возстановленію церковнаго единства, но также и къ ограниченію папскаго деспотизма. Нѣмцы Генрихъ Фонъ Лангенштейнъ и Николай Куза, французы: д-Аилли Герсонъ, Клеманжъ итальянецъ: Царабелла, испанцы: Ескобаръ и Іоаннъ фонъ-Сеговія пришли къ концѣ 14 и въ началѣ 15 столѣтій къ одинаковымъ въ сущности результатамъ, что церковь должна подняться, оковы, наложенныя на нее куріальною системою, должны разбить и церковь преобразоваться какъ въ частяхъ своихъ, такъ и въ цѣломъ. Съ нѣкотораго времени все выдававшееся въ церкви по уму и знаніямъ высказалось за права церкви и права свободныхъ соборовъ противъ папства. Даже голоса тѣхъ, которые на столь ужасно обезображенное и злоупотребляемое учрежденіе, какъ римскій престолъ,—смотрѣли, какъ на нѣчто неизбѣжное, даже эти голоса стали громки, хоть и недѣйствительны, общественное мнѣніе постоянно сознавало необходимость существованія папскаго престола, но также сознавало и безотлагательность его очищенія и ограниченія.

Первая попытка собрать дѣйствительный и свободный соборъ

удалась. Вмѣсто употреблявшихся въ теченіи трехъ столѣтій кажущихся соборовъ, на которое епископы приходили только для того чтобы выслушать папскіе декреты и затѣмъ привести ихъ домой,—былъ въ Пизѣ въ 1409 году собранъ соборъ изъ духовенства цѣлой Европы, на которомъ можно было открыто говорить и безъ принужденія голосовать. Современникамъ казалось уже дѣломъ огромной важности то обстоятельство, что онъ смѣнилъ двухъ папъ, Григорія XII и Венедикта XIII, и выбралъ третьяго Александра V. Но этимъ сила собора была исчерпана; одно только присутствіе папы, (имъ же самимъ избраннаго), и преданныхъ ему кардиналовъ, недопустило уже до попытки улучшенія церкви. Реформы, обѣщанныя Александромъ были незначительны. Такъ какъ оба другіе папы не подчинились рѣшеніямъ собора, то такимъ образомъ явилось уже три главы церкви какъ нѣкогда въ 1048 г.; впрочемъ паства соборнаго папы была значительно больше другихъ.

Чтобы уронить папскую систему должны были, какъ замѣчаетъ современникъ, выбрать въ папы самаго ничтожнаго, обезславленнаго человѣка. Балтазаръ Косса (Іоаннъ XXIII) былъ этимъ папою, признаннымъ до самаго дня его смѣщенія большинствомъ западнаго христіанства. Для достиженія дѣйствительной побѣды не только лично надъ папами, но и надъ папствомъ вообще нужно было такое собраніе, каковъ былъ *Констанцкій соборъ* (1414—1418). Онъ былъ многолюднѣйшій изъ всѣхъ когда либо видѣнныхъ на западѣ; на немъ кромѣ 300 епископовъ находились выборные отъ 15 университетовъ и 300 докторовъ; слѣдовательно, на немъ находились люди, не бывшіе въ затруднительномъ положеніи преобразовывать тѣ злоупотребленія, которымъ они сами обязаны были своими достоинствами и приходами. На этомъ собраніи подача голосовъ была принята не поголовная, и по націямъ, ибо иначе все разбилось-бы о массу итальянскихъ епископовъ, ставившихъ своею естественною задачею поддержаніе папской системы, куріи и ея источниковъ дохода. Въ Италіи порча церкви и моральная лѣность была сильнѣе, нежели у какого либо другаго народа и по этому, какъ замѣчено позднѣе, итальянскіе епископы упорнѣе всѣхъ сопротивлялись всякому врачеванію церкви, всякой реформѣ.

Съ констанцскимъ соборомъ взошла для *нѣмецкаго народа*

звѣзда надежды. Народъ былъ бы счастливъ, если-бы на соборѣ были люди, съумѣвшіе тотчасъ-же воспользоваться выгодою положенія и удержать ее. Новый король Сигизмундъ, исполненный чистосердечнаго желанія помочь тяжко болѣющей церкви, съумѣлъ такъ умно повести дѣло съ угрожаемымъ въ Италіи папою Іоанномъ, что принудилъ его избрать для собора нѣмецкій городъ Констанцъ, куда прибылъ, хотя и не безъ сопротивленія, и самъ папа. Въ теченіи 300 лѣтъ нѣмцы были оттѣснены французами и итальянцами отъ участія въ общихъ дѣлахъ церкви. Теперь же они были именно тою націею, которая на ряду съ англичанами была наименѣе виновна въ бѣдахъ раздѣленія, ибо курія состояла почти всегда изъ итальянцевъ и французовъ; нѣмецкаго элемента, даже въ ничтожномъ числѣ, тамъ никогда не было. Грѣшили болѣе надъ нѣмецкимъ клиромъ, нежели онъ самъ грѣшилъ: въ Германіи церковная порча стала вопіющею и невыносимою, но она не была туземнымъ произведеніемъ германскаго народа, а была, подобно язвѣ, принесена съ юга и затѣмъ, вслѣдствіе разстройства церковнаго организма, стала постоянною.

Констанцкій соборъ въ своихъ знаменитыхъ декретахъ четвертаго и пятаго засѣданія объявилъ, „Всякій, законно созванный соборъ, получаетъ свою власть непосредственно отъ І. Христа какъ въ дѣлахъ вѣры и уничтоженіи, раздѣленій, такъ и въ реформаціи цѣлой церкви и частей ея; всякій, въ томъ числѣ и папа, подчиняется ему:“ Ни одного голоса не поднялось противъ этого рѣшенія.

Это постановленіе, чреватое послѣдствіями, какого не дѣлалъ еще ни одинъ соборъ, весьма древне по своей мысли; ибо это было воззрѣніе церкви до Лжеисидора. Но современникамъ это казалось смѣлымъ новшествомъ,—такъ могучь былъ (въ долгій періодъ) обратный потокъ, такъ высоко было положеніе папъ надъ униженно — молчаливыми и послушными синодами отъ 1179 года до 1311! Соборъ могъ по праву назвать себя вселенскимъ; ничтожные, тогда еще не соединившіеся обломки обѣихъ другихъ паствъ не могли оспаривать у него этого преимущества. Григорій XII и Венедиктъ XIII были оставлены своими кардиналами и всѣ причислявшіе себя къ римской церкви, приняли на этомъ соборѣ участіе.

Если папа въ дѣлахъ вѣры подчиненъ собору, то слѣдовательно онъ не есть непогрѣшимъ, слѣдовательно соборъ, а не папа есть представитель церкви, носитель данныхъ Христомъ обѣтованій; папа безъ собора можетъ ошибаться и можетъ быть судимъ соборомъ за свои заблужденія. Этотъ выводъ былъ ясенъ и неопровержимъ. Кардиналамъ же казалось сомнительнымъ не постановленіе о дѣлахъ вѣры, но реформація декретовъ. Что папа, въ случаѣ если онъ впадетъ въ ересь, подлежитъ суду церкви, слѣдовательно собора,—это было (современи принятія бонифаціева конона въ уложеніе) принятою безъ возраженій теоріею, которую конечно, нельзя, было согласить въ предполагаемомъ (въ томъ-жеуложеніи) ученіемъ о папской непогрѣшимости. Однако и кардиналы не осмѣлились отказать въ своемъ согласіи этому столь грозному для куріи декрету.

Рѣшенія констанцкаго собора представляютъ самое необычайное событіе во всей догматической исторіи христіанской церкви. Что они должны быть понимаемы, какъ вѣроположенія, какъ догматическій законъ о церковной власти, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія по самому смыслу словъ. Этимъ папская система отрицалась въ самой своей основѣ; она молчаливо, но въ тоже время краснорѣчиво обозначалась какъ заблужденіе и злоупотребленіе. Но эта система была господствующею въ теченіи столѣтій, ее учили въ законахъ и въ школахъ богослововъ-монаховъ, особенно ѳомистовъ; она предполагалась сама собою или ясно высказывалась во всѣхъ папскихъ объявленіяхъ и рѣшеніяхъ, этихъ новыхъ источникахъ церковныхъ законовъ. Теперь же не поднялось ни одного голоса въ пользу ея, никто не противорѣчилъ констанцскому ученію, никто не протестовалъ.

Состояніе церкви сдѣлалось столь неестественнымъ и чудовищнымъ, столь далеко перешагнуло за черту человѣческой погрѣшимости и слабости; постоянное нарушеніе законовъ божескихъ и человѣческихъ было столь открытымъ и общимъ, что всякій видѣлъ по чьей винѣ произошелъ такой порядокъ дѣлъ. Ясно было что виноваты тутъ не личности, но цѣлая система, абратившая все церковное управленіе въ финансовую машину и огромную денежную спекуляцію; изъ свободной церкви она сдѣлалась абсолютически правимое и олигархически истощаемое царство принужденія. Когда кардиналы въ посланіи къ

папѣ Григорію въ 1408 году говорили: „отъ головы до ногъ въ церкви нѣтъ ни одного здороваго мѣста", то если бы они хотѣли говорить открыто, въ такомъ случаѣ должны были-бы прибавить: это мы, наши товарищи и твои предшественники, это курія—напояютъ постоянно моральнымъ ядомъ церковь и потому теперь она тяжко болѣетъ.

Конечно, только немногіе ясно сознавали великость зла и истинныя причины его, но эти немногіе опредѣленно высказывали то, что смутно чувствовалъ каждый. Реформы цѣлаго и частей его были общимъ лозунгомъ всей Европы и каждый понималъ это такъ: прежде всего нужна реформа для папскаго престола, какъ главы, и тогда уже возможна реформа частей. Всѣ сознавали, что доброй воли нѣкоторыхъ папъ было для этого недостаточно, что она была безсильна и что на этотъ разъ реформація означала измѣненіе системы. Передъ этою очевидностію должна была умолкнуть мудрость обѣихъ школъ, канонистовъ и орденскихъ богослововъ, построенная на случайныхъ основаніяхъ. Они должны были молчать, или, какъ Тудешн и нѣкоторые доминиканцы, подавать голосъ за констанцскіе декреты. Общественное мнѣніе всего христіанскаго міра, созрѣвшее вслѣдствіе сорокалѣтнихъ разсужденій въ Парижѣ, Авиньонѣ, Римѣ, Пизѣ и въ нѣмецкихъ университетахъ, было слишкомъ могущественно.

Выбранный соборомъ папа могъ только согласиться съ нимъ. Конечно, онъ былъ ревностный приверженецъ Іоанна XXIII и только въ послѣднее мгновеніе оставилъ его и присоединился къ синоду. Но теперь онъ сталъ папою чрезъ отрѣшеніе своего предшественника, а это отрѣшеніе совершилось на основаніи новаго декрета, слѣдовательно въ силу епископальной системы. Іоаннъ былъ отрѣшенъ (послѣ формально веденнаго противъ него изслѣдованія) не за то, что стоялъ поперегъ дороги къ соединенію церквей, а за свое вѣроломное непослушаніе собору и за свои преступленія. Особенное подтвержденіе этого декрета Мартиномъ V казалось, тогда вполнѣ излишнимъ, даже превратнымъ. Это было бы подобно тому, если бы сынъ сталъ утверждать своего отца, ибо только вслѣдствіе этого декрета онъ сдѣлался папою. Если бы онъ вознамѣрился какъ нибудь нарушить его, то онъ долженъ бы былъ тотчасъ же отказаться отъ папства

и передать свое мѣсто смѣщенному папѣ. Ему было ясно, что онъ не могъ дѣлать, подобно своимъ предшественникамъ, притязаній—быть повелителемъ всей соединенной на соборѣ, или представляемой имъ церкви. Онъ ясно высказалъ это въ своей буллѣ противъ ученія Виклефа. Относительно положенія: „главенство римской церкви надъ другими церквами не принадлежитъ къ сущности ученія о спасеніи“—папа выразился: если Виклефъ подъ римскою церковью понимаетъ вселенную церковь, или соборъ, или если онъ отрицаетъ приматство папы надъ другими помѣстными церквами—то это заблужденіе, При концѣ собора Мартинъ V объявилъ, что онъ подтверждаетъ всѣ постановленія, совершенныя въ Констанцѣ, соборнѣ. Этимъ онъ хотѣлъ отказать въ своемъ согласіи двумъ опредѣленіямъ составленнымъ не въ полномъ засѣданіи собора, но въ конгрегаціяхъ отдѣльныхъ націй. Первое опредѣленіе касалось аннатъ (т. е. ежегодной подати въ пользу папской казны отъ лицъ получившихъ инвеституры на высшія церковныя должности, а второе—книги доминиканца Филькенберга. Двѣ другія паствы, присоединившись позднѣе къ собору, признали тѣмъ самымъ его рѣшенія и декреты, какъ это ясно видно изъ провозглашеннаго на двадцатомъ засѣданіи нарбонскаго конкордата.

Когда удалось смѣщеніе Іоанна и Григорій XII отказался отъ папства, тогда наступилъ моментъ раздѣленія германцевъ и романцевъ. Нѣмцы и англичане желали, чтобы прежде нежели будетъ приступлено къ выбору новаго папы, была разрѣшена важнѣйшая и труднѣйшая задача собора-реформація церкви. На примѣрѣ бывшаго въ Пизѣ собора уже видѣли, что избраніе новаго папы тотчасъ же уничтожитъ всякіе новые реформаціонные планы. Но кардиналы, а съ ними итальянцы и французы, (послѣдніе изъ ревности къ могуществу нѣмецкаго короля Сигизмунда,)—настояли на томъ, чтобы выборъ папы былъ сдѣланъ предъ реформою. Умно, храбро и твердо спорилъ Сигизмундъ за дѣло церкви, государства и нѣмецкаго народа, который тогда по праву называлъ себя „богобоязненною, терпѣливою, смиренною, но не безсильною націею.“ Если бы она имѣла поменьше терпѣнія и смиренія, но зато побольше той силы, которая дается согласіемъ, то не потерпѣла-бы церковнаго и національнаго пораженія въ 1417 г., не было бы религіозной разрозненн-

юсти народа, не вызвалась бы тридцатилѣтняя война и многое другое. Кардиналы, а съ ними романцы побѣдили, доведя англичанъ до отпаденія и подкупивъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ прелатовъ, какъ напр. архіепископа рижскаго, епископовъ курскаго и левтомышльскаго. Но въ первыя же недѣли по избраніи новаго папы Мартина V, курія и куріализмъ были снова въ полномъ цвѣту. Новыя правила, тотчасъ же обнародованныя Мартиномъ, должны были открыть глаза близорукимъ Французамъ и показать имъ, что въ дѣлѣ бенефицій (т. е. недвижимостей, предоставленныхъ въ пользу римскаго духовенства) будетъ удержана цѣлая масса злоупотребленій и вредныхъ финансовыхъ мѣръ.

Только немногія реформаторскія распоряженія были приведены въ исполненіе; самыя тяжкія раны и нарывы на тѣлѣ церкви остались нетронутыми. Мартинъ съумѣлъ нѣкоторыми переговорами о спеціальныхъ договорахъ раздѣлить націи. Оба конкордата, заключенные имъ съ одной стороны съ нѣмецкими государствами, а съ другой съ романскими націями,—касались преимущественно замѣщенія мѣстъ и предоставляли папѣ такія вещи, которыя давно уже и всѣми считались гнусными злоупотребленіями какъ напр. столь вредныя по своему нравственному характеру аннаты, заставлявшія клиръ входить въ долги. Большая часть статей была написана такимъ образомъ, что всегда оставалась лазейка для старыхъ злоупотребленій. Папская система была возстановлена въ жизни и въ практикѣ со всѣмъ относящимся къ ней.

Однако принципъ реформы—(епископальная система)—еще жилъ въ рѣшеніяхъ четвертаго и пятаго засѣданій и долгое время никто не осмѣливался его оспоривать. Оставалась еще одна надежда, а именно, что по рѣшенію констанцскаго собора чрезъ пять лѣтъ уже долженъ былъ собраться новый синодъ и затѣмъ на будущее время черезъ каждыя десять лѣтъ долженствовалъ быть вселенскій соборъ. Мартинъ V показалъ, что онъ считаетъ долгомъ повиноваться этому рѣшенію и дѣйствительно созвалъ въ 1423 году соборъ сперва въ Павіи, а потомъ въ Сіенѣ. Но едва появились здѣсь признаки реформаторскихъ стремленій, какъ онъ распустилъ его „по причинѣ-де ничтожнаго участія“ на немъ; однако не задолго до своей смерти онъ предписалъ собраться собору въ Базелѣ. Евгеній IV, обязанный къ этому

уже въ конклавѣ, не могъ не принять наслѣдства своего предшественника. Когда къ опредѣленному сроку въ Базель пришли первые члены собора, то они осмѣяли базельцевъ, какъ мечтателей. По ходу вещей съ 1417 года можно было мало надѣяться, чтобы папа задумывалъ съ этимъ соборомъ нѣчто серьезное. Дѣйствительно, вскорѣ же послѣ первыхъ переговоровъ еще незначительнаго собранія 18 Декабря 1431 года Евгеній распорядился о закрытіи его подъ очень прозрачными предлогами. Соборъ долженъ былъ собраться вновь черезъ полтора года въ Болоньи и продолжаться подъ его предсѣдательствомъ. А между тѣмъ казалось бы, что именно въ то время соборъ былъ необходимѣе, чѣмъ когда либо, ибо гуссизмъ побѣдоносно распространялся. Собраніе, основываясь на вторично объявленномъ констанцскомъ рѣшеніи, не разошлось. Наученные дурными послѣдствіями, произшедшими черезъ рѣзкое раздѣленіе по націямъ въ Констанцѣ, оно дало себѣ лучшую организацію, образовавъ четыре депутаціи изъ различныхъ націй и ранговъ. Въ такомъ видѣ оно начало борьбу съ папою, которая сперва велась при благопріятныхъ обстоятельствахъ, ибо общественное мнѣніе всей Европы было расположено въ пользу собора. Къ тому же въ королѣ Сигизмундѣ онъ имѣлъ твердую опору, а Евгеній былъ тѣснимъ между тѣмъ въ Италіи, такъ что видѣлъ себя покинутымъ даже чиновниками своей куріи, которые сотнями бѣжали отъ него. Напрасно грозилъ онъ прелатамъ отправляющимся въ Базель отлученіемъ отъ церкви. Въ Базель приходили сочувственныя посланія отъ королей, князей и прелатовъ, отъ епископовъ и университетовъ; казалось снова, что талисманъ, посредствомъ котораго папская система плѣняла умы, разбился. Евгеній призналъ, что онъ долженъ уступить; въ своей буллѣ отъ 4 Февраля 1433 г. онъ изъявилъ свое согласіе на продолженіе собора и назначилъ его предсѣдателями четырехъ кардиналовъ.

Но эта булла не удовлетворила соборъ, хотя Евгеній высказалъ въ ней, что онъ никогда не смотрѣлъ на него, какъ на распущенный и, слѣдовательно бралъ назадъ свой декретъ о распущеніи. Его хотѣли уже уволить отъ папства, какъ вдругъ въ Базель прибылъ Сигизмундъ, ставшій императоромъ, и его стараніями былъ востановленъ миръ между папою и со-

боромъ. Евгеній дѣйствительно списалъ слово въ слово предложенную ему соборомъ формату соглашенія въ своей буллѣ отъ 15 Дек. 1433 г. и отвергъ три прежнія свои буллы; третьей изъ нихъ, въ которой онъ сильно нападалъ на вторитетъ собора, онъ очень стыдился и поэтому утверждалъ, будто бы она была обнародована безъ его согласія. Онъ призналъ, что соборъ имѣлъ полное право не расходиться, (несмотря на его буллу о распущеніи) и постановлять свои рѣшенія, которымъ онъ обѣщалъ слѣдовать „съ покорностью и почтеніемъ." „Мы отрекаемся, говоритъ онъ, отъ трехъ буллъ, что бы ясно показать міру чистоту нашихъ намѣреній и какъ чистосердечно преданы мы вселенской церкви и святому вселенскому базельскому собору." Смиреніе папы и пораженіе системы были полнѣйшія. Это не было отдѣльнымъ актомъ примирительной уступчивости, но опредѣленнымъ несомнѣннымъ признаніемъ, что соборъ является высшимъ авторитетомъ и что папа подчиненъ ему.

Синодъ съ самаго начала оперся на констанцскій декретъ о верховной власти собора. Онъ снова объявилъ этотъ декретъ, какъ вѣроположеніе. Папа и соборъ указывали западному христіанству вѣровать въ этотъ декретъ и тогда всѣмъ казалось немыслимымъ, что придетъ время, когда будутъ стараться его отвергнуть.

Даже въ тѣхъ своихъ буллахъ, въ которыхъ осуждались и объявлялись недѣйствительными прежнія заключенія базельскаго собора, Евгеній не осмѣлился коснуться лежащаго въ ихъ основѣ декрета констанцскаго собора. Кромѣ того: онъ призналъ и второе засѣданіе собора, на которомъ декретъ былъ возобновленъ; его нападки простирались только на то, что совершилось въ Базелѣ уже послѣ изданія декрета о распущеніи. Сообразно всему этому, должно было бы думать, что папскій престолъ считаетъ себя неизмѣнно связаннымъ съ рѣшеніями констанцкаго собора о церковномъ авторитетѣ; ибо: если при утвержденіи ихъ Евгеній впалъ въ заблужденіе, то стало быть онъ погрѣшимъ и непогрѣшимость должна заключаться въ синодѣ; если же онъ сказалъ правду, то изъ этого опять таки слѣдуетъ, что въ дѣлахъ вѣры онъ подчиненъ собору, слѣдовательно самъ по себѣ онъ погрѣшимъ.

Кромѣ того Евгеній утверждалъ, что папа, по собственному усмотрѣнію, можетъ распускать и перемѣщать всякій соборъ.

Теперь онъ взялъ это утвержденіе назадъ и призналъ, что вселенскій соборъ можетъ продолжать свои засѣданія, несмотря на папскій декретъ о распущеніи его.

Въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ, отъ 14-го засѣданія 7-го Ноября 1433 г. до 25-го засѣданія 7 Мая 1437 между соборомъ, легатами, папы и его представителемъ кардиналомъ Цезарини господствовало по крайней мѣрѣ внѣшнее согласіе. Реформаторскіе декреты синода касались только такихъ вещей, которыя уже давно и всѣми были признаны необходимыми; запрещали только то, что считалось позоромъ для церкви. Была возстановлена правильная раздача духовныхъ должностей, уничтожено право наслѣдованія мѣстъ, запрещена симонія; въ аппеляціяхъ были введены нѣкоторые порядки и ограниченія и наложеніе запрещеній сдѣлано болѣе рѣдкимъ и мягкимъ. Все это было столь разумно, похвально, такъ въ духѣ церкви, что повсюду было принимаемо съ одобреніемъ. Синодъ дѣйствовалъ такъ осторожно, что не отмѣнилъ ни одного изъ тѣхъ многочисленныхъ правъ, которыя были присвоены папами въ сводахъ декретовъ и въ уложеніяхъ. Папѣ оставалось еще много произвола, что вызвало рѣзкое порицаніе синоду со стороны парижскаго университета. Самъ Евгеній объявилъ послѣ 20 засѣданія 23-го Янв. 1435 г., что онъ совершенно согласенъ съ декретомъ о реформѣ. Тоже самое сказалъ онъ еще разъ 15 Іюня 1435 г. послу отъ собора Іоанну Бахенштейну. Но Евгеній былъ золъ на синодъ за то, что онъ лишалъ его необходимыхъ источниковъ дохода, уничтожилъ аннаты и оспаривалъ удержанное прежними папами право раздавать приходы. Прежде чѣмъ дѣйствовать открыто, онъ сталъ обвинять синодъ при дворахъ государей посредствомъ посланныхъ имъ и снабженныхъ тайными инструкціями агентовъ. Онъ обвинялъ соборъ въ томъ, что тотъ назначилъ себѣ предсѣдателя и придалъ констанцкимъ декретамъ слишкомъ обширное значеніе, которое впрочемъ три года тому назадъ онъ самъ призналъ истиннымъ. Онъ утверждалъ, что аннаты введены съ незапамятныхъ временъ, тогда какъ въ дѣйствительности они были введены папами лѣтъ за 40, во время схизмы. Такъ какъ, говорилось въ инструкціи, римскую курію постоянно упрекаютъ въ злоупотребленіяхъ, что производитъ большое впечатлѣніе, то нунціи должны возить съ собою проэктъ въ видѣ

буллы, гдѣ стояло-бы кое что о предполагаемыхъ преобразованіяхъ, чтобы такимъ образомъ зажать ротъ порицателямъ и настроить государей въ пользу Рима. Въ тоже время нунціи были снабжены увольненіями и разрѣшеніями, которыя они раздавали государямъ и тѣмъ располагали ихъ въ пользу папы.

Соборъ, съ своей стороны, обнаружилъ слабость. Ободренный всеобщимъ довѣріемъ, онъ не устоялъ противъ искушенія вмѣшаться въ мелочи, въ процессы, въ мѣстныя обстоятельства особенно Франціи и Германіи: вмѣшался въ политическія дѣла, желая рѣшать ихъ, и этимъ возбудилъ здѣсь и тамъ вражду противъ себя государей. Когда же вскорѣ затѣмъ началась борьба между имъ и папами, то исходъ ея, разумѣется, зависѣлъ отъ рѣшенія государей.

Переговоры съ греческимъ императоромъ о возсоединеніи церквей дали папѣ желанный поводъ противупоставить базельскому собору другой-итальянскій. Этому перенесенію собора въ Италію предшествовало заключеніе его приверженцевъ, (меньшинства базельскаго собора) въ пользу папскаго желанія. Въ концѣ 1437 г. было возвѣщено перенесеніе собора въ Феррару, или, лучше сказать, открытіе новаго. Такъ какъ греки высказались въ его пользу и императоръ, патріархъ и епископы восточной церкви дѣйствительно собрались въ Феррарѣ, то предпріятіе папы вслѣдствіе этого удалось.

Въ Базелѣ знали очень хорошо, что открытый на итальянской почвѣ синодъ будетъ тотчасъ же переполненъ тамошними епископами, куріалами, придворными, искателями приходовъ и что дѣло улучшенія церкви будетъ потеряно. И дѣйствительно, въ теченіи двухлѣтняго существованія собора въ Феррарѣ и Флоренціи, (послѣ отъѣзда грековъ соборъ продолжался еще два года (до 1442), не было ни составлено, ни объявлено ни одного положительнаго реформирующаго декрета.

Въ началѣ разрывъ между членами базельскаго собора и папою былъ не очень замѣтенъ, ибо въ своей первой буллѣ Евгеній показалъ видъ, что въ основаніе новаго синода онъ кладетъ заключенія прежняго собора,—тогда какъ на дѣлѣ это былъ декретъ вышеупомянутаго меньшинства,—и такимъ образомъ соборъ феррарскій являлся будто продолженіемъ базельскаго и его заключенія примыкали къ заключеніямъ послѣдняго.

Затѣмъ вскорѣ обѣ части перешли къ крайностямъ. На основаніи констанцскаго правила базельскій соборъ объявилъ вѣроположеніемъ то, что власть церковнаго собранія выше папской, что никто его не можетъ ни распускать, ни перемѣщать. Отрицающій это есть еретикъ. Затѣмъ, не смотря на предостерегающій голосъ императора, Евгеній былъ смѣщенъ и вмѣсто него въ папы былъ выбранъ герцогъ Амедей савойскій, назвавшійся Феликсомъ V. Это было жестокимъ заблужденіемъ со стороны собора, ибо страхъ имѣть папство съ двумя или тремя главами и разъединеніе чрезъ то Европы были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Къ тому же соборъ самъ (въ то время, когда допустилъ сдѣлать этотъ шагъ), руководимый кардиналомъ Алемандомъ арлскимъ уменьшился значительно въ своемъ численномъ составѣ и пользовался малымъ вѣсомъ. Онъ стоялъ изъ шумной толпы лицъ по большей части не имѣвшихъ права засѣдать на немъ. Однако подъ руководствомъ разсудительнаго кардинала, которому всецѣло предался, онъ оказался хорошо дисциплинированнымъ и твердымъ.

Евгеній долженъ былъ отказаться отъ мысли видѣть на своемъ итальянскомъ соборѣ неитальянскихъ епископовъ. Никто изъ нихъ не прибылъ; только герцогъ бургунскій принудилъ пару епископовъ своего государства явиться на немъ. Но папа, послѣ долгихъ сопротивленій грековъ, довелъ ихъ однако до того, что они признали въ Феррарѣ и Флоренціи,—разумѣется только временно,—его условія о возсоединеніи церквей и подписали декретъ возсоединенія. Императоръ, видѣвшій передъ собою паденіе своей столицы и развалины своего государства, далъ наконецъ свое согласіе. Главное затрудненіе состояло въ вопросѣ о приматствѣ и въ данную минуту этотъ пунктъ былъ для Евгенія наиважнѣйшимъ, ибо въ случаѣ успѣха онъ могъ бы противопоставить стремленіямъ базельскаго собора благопріятныя для него свидѣтельства только что возсоединившейся восточной церкви и такимъ образомъ повліять на общественное мнѣніе запада. Признаніе римскаго приматства со стороны грековъ должно было послѣдовать само собою, сообразно ихъ преданіямъ, коль скоро римскій престолъ переставалъ быть еретическимъ или схизматическимъ. Восточная церковь, уже около 1000 лѣтъ, допускала ту теорію, что во главѣ церкви должны стоять пять

патріарховъ. Безъ согласія ихъ ничего не могло быть рѣшено въ церкви касательно ученія и церковнаго благосостоянія. Представленіе о преимуществѣ римскаго папы („титулъ папы имѣлъ такъ же и александрійскій патріархъ“) какъ неограниченнаго властителя надъ всею церковію, такъ же мало совмѣщалось въ умѣ грековъ, какъ и представленіе о положеніи венеціанскаго Дожа сравнительно съ положеніемъ персидскаго Шаха. Всѣ патріархи вращались на болѣе узкомъ пути и въ строго опредѣленныхъ границахъ. Папскія индульгенціи имъ были совершенно неизвѣстны; а притязанія папской системы были главною причиною, по которой они удалялись отъ всякаго церковнаго единенія. Въ 1232 году патріархъ Германъ писалъ кардиналамъ: „тираннія вашего угнетенія и выжиманія (денегъ) суть причины нашего отдѣленія.“

Тоже самое утверждалъ и доминиканскій генералъ Гумбертъ въ своей запискѣ къ ліонскому собору (1274 г.): „римская церковь съумѣла сдѣлать тягостнымъ то ярмо, которое она налагаетъ людямъ;—ея гнетъ и выжиманіе (денегъ), ея легаты и нунціи, ея безчисленные статуты и наказанія пугаютъ грековъ и препятствуютъ соединенію церквей.“

(Продолженіе будетъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Внесеніе въ кретингенскую церковь иконы, пожертвованной Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Наслѣдникомъ.

Пожертвованная Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ икона св. Гурія, совѣтомъ Виленскаго Свято-Духовскаго братства предназначена въ Кретингенскую церковь. Вотъ что можно сказать о знаменательномъ и небывалымъ въ Кретингенѣ торжествѣ, *которымъ сопровождалось внесеніе въ храмъ этой св. иконы.*

23 день прошедшаго апрѣля былъ избранъ для торжества встрѣчи св. иконы тѣмъ болѣе, что въ этотъ день въ Кретин-

генѣ бываетъ одна изъ многолюднѣйшихъ ярмарокъ, когда одних Пруссаковъ собирается до 3 т. душъ. По неизвѣстнымъ обсто тельствамъ, икона не могла быть доставлена въ Кретингенъ избранному дню. Высланная изъ Ковны 20 апрѣля, 23 бы получена въ Таурогенѣ и только 26-го числа пограничн стражей доставлена въ Кретингенъ. Потому торжество внесен св. иконы въ храмъ было отложено до 3-го мая; до этого времени она оставлена была на ротномъ дворѣ.

Самое внесеніе иконы въ храмъ совершилось съ торжес вомъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ священному дару Августе шаго жертвованія. Къ 9-ти часамъ утра 3 мая, къ церк собрались войска, назначенныя въ парадъ и всѣ русскіе жив щіе въ этой мѣстности. Ровно въ 9 часовъ изъ церкви дв нулся крестный ходъ съ хоругвями и иконами, сопровождаемь кромѣ войскъ, всѣми, безъ исключенія, служащими въ Крети генѣ чиновниками, безъ различія вѣроисповѣданій, при гр мадномъ стеченіи иновѣрцевъ, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ невиданное ими зрѣлище. Въ ту минуту, какъ крестный хо приближался къ ротному двору, икона вынесена была изъ п коя командиромъ 1-й роты пограничной стражи и положена приготовленный аналогій. Когда послѣ освященія иконы, чиноположенію церковному и краткаго молебствія, она подня была съ аналоя, объѣздчиками и казаками сдѣланъ былъ тро кратный ружейный залпъ, и затѣмъ крестный ходъ направил къ церкви, отстоящей отъ ротнаго двора въ полуторѣ верст По внесеніи св. иконы въ церковь немедленно началась боже твенная литургія и послѣ оной—молебствіе святителю Гурію здравіи Августѣйшаго Жертвователя, съ возглашеніемъ много лѣтія. Предъ началомъ же молебствія произнесено было мно краткое приличное случаю слово.

По окончаніи богослуженія, участвовавшіе въ парадѣ войск собрались на площади передъ церковью, гдѣ кретингенским обществомъ приготовлено было для нихъ угощеніе.

Безъ преувеличенія можно сказать, что день 3-го мая долго останется памятнымъ для Кретингена. То было истинн торжество православія въ нашемъ инославномъ уголкѣ, тѣм болѣе поразительное, что не далѣе, какъ за четыре года пред симъ, большинство мѣстнаго населенія, не видя ни правосла

ныхъ храмовъ, ни православнаго богослуженія почитало бѣдныхъ тружениковъ русскаго дѣла, чуть ли не язычниками и если теперь мы еще не имѣемъ здѣсь постояннаго благолѣпнаго храма, тѣмъ менѣе оно удивляется Высокому вниманію Царственныхъ особъ, дѣлающихъ священные вклады въ нашъ еще только временно устроенный храмъ.

Остается пожелать, дабы это первое церковное торжество въ Кретингенѣ не было послѣднимъ. Давно проэктированная, столь желанная и необходимая постройка постояннаго храма въ Кретингенѣ, гдѣ всѣ другіе вѣроисповѣданія имѣютъ болѣе или менѣе величественныя молитвенныя зданія, если только осуществится когда нибудь, безъ сомнѣнія, доставитъ намъ новый случай явить предъ инославнымъ и иноплеменнымъ здѣшнимъ населеніемъ все величіе нашего православнаго богослуженія и доказать ему, что мы не пришельцы здѣсь, а у себя дома.

Свящ. Вл. Юревичъ.

5-я годовщина Виленскаго Св.-Духовскаго братства.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, Виленское Св.-Духовское братство праздновало 5-ю годовщину своего существованія. Въ этотъ день, въ Св.-Духовской монастырской церкви была совершена высокопреосвященнымъ Макаріемъ божественная литургія съ благодарственнымъ молебномъ.

Во время литургіи, высокопреосвященнымъ Макаріемъ сказано было прекрасное слово. Въ концѣ молебна было провозглашено многолѣтіе Царствующему Дому и Виленскому Св.-Духовскому братству. При богослуженіи присутствовали помощникъ начальника края, начальникъ губерніи и много другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. По окончаніи богослуженія, члены братства собрались въ квартиру настоятеля монастыря, для выслушанія отчета и для выбора членовъ совѣта братства. Собраніе было открыто пѣніемъ молитвы: «Днесь благодать Св. Духа насъ собра», послѣ которой прочтенъ былъ отчетъ о дѣятельности братства за истекшій годъ. По прочтеніи отчета, предсѣдатель совѣта братства, преосвященный Іосифъ, предложилъ собранію избрать въ почетные члены преосвященнаго Александра, епископа Минскаго, на что все собраніе изъявило полное свое

согласіе. Вслѣдъ за тѣмъ преосвященный Іосифъ заявилъ собранію, что Ковенское Св.-Николаевское братство изъ своихъ скудныхъ средствъ отдѣлило сто рублей для образованія капитала на стипендію въ память покойнаго митрополита Литовскаго Іосифа, и что Св.-Духовскому братству слѣдовало бы столько же пожертвовать для той же цѣли. Все собраніе сочувственно приняло это заявленіе и почти единогласно опредѣлило отдѣлить изъ суммы братской не менѣе 300 руб.—Послѣ этого была прочитана поздравительная телеграмма Ковенскаго братства. Общее собраніе братства кончилось выборомъ членовъ совѣта братства. Во время выбора членовъ совѣта была получена изъ Петербурга поздравительная телеграмма отъ П. Н. и С. Н. Батюшковыхъ.

На сколько можно судить по отчету, Св.-Духовское братство и въ нынѣшнемъ году съ такимъ же, если не большимъ, успѣхомъ, какъ и въ прежніе годы, продолжало свою плодотворную дѣятельность на пользу православія и русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ этотъ годъ Св.-Духовское братство было осчастливлено вниманіемъ Его Высочества Государя Цесаревича, Который изъявилъ желаніе быть почетнымъ членомъ братства и на усиленіе его средствъ пожаловалъ тысячу руб.—Въ память этаго многознаменательнаго для братства событія, оно постановило учредить при молодечненской учительской семинаріи стипендію Имени Его Императорскаго Высочества, на что и получило въ нынѣшнемъ же году Высочайшее соизволеніе. Плодотворнѣе всего дѣятельность братства въ этомъ году выразилась въ учрежденіи въ братскомъ домѣ школы грамотности съ ремесленнымъ отдѣленіемъ. Хотя въ Вильнѣ существуетъ достаточное число первоначальныхъ народныхъ школъ, но не всѣ дѣти, особенно дѣти бѣдныхъ родителей и сироты, могутъ посѣщать эти школы. Для такихъ-то бѣдняковъ и учреждена братская школа. Чтобы дѣти не отвлекались отъ ученія заботами о прісканіи „насущнаго хлѣба", братство, при содѣйствіи общества доброхотной копѣйки, учредило въ томъ же братскомъ домѣ общую кухню, изъ которой всѣ обучающіяся въ братской школѣ дѣти (около 40 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ) получаютъ въ достаточномъ количествѣ теплую пищу. Въ свободное отъ ученія время, нѣкоторыя дѣти обучаются сапожному и столярному ремесламъ. Нельзя

не пожелать, чтобы совѣтъ братства обратилъ особенное вниманіе на преуспѣяніе ремесленной школы. Въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи въ числѣ членовъ Св.-Духовскаго братства была половина, если не больше, ремесленниковъ. Кушнерское, кожевяцкое и другихъ цеховъ отдѣленія братства служили цѣлямъ братства на равнѣ съ панскимъ и купецкимъ. Сколько же теперь Св.-Духовское братство можетъ насчитать между своими членами ремесленниковъ?.... Сколько, покрайней мѣрѣ, *можетъ* найтись въ Вильнѣ ремесленниковъ, которые *могли бы* считаться членами братства? Очень и очень не много! Мы не знаемъ ни одной значительной мастерской въ Вильнѣ, которую бы содержалъ православный ремесленникъ. Ремесленная школа, существующая при воспитательномъ домѣ, служитъ, какъ говорятъ, разсадникомъ русскихъ православныхъ ремесленниковъ въ Вильнѣ. Положимъ, это такъ. Положимъ, что такой-то мальчикъ хорошо обучился столярному или сапожному ремеслу. Онъ выходитъ изъ воспитательнаго дома и хочетъ жить «своимъ трудомъ». Первый вопросъ, который занимаетъ его по выходѣ изъ воспитательнаго дома—куда дѣваться, гдѣ найти пріютъ? Открыть свою мастерскую онъ не въ силахъ: у него нѣтъ на то средствъ. Остается ему единственный исходъ—поступить въ какую-нибудь мастерскую „работникомъ". Въ Вильнѣ же почти всѣ мастерскія, особенно сапожныя и столярныя, содержатся или нѣмцами-лютеранами, или католиками, особенно послѣдними. Едва ли слѣдуетъ распространяться о томъ, какая судьба постигаетъ тѣхъ изъ окончившихъ курсъ ученія въ ремесленной школѣ воспитательнаго дома, которые поступаютъ на службу въ мастерскія, содержимыя католиками?... Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить то грустное явленіе, что православные ремесленники, находящіеся въ услуженіи у католиковъ, чаще и охотнѣе посѣщаюсь костелы, чѣмъ православные храмы?.... Словомъ, чувствуется крайняя необходимость существованія въ Вильнѣ хоть одной мастерской, содержимой мастеромъ, преданнымъ русскому дѣлу и православію,—такой мастерской, въ которой бы могли находить надежный пріютъ православные ремесленники, не имѣющіе средствъ открыть своихъ мастерскихъ. Эту необходимость уже отчасти сознало Св.-Духовское братство; начало положено, остается пожелать, чтобы это благое *начи-*

нанiе все болѣе и болѣе преуспѣвало. Расходы братства ремесленную школу, сравнительно съ другими расходами, ка видно изъ отчета, весьма ничтожны. Намъ кажется, что бра ство, строго держась своего устава, значительно могло сократить свои расходы на пособiе *вообще* бѣднымъ, неоказа шимъ никакихъ услугъ русскому дѣлу и православной церкв и обратить эти средства на открытiе мастерской, напр., с пожнаго ремесла. Въ братскомъ домѣ живетъ молодой сапо никъ (онъ же и башмачникъ), недавно вышедшiй изъ воспит тельнаго дома; женатъ онъ также на воспитанницѣ того же з веденiя. Оба они, мужъ и жена, хорошо знаютъ свое ремес и живутъ исключительно своими трудами, мастерской же сво открыть у нихъ нѣтъ средствъ. Отъ чего бы не поддержа эту молодую чету и не дать ей средствъ на открытiе мастерск въ болѣе широкихъ размѣрахъ?.... Въ достаточномъ количест заказовъ едва ли можно сомнѣваться. Въ чемъ другомъ, а обуви хорошей и прочной всѣ мы нуждаемся. Пожелаемъ успѣха Св.-Духовскому братству и столь же плодотворной дѣ тельности въ наступающемъ году. *(Вил. Вѣст.)*

Поѣздка священноинока Павла *) въ сѣверо-запа ный край.

Чисто русское народонаселенiе сѣверо-западнаго края с ставляютъ преимущественно, если не исключительно, раско ники,—и именно безпоповскихъ толковъ. Живя неподалеку с

*) Въ Воскресенье, 21-го iюня, по благословенiю преосвящ нѣйшаго митрополита Иннокентiя, преосвященнымъ Леонидс епископомъ Дмитровскимъ, въ церкви Саввинскаго подворья, в веденъ въ санъ игумена настоятель Никольскаго единовѣрческ монастыря священноинокъ Павелъ. Братiя Никольскаго монас ря встрѣтили новопоставленнаго игумена соборнѣ во вратахъ о тели и съ пѣнiемъ проводили въ церковь, гдѣ совершено б краткое молебствiе, а самъ игуменъ сказалъ братiи краткое сло которое не излишне будетъ привести здѣсь.

„Отцы и братiя святыя обители сея! Господь благоволилъ лить милость Свою на обитель нашу, сущую новоначальную и новодруженную, даровавъ ей днесь перваго игумена, и отъ ср ея братства сущаго. Сiе служитъ знакомъ, что, по милосер

нихъ, за прусскою границей, отецъ Павелъ имѣлъ на нихъ больное вліяніе. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ раскольники поморскаго толка, живущіе въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, были его учениками, находились подъ его духовнымъ руководствомъ. Онъ и самъ лично ѣзжалъ къ нимъ для наставленія и утвержденія ихъ въ вѣрѣ, особенно же старался дѣйствовать чрезъ посредство ихъ ближайшихъ наставниковъ. Эти послѣдніе, и вообще люди болѣе вліятельные между старообрядцами, состояли въ частныхъ сношеніяхъ съ прусскою обителью, обращались къ отцу Павлу за наставленіями, совѣтами

Божію, святая обитель наша укрѣпляется и возмогаетъ; чрезъ сіе подаются надежды и къ будущему ея благосуществованію. Возблагодаримъ Господа за Его къ намъ благостыню! Принесемъ Ему благодареніе не словесы токмо, но и дѣлами, яже суть: любовь къ Богу и ближнему отъ чиста сердца, и совѣсти благи, и вѣры нелицемѣрныя; удаленіе отъ зависти, рвенія, хулы, празднословія: *тлятъ бо обычаи благи бесѣды злы*. Бѣгаемъ сребролюбія: *имуще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ*. Подвигнемся добрымъ подвигомъ; имемся за вѣчную жизнь, въ нюже и звани есмы. Преданіе вѣры и единеніе съ церковію тако потщимся сохранити, яко зѣницу ока: ибо мы отъ церкви духовно раждаемся и въ ней возрастаемъ въ духовный возрастъ, въ мѣру мужа совершенна, въ исполненіе возраста Христова; а удалившемуся отъ единенія церковнаго немощно и живу быти животомъ духовнымъ, тѣмъ паче возрастати въ добродѣтеляхъ. Кому церковь не мать, тому Богъ не отецъ (священномученика Кипріана слово о единствѣ церкви): по сему ученію, сущій внѣ церковнаго единенія не можетъ отца имѣти Бога, не можетъ глаголати: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*, не имѣетъ надежды наслѣдити вѣчная благая. Сего ради уклоняйтесь, братіе, мнимыхъ старообрядцевъ, ихъ суесловій и пресловій, ихъ нареканій на святую церковь, ихъ лжеименнаго разума, о немже хвалящеся, отъ вѣры во святое Евангеліе и его непреложныя обѣтованія отпадоша, *не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаются*.

„О мнѣ же, братіе, прошу сотворить молитву, да дастъ мнѣ Господь поставити себе предъ Нимъ дѣлателя непостыдна, да образъ буду инѣмъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою и чистотою. Хульника бо мя, и гонителя, и досадителя бывша помилова Богъ, и по премножеству благодати Своея, призвавъ мя въ разумъ истины, положи на службу сію.

„Молитвами Пречистыя Его Матери и святителя Николы и всѣхъ чудотворцевъ Московскихъ Богъ да управитъ всѣхъ во благое. Тому слава во вѣки, аминь."

и въ каждомъ затруднительномъ случаѣ, при каждомъ возникавшимъ «сумнѣніи» и просто ѣзжали къ нему въ Прусѣю—погостить, побесѣдовать, почитать книги (книгъ и рукописей не мало собрано было у отца Павла,—были между ними довольно рѣдкія, и дорогія, на пріобрѣтеніе которыхъ онъ не жалѣлъ средствъ, хотя средствами его монастырь и не слишкомъ изобиловалъ). Живали эти гости у отца Павла подолгу, иногда болѣе года, и возвращались домой достаточно приготовленные, чтобы руководить другихъ старообрядцевъ въ духѣ Павлова ученія,

Понятно, что рѣшительная перемѣна въ убѣжденіяхъ отца Павла, особенно же присоединеніе его къ церкви, при такихъ близкихъ и прочно утвердившихъ отношеніяхъ его къ старообрядцамъ сѣверо-западнаго края, не могли остаться безъ сильнаго на нихъ вліянія,—и по случаю присоединенія отца Павла съ братіей, дѣйствительно, по всей Литвѣ, въ мѣстностяхъ заселенныхъ раскольниками, началось большое движеніе. Съ своей стороны, отецъ Павелъ заранѣе позаботился, чтобы это движеніе, котораго не могъ онъ не ожидать, получило надлежащее направленіе,—вело старообрядцевъ къ выходу изъ мрака на свѣтъ, а не къ большему еще углубленію въ тьму раскола.

Сдѣлать первый шагъ въ этомъ направленіи онъ склонилъ ихъ еще въ то время, когда началъ свою проповѣдь въ защиту брачной жизни противъ ученія ѳедосѣевскихъ безбрачниковъ, утверждавшихся не на Писаніи, а на одномъ преданіи „стариковъ", и когда напечаталъ книжку, подъ названіемъ *Царскій путь*, въ которой раскрыто было какъ незаконно, оставивъ ученіе слова Божія и святыхъ отецъ, утверждаться на одномъ ученіи старцевъ. Вопросъ о бракахъ онъ тщательно обсудилъ сначала съ ближайшимъ къ нему и болѣе вліятельными изъ безпоповскихъ наставниковъ сѣверо-западнаго края, это именно были: деревни Рымковъ (а потомъ ковенскій) наставникъ инокъ Іоаннъ, деревни Перелазъ—Мартеміанъ Аѳанасьевъ Тихомировъ, братъ его Павелъ Аѳанасьевъ, наставникъ новоалександровскій, и Василій Семеновъ Дарандовъ, наставникъ деревни餘Каролишекъ. Они явились ревностными проповѣдниками Павлова ученія о бракахъ между литовскими старообрядцами. Великое волненіе произошло по сему случаю въ раскольническомъ населеніи сѣверо-западнаго края: отовсюду съѣзжались ѳедосѣевскіе

наставники, и народъ шелъ цѣлыми толпами въ условленныя мѣста для соборныхъ разсужденій; здѣсь происходили пренія у защитниковъ брачной жизни съ проповѣдниками безбрачія; неоднакратно вызывали на эти безпоповскіе соборы и отца Павла изъ Пруссіи. Несмотря на всѣ усилія ревнителей безбрачія, ученіе о законности браковъ для людей живущихъ въ мірѣ было принято и быстро распространилось между литовскими раскольниками. Это былъ первый, и потому очень важный шагъ изъ ѳедосѣевской замкнутости и исключительности, сковывающей всякое разумное сужденіе о вѣрѣ, къ безпристрастному и правильному разумѣнію истины. Не малое значеніе, и въ этомъ случаѣ, и для дальнѣйшихъ опытовъ въ томъ же родѣ, имѣла непечатанная Павломъ вышепомянутая книжка *Царскій путь*, которую онъ старался распространить между старообрядцами: собранныя въ ней ясныя и удобопонятныя свидѣтельства о томъ, что въ дѣлѣ вѣры необходимо утверждаться на незыблемомъ основаніи слова Божія и писанія святыхъ отецъ пробудили въ старообрядцахъ желаніе читать отеческія книги, такъ что многіе начали пріобрѣтать ихъ,—и у раскольниковъ, доселѣ не вѣдавшихъ ничего кромѣ книгъ богослужебныхъ, явились и Благовѣстникъ, и бесѣды Златоуста, и Кормчая, и др. Пробуждавшейся охотѣ къ чтенію отецъ Павелъ старался удовлетворить и изданіями своей типографіи, состоявшими большею частію изъ собранія отеческихъ свидѣтельствъ по разнымъ вопросамъ, на которое онъ считалъ нужнымъ почему-либо обратить вниманіе старообрядцевъ. Послѣ того ему не трудно было, при помощи тѣхъ же наставниковъ, провести въ народъ болѣе здравыя понятія и о другихъ предметахъ вѣроученія, представлявшихся особенно важными, вслѣдствіе крайняго ихъ искаженія безпоповскими догматистами,—именно о чувственномъ, а не мысленномъ явленіи антихриста, имѣющаго придти предъ кончиною міра, и о такомъ же явленіи пророковъ Иліи и Эноха на обличеніе послѣдняго антихриста, о непрестающемъ бытіи новоблагодатнаго, Христова священства и перерывномъ до скончанія міра принесеніи безкровной жертвы Новаго Завѣта. Такимъ ученіемъ наносился рѣшительный ударъ безпоповскимъ убѣжденіямъ въ основаніи которыхъ, какъ извѣстно, лежитъ мысль о совершившемся уже духовномъ явленіи антихриста и о конечномъ истребле-

ніи священства и таинствъ,—а съ этимъ вмѣстѣ мало-по-малу возникали и менѣе превратныя понятія о церкви православной. Тогда, дѣйствительно, нѣкоторые изъ наставниковъ,—именно рымковскій Іоаннъ, каролишковскій Василій и новоалександровскій Павелъ Аѳонасьевъ, пришли къ той мысли, что нужно со всѣмъ вниманіемъ обсудить, за что старообрядцы отдѣлись отъ церкви, какія находятся въ ней ереси и какимъ она осуждена за то соборомъ. Вопросы эти, правда, казались имъ еще слишкомъ смѣлыми, чтобы разсуждать о нихъ свободно и открыто, и слишкомъ трудными, чтобы принять на себя ихъ рѣшеніе; но важно было уже то, что такіе вопросы возникали и дѣлались предметомъ разсужденія, хотя въ небольшомъ кругу самыхъ близкихъ между собою людей. Такимъ образомъ, когда о. Павелъ, по зрѣломъ и долгомъ размышленіи, рѣшился наконецъ войти въ единеніе съ церковію, раскольники сѣверо-западнаго края, особенно ихъ наставники, были уже нѣсколько подготовлены къ этому событію. Впрочемъ, и объ этомъ своемъ рѣшеніи, прежде нежели привесть его въ исполненіе, онъ позаботился ихъ предувѣдомить. Кончивъ свои объясненія съ ближайшими учениками, жившими въ его обители, и принявъ намѣреніе навсегда отправиться въ Россію, одного изъ своихъ иноковъ—Іоанна (средняго 1), изъявившаго готовность быть его спутникомъ, о. Павелъ послалъ предварительно въ Литву, чтобы здѣсь повидался съ ближайшими знакомыми и объяснилъ имъ по возможности, что побудило его оставить расколъ и что убѣдило въ праводѣ церкви. Затѣмъ, на пути въ Москву, самъ о. Павелъ на нѣкоторое время также остановился у литовскихъ старообрядцевъ и лично бесѣдовалъ, гдѣ могъ и находилъ нужнымъ, объ основаніяхъ принятаго имъ намѣренія оставить расколъ. Наконецъ, отправляя изъ Москвы того же спутника своего о. Іоанна въ Пруссію за оставшимися тамъ своими учениками, для которыхъ

1) Въ числѣ учениковъ о. Павла, вмѣстѣ съ нимъ присоединившихся къ церкви и нынѣ живущихъ въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, есть три Іоанна, одинъ *старшій,* тотъ самый рымковскій наставникъ, о которомъ говорилось выше и будетъ еще говорено; другой *средній,* о которомъ идетъ теперь рѣчь, и третій *младшій.* (О двухъ первыхъ см. въ статьѣ: *Ученики Павла прусскаго, № 11 Соврем. Лит. 1868 г.*)

исходатайствовалъ дозволеніе поступить на жительство въ Никольскій монастырь, о. Павелъ поручилъ ему опять остановиться на нѣсколько времени въ Литвѣ, повидаться съ знакомыми, сообщить имъ какія самъ онъ видѣлъ въ Москвѣ и другихъ мѣстныхъ несомнѣнныя свидѣтельства древности, оправдывающія церковь въ такъ-называемыхъ „новопремѣненіяхъ“, и раздать имъ нѣкоторыя особенно важныя сочиненія въ защиту православной церкви. Не преминули и иноки прусской обители, на пути въ Москву, побесѣдовать съ литовскими старообрядцами о нуждѣ единенія съ церковію,—въ числѣ этихъ иноковъ находился и бывшій рымковскій наставникъ о. Іоаннъ, старецъ весьма уважаемый раскольниками того края, примѣръ и слово котораго для нихъ имѣли большое значеніе.

Всѣ изложенныя обстоятельства и были причиной, что съ того времени какъ о. Павелъ открыто заявилъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи присоединиться къ церкви, и съ этою цѣлію навсегда выѣхалъ изъ Пруссіи, въ раскольническомъ населеніи сѣверо-западнаго края началось сильное религіозное движеніе, и именно въ направленіи не враждебномъ церкви. Многіе теперь стали разсуждать, что не даромъ же люди такіе свѣдущіе въ Писаніи и такъ пекущіеся о душевномъ спасеніи, какъ Павелъ, Іоаннъ и другіе, пошли въ великороссійскую церковь; видно, говорили и въ самомъ дѣлѣ есть законная и важныя причины, возбраняющія пребывать въ томъ состояніи, въ какомъ мы теперь находимся. Во главѣ этого движенія стояли тѣ же наставники, которые въ прежнее время были распространителями Павлова ученія о бракахъ, о чувственномъ антихристѣ и пр. Теперь, для большаго увѣренія и своего и другихъ въ правотѣ церкви, наставники эти съ нѣсколькими иными ревностными искателями истины рѣшились нарочно съѣздить въ Москву еще разъ побесѣдовать съ о. Павломъ и самолично, собственными глазами посмотрѣть въ знаменитыхъ московскихъ книгохранилищахъ тѣ памятники древности, которыми свидѣтельствуется правильность внесенныхъ въ старопечатныя книги исправленій. Здѣсь, уже оставивъ всѣ сомнѣнія въ правотѣ церкви и бесѣдуя съ о. Павломъ между прочимъ о возникшемъ въ средѣ старообрядцевъ сѣверо-западнаго края великомъ движеніи, они говорили ему какъ было бы важ-

но, въ видахъ успѣшнѣйшаго распространенія правильнихъ понятій о церкви, еслибы теперь самъ онъ потрудился съѣздить въ тотъ край для проповѣди. Отецъ Павелъ не отказывался принять на себя этотъ трудъ; по блаженной памяти митрополитъ Филаретъ посовѣтовалъ ему отложить это дѣло до того времени, когда будетъ присоединенъ къ церкви, и совѣтъ благоговѣйно чтимаго святителя онъ принялъ безпрекословно. Тѣмъ съ большимъ усердіемъ, по возвращеніи домой, занялись проповѣдью о церкви эти люди, не полѣнившіеся нарочно пріѣхать въ Москву за наставленіемъ о. Павла,—и проповѣдь ихъ увѣнчалась успѣхомъ.

Еще надъ Павломъ и его учениками не былъ совершенъ обрядъ присоединенія (дѣло это замедлилось по случаю болѣзни и кончины митрополита Филарета), когда по убѣжденію перелазовскаго наставника Мартеміана Аѳанасьева около 200 старообрядцевъ приняли православіе; вмѣстѣ съ ними перешелъ въ церковь и братъ Мартеміана—Павелъ Аѳанасьевъ, бывшій новоалександровскій наставникъ, самъ же Мартеміанъ, въ видахъ удобнѣйшаго дѣйствованія на старообрядцевъ, рѣшился нѣсколько времени помедлить присоединеніемъ. Въ то же время и каролишковскій наставникъ Василій Семеновъ успѣлъ склонить также не менѣе 200 человѣкъ къ принятію единовѣрія, о чемъ и рѣшился заявить епархіальному начальству: онъ просилъ, чтобы дозволено было изъ желающихъ присоединенія составить единовѣрческій приходъ и освятить для этого прихода церковь, которую предлагалъ устроить изъ принадлежащаго ему молитвеннаго дома, снабженнаго нужными для богослуженія принадлежностями. Впрочемъ, покойный митрополитъ литовскій Іосифъ нашелъ неудобнымъ открыть единовѣрческій приходъ среди католическаго населенія, о обращеніи котораго въ православіе имѣлъ особенную заботу; онъ предлагалъ каролишковскимъ старообрядцамъ устроить православную церковь и открыть православный приходъ, на что они съ своей стороны, по приверженности къ такъ называемымъ старымъ обрядамъ, не рѣшались согласиться. Извѣщая о всемъ этомъ о. Павла, Василій Семеновъ выражалъ сожалѣніе по случаю встрѣтившагося неожиданнаго препятствія къ исполненію добрыхъ желаній старообрядцевъ и просилъ о. Павла оказать ему помощь и

[д]ать совѣтъ какъ поступить въ этомъ затруднительномъ поло[ж]еніи. Успокоивъ его надеждой, что со временемъ дѣло устроится [с]огласно желанію старообрядцевъ, о. Павелъ убѣждалъ его и [п]рочихъ наставниковъ не прекращать трудовъ и заботъ о [в]разумленіи заблуждающихъ.

Хотя неудача испытанная королишковскими просителями [и] произвела вообще довольно тяжелое впечатлѣніе на старо[о]брядцевъ, расположенныхъ принять единовѣріе, тѣмъ болѣе что [р]евнители раскола старались придать этой неудачѣ особенную [в]ажность, объясняя ее въ самомъ неблагопріятномъ для нихъ [с]мыслѣ, однакоже, не смотря на все это, начавшееся въ средѣ [р]аскольниковъ движеніе въ пользу единенія съ церковію не [п]рекращалось, и преданные о. Павлу наставники всѣми силами [с]тарались его поддерживать. При наступленіи 1869 года число [ж]елавшихъ оставить расколъ по разнымъ мѣстамъ было уже [т]акъ значительно, что Василій Семеновъ вмѣстѣ съ двумя дру[г]ими наставниками—перелазовскимъ и новоалександровскимъ, [р]ѣшились возобновить дѣло объ открытіи единовѣрческихъ [п]риходовъ въ заселенныхъ раскольниками мѣстностяхъ сѣверо[з]ападнаго края. О желаніи извѣстнаго числа старообрядцевъ [п]рисоединиться къ церкви они предварительно заявили, съ ихъ [с]огласія, главному начальнику края; потомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, [о]тъ имени всѣхъ ищущихъ присоединенія, отправилася депу[т]ація въ С.-Петербургъ, къ преосвященнѣйшему Макарію, архіе[п]ископу литовскому, для подачи прошенія объ открытіи у нихъ [е]диновѣрческихъ приходовъ и церквей. Депутаты просили еще [о]тъ имени всѣхъ уполномочившихъ ихъ старообрядцевъ, чтобы [д]ля совершенія надъ ними обрядовъ присоединенія къ церкви и [д]ля большаго утвержденія въ предпринимаемомъ великомъ дѣлѣ, [п]озволено было прибыть къ нимъ уважаемому ихъ учителю отцу [П]авлу, который въ это время былъ уже священно инокомъ и [н]астоятелемъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря. Принявъ [в]о вниманіе, что число старообрядцевъ, изъявившихъ желаніе [п]рисоединиться къ церкви, и теперь уже значительно, а со [в]ременемъ должно возрасти еще болѣе, преосвященнѣйшій Мака[рі]й не нашелъ препятствій къ открытію единовѣрческихъ при[х]одовъ въ виленской и ковенской губерніяхъ и озаботился [п]рисканіемъ нужныхъ къ тому способовъ и средствъ; относи-

тельно же просьбы литовскихъ старообрядцевъ, чтобы къ ни
отпущенъ былъ на время священноинокъ Павелъ, изъявивъ съ с
ей стороны полное согласіе, просилъ зависящихъ распоряженій о
московскаго митрополита, который посему случаю потребовалъ отзы
отъ самаго о. Павла. Для Павла не могло быть ничего вожделѣнн
какъ непосредственно участвовать въ торжествѣ соединенія
церковью тѣхъ самыхъ людей, которыхъ нѣкогда онъ утвержда
въ отчужденіи отъ церкви; притомъ же путешествіе въ сѣве
западный край, какъ было замѣчено, онъ желалъ совершить
прежде, почитая его нужнымъ и полезнымъ въ томъ отношен
что имѣлъ бы возможность войти въ личныя объясненія и
сѣды съ тѣми старообрядцами, которые не изъявили еще рѣ
тельнаго желанія оставить расколъ. И такъ, предложеніе сов
шить поѣздку къ старообрядцамъ сѣверо-западнаго края
принялъ съ великою радостью и готовъ былъ немедленно исполни
но такъ какъ въ весеннее и лѣтнее время, когда народъ зан
работами, не удобно дѣлать собранія для собесѣдованій о вѣ
то ради пользы самаго дѣла онъ считалъ необходимымъ отлож
поѣздку до осени, когда народъ уберется съ работами и б
всякаго затрудненія въ свободное время можетъ приход
на бесѣды, хотя для него самаго, при его слаб
здоровьѣ, путешествіе въ осенное время и могло пр
ставить большія затрудненія. Въ такомъ смыслѣ отвѣчалъ
на запросъ митрополита Иннокентія; о томъ же извѣстилъ
находившихся въ Петербургѣ депутатовъ. Тогда эти послѣд
въ устраненіе всякаго стѣсненія для тѣхъ изъ числа старообр
цевъ, которые пожелали бы неотлагательно присоединиться
церкви, просили чтобы дозволено было одному изъ петерб
скихъ единовѣрческихъ священниковъ отправиться въ сѣв
западный край для совершенія надъ желающими обря
присоединенія, и именно указали на священника единовѣрче
церкви на Волковомъ кладбищѣ—Алексѣя Троицкаго, кото
согласно ходатайству архіепископа Макарія, по распоряж
с.-петербургскаго митрополита, и ѣздилъ двукратно съ
цѣлью въ Виленскую и Ковенскую губерніи.

Между тѣмъ и самъ о. Павелъ приготовлялся къ пут
ствію. Въ томъ предположеніи, что во время разъѣздовъ
селеніямъ можетъ встрѣтиться надобность совершить свя

одѣйствіе литургіи, онъ, по благословенію преосвященнѣйшаго итрополита, устроилъ подвижную церковь, для которой ему анъ былъ потомъ изъ каѳедральнаго Чудова монастыря древій антиминсъ; запасся и всѣми богослужебными принадлежноями, а также необходимыми для богослуженія и собесѣдовай книгами. Въ спутники и помощники ему разрѣшено было зять того же отца Іоанна (теперь іеродіакона), который сопровождалъ его изъ Пруссіи и дважды, по его порученію, ѣздилъ къ литовскимъ старообрядцамъ для проповѣди. 21-го октября 1869 года отецъ Павелъ выѣхалъ изъ Москвы, и послѣ кратковременной остановки въ Петербургѣ, гдѣ удостоился принять благословеніе преосвященнѣйшаго митрополита Исидора и представиться г. оберъ-Прокурору святѣйшаго сѵнода, направилъ путь свой прямо въ Вильну. Здѣсь онъ милостиво принятъ былъ и преосвященнѣйшимъ архіепископомъ Макаріемъ и епископомъ ковенскимъ Іосифомъ. Въ Вильнѣ о. Павелъ не разъ бывалъ въ прежнее время, проѣздами изъ Пруссіи; но теперь этотъ древнерусскій городъ получилъ для него особенное значеніе,—и какъ усердный, искренній сынъ православія онъ пожелалъ отслужить литургію въ печерской церкви Свято-духова монастыря при мощахъ виленскихъ мучениковъ, на что и получилъ дозволеніе. Литургію совершалъ онъ по старопечатному служебнику и на клиросѣ пѣли единовѣрческіе пѣвцы; но онъ просилъ іеромонаха, отправлявшаго чреду, участвовать съ нимъ въ священнодѣйствіи, на что сей послѣдній охотно согласился; а намѣстникъ Свято-духова монастыря архимандритъ Іоаннъ, для большей торжественности, назначилъ къ сослуженію и еще одного іеромонаха. Такимъ образомъ о. Павелъ служилъ литургію съ двумя православными священниками: чрезъ это онъ желалъ очевиднѣйшимъ образомъ показать и православнымъ, и единовѣрцамъ, и самимъ старообрядцамъ что, по его убѣжденію, единовѣріе дѣйствительно составляетъ *едино* съ православіемъ, должно имѣть съ нимъ полное общеніе и въ ученіи и въ таинствахъ, хотя и представляетъ нѣкоторое отличіе въ обрядѣ. Эти вполнѣ вѣрныя понятія о единовѣріи, къ сожалѣнію до селѣ подвергающіяся пререканію со стороны нѣкоторыхъ, онъ старался постоянно внушать и тѣмъ изъ старообрядцевъ, которыхъ присоединялъ къ церкви. За литургіей присутствовали преосвященный

Іосифъ и архимандриды Іоаннъ и Евгеній (ректоръ Виленской семи
ріи); а при окончаніи службы вошелъ въ церковь, прибывшій то
въ Вильну, преосвященнѣйшій митрополитъ сербскій Михаи.
Когда о. Павелъ принялъ отъ него благословеніе, владыка серб
спрашивалъ его, въ чемъ состоитъ различіе между единовѣрі
и православіемъ, и внимательно выслушавъ объясненіе о. Па
замѣтилъ съ своей стороны, что различіе въ обрядѣ, прито
же столь незначительное, не полагаетъ существеннаго разл
между тою и другою церковію.

Предъ отъѣздомъ изъ Вильны о. Павелъ еще разъ п
нятъ былъ преосвященнѣйшимъ Макаріемъ и съ напутственн
благословеніемъ получилъ отъ него письменное дозволеніе
предѣлахъ его епархіи производить собесѣдованія съ ста
обрядцами, присоединять къ церкви изъявившихъ на то же
ніе и совершать, когда представится надобность и гдѣ найд
удобнымъ, божественную литургію. Для полнаго же обезпеч
его безопасности во время разъѣздовъ по епархіи, преосвящ
нѣйшій Макарій рекомендовалъ его покровительству высш
губернскихъ властей, которыя и приняли его съ полнымъ вн
ніемъ и съ живымъ участіемъ къ его дѣлу.

6-го ноября отецъ Павелъ пріѣхалъ въ городъ Новоа
сандровскъ и прожилъ здѣсь три недѣли, занимаясь бесѣ
съ новообратившимися изъ раскола и съ старообрядцами,
торые нарочно пріѣзжали изъ окрестныхъ мѣстъ, получивъ
вѣстіе о его прибытіи. Затѣмъ онъ цѣлый мѣсяцъ употре
на странствованія по разнымъ старообрядческимъ селеніям
мѣстечкамъ, вездѣ открывая собесѣдованія о вѣрѣ, на кот
старообрядцы приходили охотно. Къ празднику Рожде
Христова о. Павелъ пріѣхалъ въ Ковно,—и вотъ что от
писалъ намъ о ходѣ своихъ занятій: „Дѣло мое пока и
медленно: люди новопознавшіе требуютъ утвержденія—и
каторые присоединились, а паче, которые хотятъ присоеди
ся. И желательно въ каждомъ мѣстѣ хотя малое, но уже п
ное положить начало, а то сдѣлать требуется время; а
возможно сдѣлать, да оставить не сдѣлавши,—не по сов
Жительства же здѣсь не такъ, чтобы большими селами, но
ше разбросаны по малости. И потому думаю, что еще нѣск
долженъ помедлить здѣсь. Хотя и забочусь я о монас

а все думается, что тутъ меньше упущенія, чѣмъ оставить не попекшись о томъ важномъ дѣлѣ обращенія нѣсколькихъ душъ. Здѣсь въ краю большое движеніе, и народъ, не слыхавшій слова Божія, требовалъ бы такого дѣлателя, который прошелъ бы его весь съ проповѣдью слова Божія. Жаль, что во всемъ еще краю нѣтъ основанныхъ, единовѣрческихъ приходовъ и народъ даже не совсѣмъ вѣритъ что ему дадутъ единовѣрческихъ священниковъ,—напуганъ извѣстными вамъ слухами." [1]) Послѣ святокъ о. Павелъ опять отправился въ путешествіе по разнымъ мѣстамъ, заселеннымъ раскольниками, и на это проповѣдническое странствованіе употребилъ еще около двухъ мѣсяцевъ. Хотя, по его увѣренію, эти проповѣдническіе подвиги и не представляли ему особенныхъ затрудненій, такъ какъ „изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню онъ пріѣзжалъ къ своимъ старымъ знакомымъ, не долженъ былъ искать особаго случая взойти въ домъ, знакомиться съ хозяиномъ, придумывать, съ чего начать слово, или какъ повести бесѣду"; но тѣмъ не менѣе, что взять и понести это повидимому легкое бремя, нужны были именно его глубокая преданность дѣлу спасенія блуждающихъ въ расколѣ, его умѣнье и навыкъ вести пренія съ старообрядцами. Мы не будемъ входить въ подробное изложеніе веденныхъ имъ въ это время бесѣдъ, между которыми были весьма замѣчательныя и по количеству слушателей, и по своей продолжительности и оживленности, и особенно по содержанію,—по тѣмъ вопросамъ, которые предлагались для рѣшенія, и по ходу самыхъ преній. [2]) Достаточно замѣтить, что бесѣды вообще производили желаемое дѣйствіе на слушателей: число расположенныхъ къ церкви, особенно же усумнившихся въ воображаемой правотѣ раскола, постепенно увеличивалось. „Дѣла наши помаленьку текутъ,—съ обычною своей скромностью писалъ о. Павелъ въ послѣдней половинѣ февраля мѣсяца,—движеніе въ краѣ умножается. Наставники

---

1) Разумѣетъ слухи распространившіеся по случаю отказа на первую просьбу королишковскихъ старообрядцевъ объ учрежденіи у нихъ единовѣрческаго прихода. Письмо отъ 29-го декабря 1869 г.

2) Болѣе замѣчательныя изъ нихъ о. Павелъ предполагаетъ современемъ изложить и напечатать подобно тому, какъ изложены имъ бывшія прежде въ разныхъ мѣстахъ и съ разными лицами бесѣды въ извѣстной книжкѣ его *Воспоминаній*.

безпоповскіе тоже противъ насъ вооружаются, но, благодарег Богу, есть уже много мужей словесныхъ, могущихъ защища православіе".

Пользуясь даннымъ ему полномочіемъ, о. Павелъ надъ всѣ изъявившими твердое желаніе присоединиться къ церкви сові шилъ обрядъ присоединенія по чину изложенному митрополито Платономъ. Присоединенія происходили главнымъ образомъ городахъ Новоалександровскѣ и Ковнѣ, и въ двухъ значительны селеніяхъ Королишкахъ и Перелазахъ. 1) Такъ какъ новоприсоел нившіеся и многіе изъ присоединенныхъ прежде священнико Троицкимъ желали пріобщиться Святыхъ Таинъ, то въ нѣкоторы мѣстахъ о. Павелъ служилъ и литургію. 2) Старообрядцы своей стороны охотно шли посмотрѣть богослуженіе. Изъ ни большая часть не имѣла и понятія о литургіи, а нѣкотор держались даже особенныхъ, весьма странныхъ понятій о „п частіи": по этому священнодѣйствіе литургіи на всѣхъ вооб старообрядцевъ произвело впечатлѣніе весьма сильное. Ко сдѣлалось извѣстно, что о. Павелъ будетъ совершать литур въ Новоалександровскѣ, старообрядцевъ собралось такъ мно что довольно просторная часовная, гдѣ происходило богослу ніе въ постановленной здѣсь подвижной церкви, была перепол народомъ. Службу слушали съ напряженнымъ вниманіемъ; когда настало время пріобщенія Св. Таинъ, священнослужит вышелъ со Святыми Дарами и діаконъ возгласилъ: *со страх Божіимъ и вѣрою приступите*,—тогда по всей цер раздались громкія и неудержимыя рыданія. Это было, по слов о. Павла, потрясающее зрѣлище и самъ онъ, при всемъ стар сохранить необходимое въ его положеніи спокойствіе, не м подавить овладѣвшаго имъ волненія.

---

1) Изъ донесенія поданнаго Павломъ архіепископу литовск Макарію видно, что въ Виленской и Ковенской губерніяхъ присоединилъ къ церкви 107 человѣкъ, бывшихъ безпоповцев именно: въ городѣ Новоалександровкѣ 56, въ Ковнѣ 13, въ ролишкахъ 25, въ Перелазахъ 11 и въ мѣстечкѣ Яновѣ 2.

2) Именно, какъ видно изъ того же донесенія, въ Новоалек дровскѣ, Ковнѣ, Яновѣ и Королишкахъ. Исповѣданы о. Пав и допущены къ причастію Св. Таинъ въ Новоалександровскѣ человѣкъ, въ Ковнѣ 42, въ Королишкахъ 16 и въ Яновѣ 1, в 169 душъ.

Для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ и для дальнѣйшихъ успѣховъ единовѣрія въ раскольническомъ населеніи сѣверо-западнаго края, о. Павелъ считалъ необходимымъ, во-первыхъ, чтобы имѣлись люди, могущіе внушать присоединяющимся и поддерживать въ нихъ (какъ и самъ онъ дѣлалъ) правильныя понятія о единовѣріи, именно, что въ сущности оно есть *едино* съ православіемъ, нимало не отличается отъ него въ самой вѣрѣ, въ исповѣданіи, вселенской истины", а имѣетъ отличіе только въ однѣхъ обрядностяхъ,—люди способные также и съ старообрядцами вести бесѣды. Къ утѣшенію своему онъ нашелъ, что на нѣкоторыхъ изъ числа присоединившихся можно въ этомъ отношеніи возложить добрыя надежды. Притомъ же, нерѣдко бесѣдуя съ ними во время своего пятимѣсячнаго пребыванія въ сѣверо-западномъ краѣ, приглашая ихъ и къ участію въ своихъ собесѣдованіяхъ съ старообрядцами, онъ успѣлъ приготовить ихъ настолько, что они могли уже не безъ успѣха дѣйствовать въ качествѣ проповѣдниковъ. „Изъ новообратившихся,—доносилъ о. Павелъ Преосвященнѣйшему Макарію,—есть люди могущіе старообрядцамъ показать истину православія."

Еще болѣе важнымъ для указанной цѣли почиталъ онъ учрежденіе единоверческихъ приходовъ и церквей на первое время по крайней мѣрѣ въ главныхъ, центральныхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ раскольниками. Что это дѣло первостепенной важности, въ томъ убѣждали его и собственныя наблюденія, показавшія какое сильное дѣйствіе производили на старообрядцевъ совершенныя имъ священнослуженія, и свидѣтельства самихъ старообрядцевъ, изъ которыхъ многіе положительно заявили о своей готовности принять единовѣріе, какъ скоро будутъ у нихъ открыты единовѣрческіе приходы. „Около Новоалександровска,—писалъ о. Павелъ въ томъ же донесеніи,—и около деревни Королишекъ еще есть много готовящихся къ присоединенію къ святой церкви; но ожидаютъ, посвященія своихъ имъ священниковъ. Около Ковна, въ деревнѣ Сали, и въ Трокскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Страшунахъ почти всѣ желаютъ присоединиться къ святой церкви; но также ожидаютъ поставленія священниковъ." Къ величайшему его утѣшенію и дѣло объ устроеніи единовѣрческихъ церквей въ сѣверо-западномъ краѣ, начатое, какъ мы видѣли, королишковскими, новоалек-

сандровскими и ковенскими старообрядцами, быстро подвигалось впередъ, благодаря усердному содѣйствію духовнаго и свѣтскаго правительствъ. Нѣкоторое затрудненіе встрѣтилось относительно обращенія королишковской часовни въ единовѣрческую церковь, о чемъ ходатайствовалъ, какъ выше сказано, настоятель и строитель этой часовни—Василій Семеновъ. Устроеніе здѣсь единовѣрческой церкви представлялось особенно важнымъ въ видахъ ослабленія раскола, такъ какъ деревня Королишки занимаетъ центральное положеніе въ мѣстности весьма густо заселенной раскольниками, и притомъ для раскольниковъ-безпоповцевъ имѣетъ большое значеніе, потому что въ ней съ давнихъ поръ, лѣтъ сто по крайней мѣрѣ, существуетъ безпоповская часовня и при ней кладбище, на которомъ, по особенному уваженію къ этой часовнѣ, погребались раскольники даже изъ далекихъ мѣстъ. Понятно, что остающимся теперь вождямъ раскола учрежденіе здѣсь единовѣрческаго прихода крайне непонравилось, и они стали косвенными путями ходатайствовать, чтобы для церкви назначено било какое либо иное мѣсто, а препятствіемъ къ освященію нынѣшней королишковской часовни поставляли то, что она будто бы составляетъ общественную собственность, хотя построена дѣйствительно Василіемъ Семеновымъ, но на общія ихъ средства. У строителя, къ счастію, сохранилась записная книга, въ которую вносились всѣ пожертвованія, собранныя имъ на построеніе часовни, и по справкѣ оказалось, что на долю старообрядцевъ, предъявившихъ теперь права свои на часовню, приходилось не болѣе 15 р. с. Убѣдившись въ неосновательности ихъ притязаній на владѣніе часовнею, преосвященный Іосифъ, епископъ ковенскій, принялъ дѣятельныя мѣры къ устраненію этого затрудненія, встрѣченнаго королишковскими единовѣрцами 1). Итакъ дѣло объ устроеніи единовѣрческихъ

1) Католическое населеніе сѣверо-западнаго края показало себя вообще довольно безучастнымъ къ возникшему въ средѣ раскольниковъ религіозному движенію, столь благопріятному для церкви православной, и это нужно объяснять, конечно, тѣмъ, что Поляки достаточно убѣдились въ совершенной недоступности раскольниковъ для польской пропаганды и политической, и тѣмъ больше для религіозной. Впрочемъ были паны, которые совѣтовали старообрядцамъ, принимающимъ единовѣріе, пождать какихъ ни-

церквей въ сѣверо-западномъ краѣ шло своимъ порядкомъ, и согласно ходатайству духовныхъ и гражданскихъ властей, въ концѣ 1869 года на сей предметъ ассигновано правительствомъ 5,000 руб. Сумму эту назначено употребить на устройство двухъ церквей въ городѣ Ковнѣ и селеніи Королишкахъ. Для третьей же единовѣрческой церкви, новоалександровской, правительствомъ дано въ городѣ весьма удобное мѣсто, а построеніе церкви изъявили готовность принять на свой счетъ петербургскія единовѣрцы, которые, безъ сомнѣнія, и не замедлятъ исполнить свое благочестивое обѣщаніе. Кромѣ того, для предполагаемыхъ церквей пожалованы древняго письма иконы, парчевыя и бархатныя ризы съ прочими принадлежностями священническаго облаченія и священные сосуды, изъ числа пожертвованныхъ для сѣверо-западнаго края церковныхъ вещей. Этими пожертвованіями единовѣрцы обязаны особенному вниманію къ ихъ нуждамъ супруги главнаго начальника края Е. В. Потаповой, которая принявъ лично о. Павла, предоставила ему самому сдѣлать выборъ нужныхъ единовѣрцамъ иконъ, и вообще съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ дѣлу объ учрежденіи единовѣрія среди раскольническихъ селеній сѣверо-западнаго края.

И такъ относительно безпрепятственнаго и скораго устроенія единовѣрческихъ церквей въ трехъ указанныхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были особенно нужны, не представлялось болѣе никакихъ опасеній. Оставалось позаботиться объ избраніи къ симъ церквамъ способныхъ и благонадежныхъ священниковъ, и дѣло это представлялось также въ высшей степени важнымъ для упроченія и дальнѣйшихъ успѣховъ единовѣнія между литовскими старообрядцами. Для того чтобы вполнѣ удовлетворить присоединившихся и особенно чтобы привлечь къ единовѣрію прочихъ старообрядцевъ, колеблющихся въ расколѣ, необходимо было дать новоучрежденнымъ единовѣрческимъ приходамъ такихъ священниковъ, которые, сколько возможно, свободны были бы отъ недостатковъ, по преимуществу соблазняющихъ старообрядца, которые твердо знали бы церковный уставъ, такъ строго соблюдаемый старообрядцами, были бы достаточно свѣдущи въ Пи-

---

будь *два года* (?): „тогда,—прибавляли,—получили бы священство отъ Рима“.....

саніи и книгахъ святоотеческихъ, дабы могли отвѣтъ дать вопрошающимъ, особенно старообрядскимъ совопросникамъ, и наконецъ, по самой жизни, были бы извѣстны среди окрестнаго старообрядскаго населенія неукоризненнымъ поведеніемъ и честностію; сверхъ того о. Павелъ всегда считалъ существенно важнымъ условіемъ для будущихъ единовѣрческихъ священниковъ, чтобъ они не были причастны тѣмъ предубѣжденіямъ противъ церкви православной, которыя, къ сожалѣнію встрѣчаются у единовѣрцевъ, напротивъ были бы проникнуты духомъ того полнаго съ нею единенія, и въ ученьи, и въ таинствахъ, которые составляетъ самую сущность единовѣрія. По зрѣломъ размышленіи, онъ пришелъ къ тому заключенію, что указаннымъ требованіямъ могли бы удовлетворить нѣкоторые изъ тѣхъ достаточно подготовленныхъ къ проповѣдничеокой дѣятельности единовѣрцевъ, о которыхъ мы говорили выше, и именно сами главные дѣятели по учрежденію единовѣрія въ сѣверо-западномъ краѣ, бывшіе старообрядскіе наставники—королишковскій Василій Семеновъ, перелазовскій Мартеміанъ Аѳанасьевъ и новоалександровскій Артемій Сухорукинъ. Притомъ же о. Павлу извѣстно было, что сами принявшіе единовѣріе старообрядцы весьма желали имѣть ихъ священниками и желаніе это выражали открыто. По всему этому, и руководясь единственно желаніемъ пользы и преуспѣянія новоучреждаемымъ единовѣрческимъ приходамъ, онъ рѣшился ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о постановленіи упомянутыхъ лицъ въ священники для этихъ приходовъ,—и просвѣщенные архипастыри не нашли къ тому никакихъ препятствій [1]). Такимъ образомъ и относительно назначенія священниковъ для новоустрояемыхъ церквей, о. Павелъ былъ вполнѣ успокоенъ, и на сей разъ могъ считать свою миссію въ сѣверо-западномъ краѣ оконченною.

---

1) Для руководства предназначенныхъ священниковъ на первое время въ отправленіи священническихъ службъ, о. Павелъ намѣренъ былъ оставить (и оставилъ) у нихъ своего спутника—іеродіакона Іоанна; кромѣ того, по просьбѣ и желанію новоприсоединенныхъ и ищущихъ присоединенія къ церкви, онъ обѣщалъ ходатайствовать о дозволеніи пріѣхать къ нимъ на время для священнослуженія и для собесѣдованій другому Іоанну, бывшему рымковскому наставнику, а нынѣ іеромонаху Никольскаго монастыря.

Спустя не много времени, по отъѣздѣ его изъ Вильны, указанныя выше лица были дѣйствительно поставлены въ священники: именно 15-го марта преосвященный Іосифъ рукоположилъ Артемія въ діаконы, а 22-го во священники для новоалександровскаго единовѣрческаго прихода, въ тотъ же день, 22-го марта рукоположенъ въ діаконы, а 25-го во священники другой наставникъ Василій Семеновъ для королишковской церкви; наконецъ 5-го апрѣля рукоположенъ во священники и Мартеміанъ для ковенской единовѣрческой церкви.

Н. Субботинъ.

АПОКРИСИСЪ ХРИСТОФОРА ФИЛАЛЕТА,

Къ переводѣ на современный русскій языкъ, съ предисловіемъ, приложеніями, и примѣчаніями. Изданъ въ память юбилея Кіевской Духовной Академіи, 28 сентября 1869 г. Кіевъ 1870. Въ 8 д. л. LVIII, 505 и 90 стр. Цѣна 3 р.

На дняхъ окончательно вышелъ въ свѣтъ «Апокрисисъ Христофора Филалета», подготовленный Кіевской Духовной Академіей, въ переводѣ на современный русскій языкъ, еще ко дню своего пятидесятилѣтняго юбилея. Спѣшимъ сказать, что изъ всѣхъ литературныхъ трудовъ, исполненныхъ Академіею къ ея полувѣковому празднику, »Апокрисисъ Хр. Филалета»— самый цѣнный самый интересный, самый важный трудъ во многихъ отношеніяхъ. И мы долгомъ считаемъ—немедленно, хотя отчасти, познакомить съ нимъ нашихъ читателей въ настоящей бѣглой замѣткѣ, подъ вліяніемъ живаго впечатлѣнія отъ только что прочитанной книги.

«Апокрисисъ» не составляетъ собственно новости, въ строгомъ смыслѣ этого слова: въ подлинникѣ, онъ напечатанъ въ первой разъ еще въ 1597 году и притомъ въ двухъ изданіяхъ—на польскомъ и русскомъ языкѣ; тѣмъ неменѣе о сочиненіи этомъ знали у насъ доселѣ только записные изслѣдователи историко—богословской литературы, такъ что нынѣ; въ новомъ переводѣ, »Апокрисисъ« для огромнаго большинства читателей, окажется совершенной новостью. И посему нелишнимъ будетъ, если мы скажемъ здѣзь, что Апокрисисъ (т. е. Отвѣтъ) представляетъ

собою обширный критическій трактатъ Христофора Филалета на книгу іезуита Петра Скарги «Соборъ Брестскій...», изданную въ 1596 году. (Такимъ образомъ Хр. Филалетъ является *первымъ* писавшимъ противъ уніи). Въ своей книгѣ Скарга представилъ описаніе собора, введеніе на немъ уніи, оборону собора и переговоры съ лицами, не изъявившими согласія на унію. Эту-то іезуитски-лживую и коварную книгу нашъ авторъ разбираетъ шагъ за шагомъ, показываетъ всю ея односторонность, изворотливость, ложь, безпристрастно и отчетливо излагаетъ ходъ и значеніе событій и ярче дня озаряетъ незыблемую истинность Восточной Церкви. Не скроемъ, что первыя страницы книги его потребуютъ отъ читателя нѣкотораго напряженія, но за то дальше—говоримъ это по опыту—когда вчитаешься въ нее, отъ нея оторваться не хочется. Сущность дѣла обрисовывается все яснѣе и яснѣе, личность автора выростаетъ выше и выше и вызываетъ самое глубокое уваженіе. Какъ жаль, что свѣдѣнія о личности и жизни его чрезвычайно бѣдны! Полагаютъ, что онъ былъ житель Волыни, происходилъ изъ свѣтскаго званія, что настоящее имя его—*Христофоръ Бронскій*, что онъ получилъ замѣчательно-высокое образованіе—быть можетъ, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за границею—и конечно вслѣдствіе этого явился не чуждъ нѣкоторыхъ протестанскихъ оттѣнковъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, оттѣнковъ, легко объясняемыхъ притомъ историческими обстоятельствами; что онъ постоянно потомъ вращался въ средѣ лучшихъ ученыхъ представителей той поры, сдѣлался близокъ князю Константину Острожскому, съ ними вмѣстѣ былъ на Брестскомъ соборѣ, какъ прямой участникъ; что «Апокрисисъ» написалъ онъ по порученію князя и за это получилъ отъ него цѣлое имѣніе; что увлеченіе защитой священныхъ истинъ вѣры и Церкви развило въ немъ стремленіе къ богомыслію, къ подвижнической жизни и вслѣдствіе этого онъ удалился на Аѳонъ, гдѣ поступилъ въ монахи и тамъ продолжалъ писать въ защиту православной Церкви и наконецъ—неизвѣстно, когда—скончался. Въ дополненіе къ этимъ, болѣе или менѣе гадательнымъ, извѣстіямъ можно извлечь кое-что несомнѣнно—положительное изъ самой его книги. Изъ нея видимъ и убѣждаемся, прежде всего, что авторъ ея—человѣкъ надѣленный рѣдкими дарованіями, мно-

госторонне и серьезно образованный, съ богатѣйшимъ здравымъ смысломъ; что онъ превосходно понимаетъ характеръ событій и лицъ церковной исторіи, что онъ вполнѣ владѣетъ языками латинскимъ и греческимъ; видимъ далѣе, что онъ—человѣкъ глубоко вѣрующій, искреннѣйшій сынъ своей Церкви, человѣкъ съ твердымъ изученіемъ священнаго Писанія соединяющій необыкновенную разнообразную начитанность, съ громадной памятью—зоркое и ясное пониманіе, съ глубокимъ анализомъ—строгую логику При такихъ рѣдкихъ дарованіяхъ, онъ мѣтко и сильно поражаетъ своего противника подавляющей массой историческихъ примѣровъ, неодолимой прямотою выводовъ, а иногда и живой, бойкой ироніей. Съ видимымъ самообладаніемъ встрѣчаетъ онъ всѣ до единаго возраженія противника и опрокидываетъ ихъ съ необыкновенно яснымъ пониманіемъ сущности дѣла. И авторъ самъ очень хорошо сознаетъ свою силу, чувствуя себя на твердой исторической почвѣ. Вотъ почему во всей книгѣ его чуется побѣдный тонъ при самой честной полемикѣ. Эта честная полемика замѣчательна еще своею сдержанностію, приличіемъ, въ сравненіи съ ѣдкой язвительностію его хитраго противника. Серьезный анализъ событій оживляется иногда рядомъ интересныхъ цитатъ, рядомъ непосредственныхъ обращеній къ «дѣеписателю» (такъ называетъ онъ скрывшаго свое имя Скаргу), рядомъ ловкихъ, испытующихъ вопросовъ къ нему (любимая форма рѣчи у автора) и чрезвычайно удачно приводимыми острыми пословицами. Нѣкоторыя страницы являются истинно-блистательными, по мастерской обстановкѣ фактовъ, силѣ объясненія ихъ и длинному ряду неумолимыхъ стремительныхъ обличеній, наносящихъ жестокое пораженіе противнику. Нерѣдко однимъ рядомъ глубокосодержательныхъ, логически построенныхъ вопросовъ онъ приводитъ выводы своего противника до очевидной нелѣпости и ставитъ его въ безвыходное положеніе. При этомъ онъ вполнѣ внимателенъ къ своему противнику, или сказать точнѣе—къ самому предмету спора. Видно, что дѣло это—дѣло его сердца, его души; въ тонѣ его чувствуешь пламень святой ревности къ завѣтной истинѣ, пламень который невольно сообщается и читателю, такъ что книгу его читаешь не по одному только любопытству, не для одного только знанія. Опровергая противника широкимъ строемъ историческихъ примѣровъ, нашъ авторъ не слѣпо

смотритъ на положеніе родной, Восточной Церкви, и видитъ и рисуетъ въ истинномъ свѣтѣ ея добрыя и грустныя стороны. Страницы, на которыхъ ведетъ онъ рѣчь о состояніи единовѣрной ему Церкви, часто дышутъ скорбію и умилительнымъ состраданіемъ. Мы не можемъ при этомъ не остановиться на томъ характерѣ дѣйствій православнаго духовенства, который очерчиваетъ нашъ авторъ, сравнительно съ духовенствомъ римскимъ, не можемъ не пожелать, чтобы подобный характеръ существовалъ и теперь и сохранился на вѣки: вотъ какъ изображаетъ его умный и наблюдательный писатель: «*Наши духовные знаютъ предѣлы своего призванія; знаютъ, что имъ поручено только совершеніе Божіихъ таинствъ, преподаваніе истиннаго ученія, служеніе святынею овцамъ Господнимъ, наблюденіе церковнаго порядка и другія симъ подобныя и приличныя истиннымъ пастырямъ дѣла, которыми и слѣдуетъ заниматься: и кто хочетъ выполнять ихъ какъ должно и вполнѣ удовлетворительно, тому и не нужно и неприлично вмѣшиваться въ свѣтскія забавы. Къ тому-же извѣстно имъ, что свобода и достоинство и званіе духовное не суть неограничены*». (Стр. 288).

Являя въ себѣ строгаго, многосвѣдущаго историка Церкви, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ иногда говоритъ какъ горячій патріотъ, сердцемъ болѣющій о несчастіяхъ своихъ единоверцевъ—соотечественниковъ и защищающій ихъ совсѣмъ жаромъ и искусствомъ умнаго, опытнаго дипломата (см. напр. стр. 317—323). Тутъ звучитъ истинно достойная, благородная рѣчь, истекающая отъ яснаго сознанія своихъ правъ и пониманія историческихъ событій. Тутъ неразъ авторъ является тонкимъ психологомъ, ораторомъ доходящимъ до поэтическаго одушевленія и сердечнаго краснорѣчія.

Наконецъ, чтобы сказать въ немногихъ словахъ все существенное объ этой книгѣ, скажемъ, что въ ней іезуиту Скаргѣ и, въ лицѣ его, всей римской церкви *данъ такой отвѣтъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ остаться въ раздумьѣ, на чьей сторонѣ правда.* Эти слова самаго автора (стр. 123) совершенно безусловно можетъ повторить каждый о его книгѣ. Мы не знаемъ, есть ли матеріалъ болѣе полной, болѣе важной для данной эпохи и для науки обличительнаго

богословія; но мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что книга эта изумляетъ и поражаетъ отчетливостію и обширными свѣдѣніями. Изданная вскорѣ послѣ собора, она явилась актомъ несомнѣнно историческаго значенія, Православные долго гордились ею предъ уніатами. Сами враги нашего автора сознавали ея силу. Современники расказываютъ, что отступникъ Ипатій Поцѣй въ отвѣтъ на это сочиненіе (въ 1599 г.) грозилъ Филалету—кіемъ». Скарга молчалъ.,.. И только легкомысліе и безпечность могли безчувственно закрывать глаза свои предъ ея поражающей силой. Самъ авторъ опасался, что книгу его сожгутъ латиняне и потому посвятилъ »Апокрисисъ« славному вельможѣ Яну Замойскому, человѣку извѣстному своимъ благороднымъ характеромъ и государственнымъ значеніемъ, посвятилъ съ тою именно цѣлію, чтобы всѣми уважаемое имя Замайскаго спасло книку отъ сожженія.—Наши позднѣйшіе изслѣдователи отзываются о трудѣ Филалета съ полнымъ уваженіемъ. Ученый историкъ церкви, архіепископъ Черниговскій Филаретъ даетъ слѣдующій отзывъ о книгѣ умнаго защитника православія: »*Апокрисисъ*«—*сочиненіе превосходное по основательности мыслей и любопытное по множестеу историческихъ документовъ, на которыхъ основаны мысли* [1]). Извѣстный спеціалистъ по исторіи уніи, проф. Кояловичъ такъ говоритъ объ Апокрисисѣ: «Здѣсь все почти исторія и исторія необычайно дѣльная. Множество грамотъ самыхъ повидимому недоступныхъ автору и множество очевиднѣйшихъ фактовъ дѣлаютъ эту книгу настольною для изслѣдователя уніи« [2]).

Послѣ всего этого мы имѣемъ полное право сказать, что переводъ Апокрисиса, изданный нынѣ Кіевской Дух. Академіей, представляетъ собою рѣдкій вкладъ въ нашу историко-богословскую литературу и драгоцѣнную книгу для всякаго образованнаго человѣка, которому сколько-нибудь близко дѣло православія.

---

1) Обзоръ русс. дух. лит. 1859 г. т. I, стр. 242, § 157. Сочиненіе Скарги преосв. Филаретъ приписываетъ Поцѣю; но авторъ Апокрисиса въ своемъ предисловіи къ читателю (стр. 7) прямо называетъ своего противника римляниномъ. Любопытно, однако, что Поцѣю же приписываетъ это сочиненіе и авторъ „Перестроги“ такъ еще тогда таинственно было имя автора—дѣеписателя собора

2) Лит. Церк. Унія т. I, стр. 181.

Книга эта получаетъ особенную силу и значеніе въ настоящее время, когда на римскомъ соборѣ, съ изумительною слѣпотою, стараются провозгласить какъ церковный догматъ непогрѣшимость папы. И вотъ въ это-то время нашъ авторъ словно воскресаетъ, чтобы, съ своимъ яснымъ умомъ, изумительнымъ знаніемъ и пламенной энергіей, вновь высказать гремящее обличеніе творцамъ новыхъ догматовъ... Его-ли, жившаго въ пору непрерывной жизненной борьбы съ латинскомъ дѣйствовавшаго въ самомъ центрѣ борьбы, ратоборствовавшаго во всеоружіи самой солидной учености, его-ли не выслушаемъ нынѣ мы, единовѣрцы его? Нѣтъ, мы позволяемъ себѣ выразить крѣпкую надежду, что священнослужители югозападнаго и западнаго края почтутъ непремѣннымъ долгомъ пріобрѣсть эту книгу, какъ необходимую и незамѣнимую въ своемъ родѣ, для всѣхъ имъ подвѣдомыхъ церковныхъ библіотекъ. Мы увѣрены, что многіе изъ нихъ неразъ будутъ имѣть поводъ, хоть мысленно, горячо поблагодарить ея переводчиковъ... Заслуга переводчиковъ пріобрѣтаетъ значеніе еще и въ томъ отношеніи, что старый югозападно-русскій языкъ подлинника представляетъ необыкновенныя трудности для перевода: представьте себѣ какую-то поразительно-пеструю смѣсть словъ и оборотовъ польскихъ, латинскихъ, литовскихъ, церковно-славянскихъ, малороссійскихъ и русскихъ, смѣсь, которая озадачиваетъ при переводѣ на всякой страницѣ и чуть ли не во всякомъ періодѣ. Переводчики совершили истинный подвигъ, совладавши съ этой причудливой, калейдоскопической рѣчью [1]). Языкъ перевода вообще простъ и ясенъ. Но, чтобы быть вполнѣ безпристрастнымъ, замѣтимъ, что коегдѣ въ переводѣ все-таки встрѣчаются нѣкоторыя темныя мѣста, происшедшія, вѣроятно, отъ желанія быть какъ можно ближе къ подлиннику; намъ кажется, что

---

1) Какъ образчикъ языка въ Апокрисисѣ (и притомъ именно языка самаго *легчайшаго)*, переводчики приводятъ въ своемъ изданіи, на стр. 322—323, небольшой отрывокъ, какъ наиболѣе близкій къ нашему церковному языку; отрывокъ этотъ очень любопытенъ и мы возмемъ изъ него нѣсколько строкъ: „Господи Боже! приклони сердце привременнаго властителя нашего, и всѣхъ сожителей панства сего, въ немъ же насъ поставилъ еси: даже тіи, ведуще, еже къ благому и полезному и ку покоеви посполу стягаетъ, совѣтовъ, дѣйствъ и поступковъ, добровольной славѣ Имени Твоего противныхъ, и несогласіе и нелюбовь приносящихъ, съ пильностію ся остерегали“ (стр. 322).

парафразъ въ подобныхъ случаяхъ былъ бы безгрѣшнымъ дѣломъ. Пожалѣемъ о томъ еще, что книга черезчуръ богата опечатками, иногда даже искажающими смыслъ (впрочемъ, всѣ подобныя опечатки указаны въ концѣ книги). — Изданіе скромное, но чистенькое. Къ переводу Апокрисиса приложены: 1) предисловіе проф. Малышевскаго,—цѣлый трактатъ, трактатъ чрезвычайно интересный и мастерской, о личности и главнѣйшихъ сочиненіяхъ двухъ борцовъ: іезуита Скарги и Христофора (преимущественно о послѣднемъ) и отчасти объ ихъ времени; 2) отвѣтъ неизвѣстнаго клирика Острожской церкви на письмо отступника Ипатія къ князю Константину Острожскому; 3) его-же исторія о Флорентійскомъ соборѣ (два эти сочиненія имѣютъ тѣсную связь съ Апокрисисомъ и современны ему; 4) Synod. Brzeski, сочиненіе іезуита Скарги, въ подлинникѣ, на которое собственно и написанъ Апокрисисъ; 5) двадцать пять актовъ, извлеченныхъ изъ Апокрисиса въ подлинникѣ; 6) весьма обширныя, ученыя примѣчанія проф. Малышевскаго, во многомъ помогающія чтенію самой книги и 7) азбучный указатель именъ, упоминаемыхъ въ предисловіи, книгѣ и примѣчаніяхъ къ ней. Во всей книгѣ болѣе 40 листовъ убористой печати, а цѣна—то ей всего три рубля, съ пересылкой: это—просто подарокъ для всѣхъ любителей дѣльнаго чтенія! [1]).

Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы трудолюбивые переводчики какъ можно скорѣе получили возможность перевести весь рядъ полемическихъ сочиненій, писанныхъ въ юго-западной Руси съ конца XVI в., на которые указывалъ одинъ изъ нихъ еще въ 1867 году (см. Труды Кіев. Дух. Акад. 1867 г., декабрь, стр. 659—670. ст. И. И. Малышевскаго) именно: «Перестрогу», посланія александрійскаго патріарха Малетія, нѣкоторыя изданія Смотрицкаго (до его отступничества), Antidotum Мужиловскаго, книгу о вѣрѣ и Палинодію Захарія Копыстенскаго, Антапологію Диплица противъ апологіи Смотрицкаго и Лиѳосъ м. Петра Могилы. Великое значеніе этихъ трудовъ, какъ богословское, такъ и церковно-историческое, отчетливо указано въ названной сейчасъ статьѣ. Мы возмемъ изъ нея только то

1) Желающіе пріобрѣсть ее могутъ адресоваться въ редакцію „Воскреснаго Чтенія“ при Кіевской Духовной Академіи.

напоминаніе, что еще въ концѣ XVIII в. знаменитый поборникъ православія Георгій Конисскій совѣтовалъ издавать лучшія изъ нихъ, чтобы дѣйствовать ими на обращеніе уніятовъ или олатиненныхъ русскихъ. Живыя преданія приписываютъ ту же мысль м. Евгенію и ректору Иннокентію. Станемъ надѣяться, что послѣ стольких лѣтъ ожиданіи начатое теперь дѣло встрѣтитъ себѣ повсюду сочувственный пріемъ; что любознательность читателей усилитъ средства изданія; что вся серьезная журналистика наша, для которой свято значеніе православной вѣры, посодѣйствуетъ добрымъ вліяющимъ словомъ скорѣйшему распространенію этихъ, несомнѣнно полезныхъ и необходимыхъ памятниковъ. Какъ ни важенъ ихъ церковно-историческій интересъ, но въ настоящую пору едва ли не выш ихъ интересъ богословскій. «Въ наши дни (говоритъ многоуважаемый авторъ указанной статьи), когда вопросы о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ возбождаютъ усиленное вниманіе къ себѣ у людей, искренно ищущихъ единой христіанской истины; когда богохранимое въ Россіи православіе обращаетъ на себя испытующіе или исполненные надежды взоры даже издали,—въ эти дни было бы весьма благовременно—сдѣлать болѣе доступнымъ тотъ богатый матеріалъ нашей родной православной апологетики, который завѣщали намъ старые поборники православія, умѣвшіе не только защищать силою мысли и слова свои завѣтныя преданія, вѣрованія, но и страдать за нихъ. Отъ ближайшаго знакомства съ ними и ихъ писаніями, ихъ выстраданными жизненными убѣжденіями, быть можетъ, и собственныя православныя воззрѣнія наши пріобрѣтутъ болѣе отчетливости, крѣпости, жизненности»...

Этою благою надеждой, высказанною такъ сердечно и прекрасно, напутствуемъ и мы появленіе нынѣ въ свѣтъ «Апокрисиса».

(Кіев. епарх. Вѣд.)

Изъ Ковны.

15 августа Ковна была осчастливлена посѣщеніемъ любимаго нашего архипастыря Макарія. Онъ прибылъ 14-го числа и, поздоровавшись съ своею паствою, отправился въ Пожайскій монастырь—8-9 верстъ отъ Ковны—ко дню храмоваго праздника успенія Божіей Матери.

Монастырь этотъ не имѣетъ за собою ничего историческаго. Онъ не имѣетъ славныхъ воспоминаній, подобно другому монастырю Ковенской губерніи, Сурдецкому, бывшему нѣкогда центромъ и распространителемъ православія на Жмуди, во время его славы здѣсь, и убѣжищемъ и поддержкою православныхъ въ печальныя годины гоненій *); за то Пожайскій монастырь можетъ похвалится другимъ богатствомъ—зодчества и единственною, въ своемъ родѣ, красивою мѣстностію. Не даромъ нашъ маститый старецъ, горячо-любимый всѣми русскими, и уважаемый даже иновѣрцами (что не легко дается), высокопреосвященнѣйшій Антоній, б. архіепископъ минскій, избралъ Пожайскъ мѣстомъ своего пребыванія.

Дорога въ Пожайскъ отъ вокзала идетъ сначала по высокой горѣ, сквозь которую проведенъ знаменитый ковенскій тоннель, а потомъ, спустившись съ горы, по берегу Нѣмана и чрезъ сосновый лѣсъ. Кратковременное путешествіе изъ Ковны въ Пожайскъ доставляетъ большое удовольствіе ѣдущему туда лѣтомъ—пожалуй и зимой—въ хорошую погоду, но это путешествіе крайне неудобно, а иногда сообщеніе почти вовсе невозможно весною и осенью, когда спуски горы представляютъ обрывы, чрезъ которые съ трудомъ проходятъ и пѣшеходы. Спустившись съ горы и проѣхавъ менѣе получаса сосновымъ лѣсомъ, путникъ неожиданно упирается въ ворота, замыкающія собою каменную улицу, усаженную по обѣимъ сторонамъ вѣковыми липами, ведущую къ оградѣ монастырской, которую составляютъ сплошныя каменныя, жилыя постройки--нѣкогда гостинный дворъ для пріѣзжавшихъ богомольцевъ. Ограда эта замыкается другими воротами, ведущими на церковный погостъ. Погостъ обрамляютъ тоже со всѣхъ сторонъ каменныя постройки, на фронтѣ которыхъ красуется

*) Ошибаются тѣ, которые, основываясь на дарственной записи тогда монастырю 1636 г. Анны Ставецкой, скарбниковой в. кн. Литовскаго, самое основаніе монастыря относятъ къ XVII в. Они забываютъ, что даже документъ, принимаемый ими за основаніе, опровергаетъ ихъ; ибо Ставецкая съ Жерезинцевъ передаетъ имѣніе Важдели манастырю—значитъ существовавшему прежде, строитъ новую церковь на мѣсто „совершенно обветшалой,“ которая,—существовала за-долго до этого времени. Несомнѣнно, что основаніе Сурдецкаго монастыря восходитъ къ XIV, а можетъ быть XIII вѣку.

великолѣпной архитектуры монастырская церковь успенія Божіей Матери. Церковь имѣетъ видъ ротонды, сомкнутой двумя флигелями изящнаго стиля. Фронты церкви составляютъ двѣ башни, а между ними полукруглое преддверіе. Всѣ наружныя стѣны, вмѣсто штукатурки, обложены плитами песчаника. Надъ дверми, на мраморной доскѣ, надписано золотыми буквами, когда и кѣмъ церковь построена. Всѣ стѣны храма внутри, отъ верху до земли, обложены чернымъ и краснымъ итальянскимъ мраморомъ; изъ котораго сдѣланъ и весь полъ; сводъ покрытъ богатою рѣзьбою и альфресками, изображавшими исторію ордена камендуловъ. Огромная темная мраморная плита съ золотою надписью составляетъ надгробный памятникъ и служитъ входомъ въ склепъ, въ которомъ похоронены основатели монастыря и ихъ дѣти. Направо на погостѣ,—между церковью и бывшими гостинницами, изъ такъ называемой *«залы Пацовъ»*, устроена теплая монастырская церковь. Въ залѣ этой находился каменный экранъ, который, по преданію, обманулъ и разсердилъ бывшаго здѣсь въ 1706 году Карла XII. Карлъ, прибывшій сюда въ стужу, и введенный въ залу, прямо отправился къ экрану, живо представлявшему горящій на каминѣ огонь, чтобы обогрѣться, но вмѣсто воображаемаго огня, натолкнулся на холстъ. Обманутый и сконфуженный побѣдитель такъ сильно толкнулъ ногою экранъ, что знакъ этого удара сапогомъ остался до послѣдняго времени. За церковью (большою) въ симметрическомъ порядкѣ расположены 12 небольшихъ красивыхъ домиковъ, нѣкогда квартиры камендульскихъ монаховъ. Домики эти, и между ними ограда, отдѣляютъ монастырскій дворъ отъ сада, расположеннаго по берегу Нѣмана, нѣкогда прекраснаго, богатаго рѣдкими фруктовыми деревьями. Садъ обведенъ кругомъ каменною оградою. Въ саду высокая, чрезвычайно легкой, красивой архитектуры башня, у подножія которой струится серебристый Нѣманъ. Видъ съ башни представляетъ восхитительную картину. На башню эту въ извѣстные только часы (по преданію—около захожденія солнца), и то каждый разъ по одиночкѣ, позволялось восходить монахамъ и любоваться картинами природы.

Всѣ эти постройки воздвигнуты въ 1662 году (главная церковь, начатая въ этомъ же году, окончена только въ 1674 г.), Христофоромъ Пацомъ, канцлеромъ в. кн. литовскаго и женою

его Елисаветою-Евгеніею, изъ графовъ де-Манли—а по другимъ, родною его сестрою,—первыми настоятелями основаннаго ими здѣсь монастыря. Постройки обошлись, по свидѣтельству польскихъ историковъ, до 8 мил. злотыхъ, или, какъ говорятъ другіе—стоили 8 бочекъ золота. Высочайшею конфирмаціею 29-го сентября 1832 года камендульскій монастырь обращенъ въ православный монастырь 2-го класса, а въ 1842 году 12-го іюля возведенъ въ первоклассный. Церковь освящена въ 1840 году во имя успенія Божіей Матери.

Если ко всему сказанному прибавить, что вся церковь, какъ въ отношеніи архитектуры, такъ и въ отношеніи живописи, ваянія и пр., дѣло рукъ итальянскихъ мастеровъ и художниковъ, то картина всего монастыря будетъ понятна сама собою. Онъ достоинъ изученія и описанія не въ короткой газетной корреспонденціи. Переходимъ къ тому, что насъ теперь занимаетъ, и что послужило поводомъ настоящей замѣтки.

15-го числа августа, въ 10 часовъ утра, монастырскій колоколъ возвѣстилъ православнымъ о выходѣ архипастыря и началѣ священнодѣйствія. Не смотря на то, что Пожайскъ былъ нѣкогда замѣчательнѣйшимъ изъ монастырей сѣверозападнаго края, ему никогда,—ни во дни католичества, ни въ позднѣйшее время, не приходилось быть свидѣтелемъ торжества, подобнаго настоящему: 3 архіерея, архіепископъ Антоній, епископы Іосифъ—Ковенскій и Игнатій б. Гродненскій присутствовали во время литургіи, совершенной владыкою и двое—архіепископъ Антоній и епископъ Іосифъ—сослужили ему на молебнѣ. Стройное пѣніе на два хора пѣвчихъ, виленскихъ и здѣшнихъ, довершало картину торжества, могущественно дѣйствовавшую на всѣхъ присутствовавшихъ. Жаль, что въ церкви мало замѣтно было католиковъ изъ крестьянъ окрестныхъ деревень; пусть бы они увидѣли во-очію, таково ли наше торжественное служеніе, какимъ представляютъ его имъ ксендзы. Будемъ надѣяться, что высокопреосвященнѣйшій нашъ владыка найдетъ когда нибудь время посѣтить въ этотъ день и другой нашъ монастырь—Сурдецкій, куда на поклоненіе чудотворной иконѣ Божіей Матери приходитъ много православныхъ изъ Риги, которые главнымъ образомъ и поддерживаютъ монастырь, и куда собираются со всей Жмуди тысячи богомольцевъ католиковъ. Ли-

тургія закончилась прекраснымъ словомъ владыки на текстъ: *Вѣруяй въ Мя аще и умретъ, оживетъ*, въ которомъ краснорѣчивый ораторъ, сказалъ о кратковременности и неизбѣжности смерти, осязательно представилъ картину загробнаго состоянія душъ, ожидающихъ суда по дѣламъ каждаго, и говорилъ о необходимости, поэтому, молитвы за умершихъ—какъ доказательства нашей любви къ роднымъ и знакомымъ, которая (молитва) только и можетъ облегчать скорбное состояніе и томленіе покойниковъ. Послѣ обѣдни, гостепріимный хозяинъ пригласилъ присутствующихъ въ трапезу, гдѣ имъ, вмѣстѣ со всею братіею, былъ приготовленъ обильный завтракъ.

На другой день, 16 августа, высокопреосвященнѣйшій, вмѣстѣ съ епископомъ Іосифомъ, священнодѣйствовалъ въ Ковенскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи народа, всѣхъ вѣръ и націй. (При встрѣчѣ владыки, нашъ достойнѣйшій протоіерей, много потрудившійся на пользу православія и русскаго дѣла, въ теченіе 30-лѣтняго своего служенія испытавшій «злая и благая,» сказалъ короткую, но полную мысли и чувства, привѣтственную рѣчь владыкѣ). На обѣднѣ, послѣ заамвонной молитвы, владыка говорилъ слово. Воспользовавшись днемъ нерукотвореннаго образа Спасителя (убруса), ораторъ объяснилъ происхожденіе и значеніе этого образа, и потомъ сдѣлалъ быстрый переходъ къ тому, что нерукотворенный образъ не одинъ, ихъ много, нерукотворенный образъ Божій находится вездѣ въ Его твореніи, и что изученіе природы, которое по этому крайнѣ необходимо каждому, есть изученіе самаго образа Божія. Нерукотворенный образъ, прибавилъ ораторъ, пребываетъ и внутри каждаго изъ насъ, начертанный самимъ Богомъ при рожденіи нашемъ, по этому необходимо чаще смотрѣть на этотъ образъ и изучать его, а для этого каждый обязанъ изучить самаго себя. Такихъ могущественныхъ словъ, такъ просто, доступно каждому изложенныхъ великихъ догматическихъ истинъ, по общему голосу, никому изъ присутствовавшихъ еще не удавалось слышать. Даже католики, возвращаясь изъ церкви, только говорили о краснорѣчивомъ проповѣдникѣ и толковали о высказанныхъ имъ истинахъ. Да, великую пользу принесли бы намъ подобные

проповѣдники, ясно понимающіе и ясно, осязательно излагающіе высокія истины христіанской религіи.....

Въ тотъ же день высокопреосвященнѣйшій съ вечернимъ поѣздомъ отправился обратно въ Вильну. Ч.

(Вил. Вѣстн.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ИННОКЕНТІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО

посвящено ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ государынѣ императрицѣ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

Большое изданіе въ 8 д. л. отъ 10 до 15 томовъ. Народное изданіе въ 6 томахъ въ 16 д. л.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

12 лѣтъ протекло со времени кончины знаменитаго архипастыря русской церкви, высокопреосвященнаго Иннокентія,— и сочиненія его, имѣвшія самый обширный кругъ читателей, давно уже всѣ разошлись и сдѣлались теперь рѣдкостью. Извѣстно, какъ одушевленное слово почившаго духовнаго витіи нашего восторгало многочисленныхъ слушателей его въ Петербургѣ, Кіевѣ, въ епархіяхъ Вологодской, Харьковской и Херсоно-Таврической. Но не въ этихъ только мѣстахъ его служенія гремѣла слава высокодаровитаго церковнаго оратора: она разносилась по всей Россіи и проникала даже за предѣлы нашего отечества. Смолкли краснорѣчивыя уста славнаго проповѣдника; но геніальный умъ, глубокая и многосторонняя его ученость, блистательный даръ слова, которыми отличаются его церковныя поученія и другія сочиненія останутся навсегда незабвенными для Россіи и властны благотворно дѣйствовать на самое отдаленное потомство. Изъ сочиненій такого знаменитаго писателя, какъ высокопреосвященный Иннокентій, читатели всякаго званія извлекутъ для себя, какъ изъ обильнаго источника, несомнѣнную

пользу. И въ царскихъ чертогахъ, и въ палатахъ вельможъ и богачей, и въ домахъ людей средняго сословія, даже въ скромныхъ жилищахъ грамотныхъ простолюдиновъ, сочиненія Иннокентія доставятъ чтеніе назидательное и поучительное. Какъ богословъ, историкъ, проповѣдникъ высокопреосвященный Иннокентій—одинъ изъ первыхъ современныхъ писателей нашихъ; языкъ его—образецъ русской рѣчи.

Имѣя въ виду высокое достоинство сочиненій высокопреосвященнаго Иннокентія и то, что новое полное изданіе ихъ въ свѣтъ дѣлаетъ не только честь, но есть какъ бы прямой долгъ русскаго издателя, я пріобрѣлъ право издавать всѣ сочиненія въ собственность и вознамѣрился собрать въ одно полное изданіе не только непечатанныя прежде, но и тѣ, которыя остались послѣ него въ рукописяхъ, и рѣшился дать русскому обществу такое изданіе, которое будетъ соотвѣтствовать достоинству писателя и современному усовершенствованію типографскаго дѣла. Та, хотя небольшая и скромная извѣстность, которая, какъ я смѣю думать, пріобрѣтена мною въ Россіи моею издательскою дѣятельностію, можетъ послужить до нѣкоторой степени достаточною порукою въ томъ, что, поступивъ въ мою собственность, сочиненія высокопреосвященнаго Иннокентія найдутъ во мнѣ издателя благонадежнаго. Я не остановлюсь ни передъ какими затрудненіями этого дѣла, какъ бы они велики ни были, чтобы сдѣлать это отечественное предпріятіе достойнымъ памятникомъ именитаго витіи.

Не смотря на то, что сочиненія Иннокентія составляютъ мою собственность съ очень недавняго времени, мною сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) Приглашенъ одинъ изъ ученыхъ архимандритовъ, для приведенія въ надлежащій порядокъ всѣхъ сочиненій Иннокентія, въ качествѣ редактора; 2) по указанію этого ученаго редактора и другихъ лицъ, сочувствующихъ этому предпріятію, собраны и собираются мною, по возможности, всѣ сочиненія Иннокентія; 3) я совмѣстилъ въ моемъ издательскомъ портфелѣ не малое количество рукописей высокопреосвященнаго, нигдѣ еще ненапечатанныхъ; извлеченія изъ многихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ были помѣщены рѣчи и отрывки произведеній Иннокентія, много собственноручныхъ писемъ покойнаго, равно какъ и девять томовъ писемъ, адресованныхъ къ

кому, дозволять біографу дополнить неизвѣстныя черты его дѣянія; 4) что касается наружнаго вида изданія, я рѣшился печатать его новымъ, особеннымъ, до сихъ поръ въ Россіи неупотреблявшимся, четкимъ шрифтомъ, который былъ изобрѣтенъ въ XVII столѣтіи Эльзевирами. Съ этою цѣлью, по моему заказу, лучшіе граверы исполнили штемпеля русскаго шрифта, и первая русская книга, которая будетъ напечатана буквами этого строгаго, изящнаго стиля, будутъ сочиненія Иннокентія; 5) одновременно заказанъ мною одному изъ извѣстныхъ европейскихъ граверовъ портретъ, на столѣ Иннокентія по писанному портрету, принадлежавшему брату покойнаго; 6) я пригласилъ одного изъ извѣстныхъ нашихъ историковъ, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ покойному Иннокентію, составить его жизнеописаніе, которое будетъ приложено къ полному собранію его сочиненій. Имя историка, принимающаго на себя этотъ трудъ, даетъ мнѣ право надѣяться, что біографія сама по себѣ будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ русской литературы. 7) Сочиненія Иннокентія я предполагаю выпустить въ свѣтъ одновременно въ двухъ изданіяхъ. Первое изъ нихъ будетъ состоять не менѣе какъ изъ 10 томовъ. Это изданіе, которое осмѣливаюсь назвать образцовымъ, будетъ исполнено со всевозможною тщательностью и назначено мною для библіотекъ и для лицъ, имѣющихъ болѣе обширныя средства. Но для того, чтобы сочиненія Иннокентія могли проникнуть въ массу относительно бѣднѣйшаго класса, я выпущу второе изданіе, состоящее изъ однихъ главныхъ произведеній Иннокентія и постараюсь сдѣлать его по цѣнѣ какъ можно болѣе доступнымъ.

Таковы средства, которыми я располагаю; таковы мои намѣренія, и таковъ мой планъ, который я обязуюсь исполнить.

Но каковы бы ни были всѣ эти соединенныя мною усилія и средства личныя мои и приглашеннаго мною къ редакціи изданія ученаго архимандрита, всѣ эти вещественныя и невещественныя средства одни еще недостаточны для того, чтобы предпринимаемое изданіе русскаго Златоуста вышло достойнымъ его славнаго имени и земли, которая оглашалась его вдохновеннымъ словомъ.

Въ предстоящемъ дѣлѣ сильно чувствуется необходимость участія многихъ людей, которыхъ ни я, ни приглашенныя къ

приготовленію изданій ученый дѣятель частью не въ силахъ отыскать, и частію оба мы лишены и самой возможности знать ихъ. Намъ нужно содѣйствіе всѣхъ знавшихъ высокопреосвященнаго Иннокентія въ ежедневной его жизни, всѣхъ слушавшихъ слово его и всѣхъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ какіе бы то ни было матеріалы для описанія его жизни, собственноручныя его письма или вѣрныя записки устно-преподанныхъ имъ академическихъ лекцій и поученій. Покорно прошу этихъ лицъ заявить о томъ, адресуя въ Петербургъ на мое имя. Всякіе расходы будутъ съ благодарностію возвращены, а равно сообщенныя письма и рукописи, по снятіи копіи, немедленно обратно отосланы. Кромѣ того, недостаточное развитіе книжной торговли, затрудняя распространеніе книгъ внутри Россіи, заставляетъ меня просить всѣхъ, кому дорого религіозное и нравственное образованіе народа, помочь мнѣ въ распространеніи подписки на эти сочиненія во всѣхъ слояхъ общества.

Съ этимъ приглашеніемъ, я, въ качествѣ издателя сочиненій высокочтимаго іерарха отечественной церкви, обращаюсь ко всѣмъ, до кого дойдетъ мой голосъ, и твердо убѣжденъ, что настоящій мой призывъ по важному значенію предпринимаемаго мною дѣла, найдетъ повсюду на Руси и откликъ и готовность посильнаго содѣйствія мнѣ въ каждомъ русскомъ, радѣющемъ о славѣ своей церкви и родины.

Книгопродавецъ-издатель *Маврикій Осиповичъ Вольфъ.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на полное собраніе сочиненій

ИННОКЕНТІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

1) Въ полное собраній сочиненіе его войдутъ всѣ напечатанныя при жизни, а равно и всѣ оставшіяся въ рукописи его сочиненій и біографія, съ раздѣленіемъ сихъ сочиненій на 10-ть до 15 томовъ, предположительно въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ I т. будутъ помѣщены біографія его съ библіографическимъ указателемъ,

Въ II, III и IV томахъ: Слова и рѣчи на праздники

Господскіе, на дни воскресные, на праздники Богородичные, на дни святыхъ, на освященіе храмовъ, на дни царскіе и на разные случаи.

Въ V—VIII т.: Три Седмицы, Бесѣды на св. Четыредесятницу, о Молитвѣ св. Ефрема Сирина, Паденіе Адамово, О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, Слова и рѣчи по случаю общественныхъ бѣдствій и нашествія непріятелей, Слова надгробныя при погребеніи и поминовеніи усопшихъ.

Въ IX и X т.: Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, Жизнь ап. Павла, св. Кипріана, Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ грекороссійской церкви.

Въ остальныхъ томахъ будутъ помѣщены акафисты и прочія сочиненія, напечатанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и рукописи, за исключеніемъ тѣхъ поученій, которыя, по сродству содержанія, войдутъ въ предыдущіе томы.

2) Полное собраніе сочиненій Иннокентія выйдетъ въ 8 долю листа на хорошей веленевой бумагѣ, новымъ эльзевировскимъ шрифтомъ; каждый томъ будетъ состоять изъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Къ первому тому будетъ приложенъ портретъ, гравированный на стали. Изданіе всѣхъ томовъ послѣдуетъ безостановочно въ возможно скоромъ времени.

Подписная цѣна на первые 10 томовъ полнаго собранія сочиненія Иннокентія 25 руб., съ пересылкою 28 руб. Цѣна эта впослѣдствіи будетъ возвышена.

Изданіе второе будетъ состоять изъ шести томовъ въ 16 долю листа, отъ 400 до 500 страницъ каждый и будетъ заключать въ себѣ: Слова и Бесѣды на праздники Господскіе и Богородичные, на св. Четыредесятницу, три Седмицы, на освященіе храмовъ, на царскіе дни, слова нагробныя, и «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа».

Подписная цѣна на избранныя сочиненія Иннокентія въ 6 томахъ 6 руб., съ пересылкою 7 руб.

Подписка принимается на оба изданія въ книжныхъ магазинахъ Маврикія Осиповича Вольфа, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, №№ 18, и 19, и 20, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, д. Рудакова, а равно у всѣхъ благочинныхъ, которые будутъ снабжены отъ издателя подписными билетами и листами, и которымъ, за сборъ подписки на десять экземпляровъ, въ

пользу церковныхъ библіотекъ, вышлется одинъ экземпляръ втораго изданія безплатно.

Полный списокъ подписчиковъ, какъ на одно, такъ и на другое изданіе, будетъ приложенъ при послѣднемъ томѣ сочиненій. Потому издатель покорнѣйше проситъ о доставленіи, при высылкѣ подписныхъ списковъ и причитающихся денегъ, точнаго означенія имени и званія подписавшагося, а также и адреса, по которому должно высылать книги.

Такъ какъ количество печатаемыхъ экземпляровъ изданія въ 8 д. л. довольно ограниченно, и въ случаѣ большаго количества подписчиковъ, отпечатаніе новаго изданія нѣкоторыхъ томовъ не могло бы послѣдовать скоро, то издатель обязывается, въ случаѣ невозможности доставленія экземпляровъ, высылать послѣднимъ изъ гг. подписчиковъ деньги обратно.

За выходъ всѣхъ томовъ обоихъ изданій ручаются книжные магазины издателя.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛО

И

поступило въ продажу:

ОПИСАНІЕ

ДѢЛЪ ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ АРХИВѢ ВИЛЕНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА.

СОСТАВИЛЪ

АНДРЕЙ ЭНГЕЛЬ

(при содѣйствіи Н. Н. Гомолицкаго).

ТОМЪ I.

Часть 1-ая 1783—1791.

— 2-ая 1791—1794 (содержащая, между прочимъ, письма и бумаги, относящіяся до польскаго возстанія 1794 и до кампаніи противъ Костюшки, съ 1-го апрѣля по 19 мая 1794).

ВИЛЬНА.

1869—1870.

Лица, желающія пріобрѣсти означенное сочиненіе, благоволятъ адрессоваться въ Вильну къ издателю, Андрею Михайловичу Энгелю.

Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

Содержание 7-ой кн. „Вѣстника западной Россіи" за 1870 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**

Содержаніе 7-ой кн. „Вѣстника западной Росс
за 1870 годъ.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**